
Демьян
Бедный

ОБЩЕСТВО
КНИГОЛЮБОВ

ИЗБРАННОЕ

Пермское книжное издательство
1978

Р2
Б38

Б $\frac{70402-46}{М152(03)-78}$ 36—78

СТИХИ
БАСНИ

О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ,
МУЖИКЕ ВРЕДНОМ

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало все! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.

В хозяйстве тож из рук все валится:
Здесь — недохватка, там — изъян...
Ревут детишки, мать печалится...
Ох, брат Демьян!

Строчит урядник донесение:
«Так што нееловских селян,
Ваш-бродь, на сходе в воскресение
Мутил Демьян:

Мол, не возьмем — само не свалится, —
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками черт ли сжалится...»
Так, так, Демьян!

Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал: «Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»
Ох, брат Демьян!

«Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там, что полагается!»
Ась, брат Демьян?

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
«Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат Демьян!..

1909

* * *

Мысль изреченная есть ложь.
Тютчев

Бывает час: тоска щемящая
Сжимает сердце... Мозг — в жару...
Скорбит душа... Рука дрожащая
Невольно тянется к перу...

Все то, над чем в часы томления
Изнемогала голова,
Пройдя горнило вдохновения,
Преображается в слова.

Исполненный красы пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня.

Как поле, рдеющее маками,
Как в блеске утреннем река,
Сверкает огненными знаками
Моя неровная строка.

Звенит ее напев рыдающий,
Гремит призывно-гневный клич.
И беспощаден взмах карающий
Руки, поднявшей грозный бич.

Но — угасает вдохновение,
Слабеет сердца тетива:
Смирив нестройных дум волнение,
Вступает трезвый ум в права,

Сомненье точит жала острые,
Души не радует ничто.

Впиваясь взором в строки пестрые,
Я говорю: не то, не то...

И, убедясь в тоске мучительной,
Косноязычие кляня,
Что нет в строке моей медлительной
Ни мощи буйной, опьянительной,
Ни гордой страсти, ни огня,

Что мой напев — напев звученный,
Что слово новое — старо,
Я — обессиленный, измученный,
Бросаю в бешенстве перо!

1910

СОНЕТ

В родных полях вечерний тихий звон, —
Я так любил ему внимать когда-то
В час, как лучи весеннего заката
Позолотят далекий небосклон.
Милей теперь мне гулкий рев, и стон,
И мощный зов тревожного набата:
Как трубный звук в опасный бой —
солдата,
Зовет меня на гордый подвиг он.
Средь суеты, средь пошлости вседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром,
торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы,
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

1911

КУКУШКА

Кукушка,
Хвастливая болтушка,
Однажды, сидя на суку,
Перед собранием кукушечьим болтала
О чем попало.
Что ни взбрело в башку.
Сначала то да се, по общему примеру:
Врала, да знала меру.
Но под конец — поди ж ты! — соврала,
Что видела орла.
«Орла! Ведь выпадет же случай! —
Кукушки все тут в крик наперебой. —
Скажи ж скорей, каков орел собой?
Чать, туча тучей?!»
«Ну, это — как кому, —
хвастуньи был ответ, —
Особого в орле, пожалуй, мало.
По мне, так ничего в нем нет,
Чего бы нам недоставало:
Те ж когти, клюв и хвост,
Почти такой же рост,
Подобно нам, весь сер —
и крылья и макушка...
Короче говоря,
Чтоб слов не тратить зря:
Орел — не более как крупная кукушка!»
Так, оскорбляя прах бойца и гражданина,
Лгун некий пробовал на днях
морочить свет,
Что, дескать, обсудить —
так выйдет все едино,
И разницы, мол, нет:
Что Герцен — что кадет.

1912

ЗВЕЗДА

Почти каждый номер газеты «Звезда» конфискуется.

Земная хроника.

Ученым Энебо открыта близ созвездия Близнецов новая звезда.

Небесная хроника.

Куда ни кинь, везде беда!
Прикосновенно стало небо!
  Узнав, что неким Энебо
Открыта новая звезда,
Вскипело грозное начальство:
    «Еще *Звезда!* Ведь вот нахальство!
Ну что ж тут долго толковать?
    Конфисковать!!»

1912

«ТРИБУН»

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил:
«Скажи, Маклаций,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
Такими стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
Так на суде стоял за вора,
Как будто сам ты вор!
Беру другой пример —
совсем не для эффекта:
Известный взяточник-префект
влетел под суд,
А ты уж тут как тут,
Готовый вызволить преступного префекта.
Не ты ль в защитники
был позван богачом,
Чью знают все звериную натуру,
Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
Содрал с него бичом?
Ты с этим палачом
Предстал перед судом, хваля и обеляя,
Сам знаешь, — негодяя!
А между тем забыт тобой
твой долг прямой —
Быть люду бедному защитой!
Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой:
Кто для тебя всего дороже,
Почтивший ли тебя доверием народ
Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен
настороже?»
И юноше ответствовал трибун,

Любимец муз и граций,
Маклаций:
«Хотя ты очень юн,
Рассудка у тебя,
пожалуй, все же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит».

1912

ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный соает постаноанл увелнчнть до 15 часоа рабочий день приказчиков н лишить их праздничного отдыха.

(Из газет.)

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,
Батрак Фома, кем Еремей всегда
Хвалнлся.
Врвга бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
«Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мие невмочь
Работать на тебя и день и ночь
Без сроку.
Пусть нет в тебе на грош
перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть бога.
Смотри! ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что впору б дух лишь перевесть.
Зв недосугом я почесть
Год в церковь не ходил
н богу не молнлся!»
На батрака Ерема обозлнлся:
«Пустые все твон слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую гору
Вздору.

Никак, довесть меня ты хочешь
до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.
Смекай — коль не сошел
еще совсем с ума:
Кто любит праздновать,
тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня —
я на тебя дивлюсь:
«Год богу не молюсь!»
А не подумал, Каин,
Что за тебя помолится хозяин?!»

1912

«ДИВО»

«Андрюха — вот столяр!
                    Андрюха — вот мастак!»
С кем речь ни заведи,
                с мальцом аль со старухой,
    Все не нахвалятся Андрюхой.
Захвален под конец
                    был бедный парень так,
    Что стал как ошалелый.
«Постойте ж, удивлю, —
                кричит, — весь свет я белый!
    На кой мне ляд верстак?
    Плевать мне на рубанки!
    Одним лишь топором
Такую штуку я сварганю из болванки —
    Не описать пером!
    С ней — и пахать и сеять,
    С ней — полосу полоть,
С ней — урожай убрать,
                    помолотить, провеять
    И хлеб смолоть!»

    Андрюха зря болтать не любит,
    Он времени не губит:
    В горячке скор,
    Схватив топор,
    Колоду парень рубит.
Набилося народу полон двор.
Всяк видеть первым рад неслыханное диво.
Работает меж тем затейник наш ретиво;
Хоть пар с него валит, ему ништо: упрям!
Зато деревню всю
                впрямь удивил Андрюха.
Все ахнули, узрев диковинку:
                            «Ай, срам!
    Да это ж... рюха!»

Писатель так иной: за дело б молча сесть —
Так нет, он про него каких чудес
натрубит!
А взялся за перо, —
глядишь, ну, так и есть:
Андрюха рюху рубит!

1912

ЛЕНА

4 апреля 1912 года Ленский расстрел рабочих

Жена кормилица-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вкруг них лежит, —
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
— О братья!
Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

1912

* * *

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

Кошмарный сон — былые беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг,
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!

1912

ГАЗЕТА

Конфискованы № 1 и 2 рабочей газеты «Правда».

«Слыхал?» — «Слыхал!»
«Видал?» — «А не видал!»
«Подумай: наша, брат,
рабочая газетка!..
Чай, жиру не придаст
хозяйским-то горбам!»
«Да... Кой-кому не по зубам
конфетка».
«А нам, гляди, как выйдет впрок!
Пойдем-кась купим номерок».
Пошли, по переулкам рыщут,
Газету ищут.
«Тьфу! Будто черт газетчиков посмел!»
«Нашел газетчика, нашел!»
И впрямь нашел, судя по бляхе медной;
Стоит парнишка сам не свой,
Весь бледный.
«Газетку...» —
«Братцы,
всю унес городовой!»
«Ой, прах его возьми!..
Теперь хоть волком вой...
Ты шутишь аль взаправду?!»

Нет, не шутил бедняк:
Под глазом у него синяк
За «Правду».

1912

СЫНОК

Помещик прогорел,
не свесть конца с концом,
Так роща у него взята с торгов купцом.
Читателям, из тех,
что позлословить рады,
Я сам скажу: купчина груб,
И рощу он купил совсем не для прохлады,
А — дело ясное — на сруб.
Все это так, чего уж проще!
Однако ж наш купец,
бродя с сынком по роще,
Был опьянен ее красой.
Забыл сказать — то было вешним утром,
Когда, обрызгана душистою росой,
Сверкала роща перламутром.
«Не роща — божья благодать!
Поди ж ты! Целый рай купил
за грош на торге!
Уж рощу я срублю, —
орет купец в восторге, —
Не раньше осени, как станет увядать!»
Но тут мечты отца
нарушил сын-мальчонок:
«Ай, тятенька, гляди:
раздавленный галчонок!»
«И впрямь!..
Ребята, знать, повадились сюда.
Нет хуже гибели для птиц, чем в эту пору!
Да ты пошто ревешь? Какая те беда?»
«Ой, тятенька! Никак, ни одного гнезда
Мне не осталось... для разору!»

Что скажешь о сынке таком?
Он жадность тятькину —
в количестве сугубом, —

Видать, усвоил с молоком,
Был тятька — кулаком.
Сын будет — душегубом!

1912

ПРАВДОЛЮБ

«В таком-то вот селе,
в таком-то вот приходе», —
Так начинают все, да нам — не образец.
Начнем:
в одном селе был староста-подлец,
Ну, скажем, не подлец,
так что-то в этом роде.
Стонали мужики: «Ахти, как сбыть беду?»
Да староста-хитрец
с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
Держать себя подобно воеводе,
Сражаться с иродом таким
Боялись все. Но только не Аким:
Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный правдолюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
Так поминай как звали!
Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
Такую резал правду-матку,
Что тот от бешенства рычал
и рвался в схватку, —
Но приходилося смирять горячий нрав:
Аким всегда был прав,
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
Да что? Не в правде сила!
В конце концов нашел наш староста исход:
«Быть правде без поблажки!»
Так всякий раз
теперь Аким глядит на сход...
Из каталажки.

1912

ДОМ

В шестиэтажном доме г. Торкачева, выходящем из Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

(«Новое время», № 13056, 1912 г.)

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут — пришлось тужить:
Дом — ни продать, ни заложить,
Жильцы — вразброд бежали,
А кредиторы — жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил:
«Заминка, братцы, в малом,
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с'него я все долги покрою».
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,

Он к дому старому
почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,
Переменил обои
И — смотрит богачом!
Дом — только б не было
насчет нутра огласки —
По виду ж — ничего:
жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в «новом» доме
все с заморских образцов
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова
И даже —
Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.
Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов —
всего послушный только дворник.
Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Так дешевизне
впрямь дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать,
дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же — весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!
Хозяин в бурное приходит восхищенье:
«Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»
Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.

Как только ж удалося свесть
    Ему концы с концами,
К расправе приступил он
                                        с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать и честь,
И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
    Не забираться во дворец.
Контрактов не было, так потому хитрец
    Мог проявить хозяйский норов
И выгнать бедноту
                                        без дальних разговоров.
А чтобы во «дворец»
                                        не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
    И наказал швейцарам —
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали?
                    Кончилась затея с домом скверно:
Дом рухнул. Только я проверить не успел:
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел?
                                        Обвалится, наверно.

1912

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут из хуторá,
Худо ль, лучше ль
будет жить,
А нет охоты выходить.

«Псковская жизнь», 1911 г. № 557 «Деревенские частушки»

Где в мире найдем мы пример, подобный русской аграрной реформе? Почему не могло бы совершиться нечто подобное и среди тружеников промышленного дела?

«Россия», 17.VIII, 1912 г.

Над переулочком
стал дождик чистый крапать.
Народ — кто по дворам,
кто — под навес бегом.
У заводских ворот
столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.
«Ну что, брат-лапоть, как делишки?» —
С соседом речь завел сапог.
«Не говори... Казнит меня за что-то бог:
Жена больна и голодны детишки...
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ...
Последние проели животишки...»
«Что так? Аль мир тебе
не захотел помочь?»

«Не, мира не порочь.
Мир... он бы, чай, помог...
Да мы-то не миряне!»
«Что ж? Лапти перешли в дворяне?»
«Ох, не шути...
Мы — хуторяне».
«Ахти!
На хутора пошел? С ума ты, что ли, выжил?»
— «Почти!
От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: «Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
Кто не пойдет на хутора,
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,
Рукам — легко, душе — отрадно.
Рай — не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!»
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Поверили. Изведали житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла:
заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало — не воротишь!
Теперь по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья».
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздохнул сапог: «Эхма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя, как ни тяжка,

Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»
Насчет отпору
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.
А вот на нас на всех пусть петлю кто
накинет!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка нас тронь.
Мы повоюем!»

1912

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком бережку
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.
«Здорово!» — пропищал кларнет.
«Здорово, брат, — рожок в ответ, —
Здорово!
Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?»
«Вот это ново, —
Обиделся кларнет. —
Глаза вперед протри
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немного
схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам,
н то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князья и графы!
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь под твою — быки с коровами одни
Хвостами машут!»
«То так, — сказал рожок, —
нам графы не сродни.
Одначе помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!»

1912

РАЗМАХНУЛСЯ Б Я БАСНЕЙ ЗАДОРНОЮ...

Задержаны и арестованы три народных певца, распевающих по дворам песни революционного содержания.

Размахнулся б я басней задорною,
Распростясь на минуту с кручиною,
Да боюсь, чтобы слезы не брызнули
Под веселой личиною.

А и спел бы я, братцы, вам песенку
Обо всем, что на сердце скрывается,
Да не всякая песенка
До конца допевается.

1912

ЭСТЕТИК

Долой политику! Да здравствует эстетика!

(Из современных лозунгов.)

Ослу, каких теперь немало,
Наследство с неба вдруг упало.
Добро! За чем же дело стало?
Схватив что было из белья
Да платье модного покроя,
Летит на родину Илья
(Так звали нашего героя).
«Ах! Ах! — приехавши домой,
Заахал радостно детина. —
Какая прелесть, боже мой!
Ну что за дивная картина!
Обвеян славной стариной,
Как ты прекрасен, дом родной!
Привет, почтенная руина!
В тебе живут былые дни.
Священна каждою песчинкой,
Стой, как стояла искони!
Тебя я — боже сохрани —
Чтоб изуродовал починкой!»
Избравши для жилья покой
Полуразрушенный, с пролетом,
Лишенным кровли, наш герой
Ликует, хоть его порой
То куры угостят пометом,
То сверху треснет кирпичом,
То дождь промочит. Ровным счетом
Илье все беды нипочем.
Сроднясь душой и телом с грязью,
Леча ушибы — пудрой, мазью,

Среди развалин и гнилья,
Среди припарок и косметик,
Не падал духом наш Илья
Он был в восторге от «жилья»,
Зане — великий был эстетик!

1912

ОПЕКУН

Такое диво в кои веки:
Совсем на днях сановник некий
Сиротский посетил приют.
«Великолепно! Превосходно!
Ну, прямо рай: тепло, уют...
Детишки — ангелы. А честь как отдают!
И маршируют?»
«Как угодно, —
По отделеньям и повзводно...»
«Быть может, «Славься» пропоют?
Восторг! Божественно! И этому
виновник?..»
Смотритель дал ответ: «Я-с и моя жена».
«За все вам русское мерси! —
изрек сановник. —
Такая именно нам школа и нужна,
С патриотической основой.
Я очень ваш почин ценю.
Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
А здесь — столовая? Доволен и столовой.
Позвольте мне меню.
Как?! — вдруг вскипел наш гость. —
Молочный суп... Жаркое...

И это... это — в пост!
Черт знает, что такое!»
«Ваш-сясь! Питанье... Малютки... Хилый
рост...
Из бедноты сиротки...
Родные померли все больше от чахотки...
Врачи...»
«Врачи нахально врут!
Не допущу потворства!
С поста не мрут,
А мрут — с обжорства!»

«Ведь этакий вандал!» —
Иной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства — ежедневно!

1912

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать — сорок
Устроили совет.
«Житья нам, братцы, нет».
«Беда. Хоть с мосту в воду».
«Добудемте права!»
«Умремте за свободу!»

. . . .

От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава,
Как первый, кто кричал:
«За волю в землю лягу!» —
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто куда,
Айда!

ооо

Зайчиха с заинькой под кустиком сидела,
«Охти мне, без тебя уж стала тосковать,
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорились, что ль,
в совете вы до дела?»
«Договорилися. Решили бунтовать!»

ооо

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
Не говоря уж о лисе,
Теперь, поди, хвосты поджали звери все, —
А больше всех, понятно, волки?!

1912

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич!
Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем — все равно
Водой промочит все зерно».
Приказчик мечется, хлопочет.
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
«Святители! Разор!
Чины небесные, архангелы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!»
То слыша, говорит приказчик Пантелею:
«Ты это что ж, Ильич?
Про мачту-то... всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?»
«Молчи, дурак, — умнее будешь! —
Хозяин отвечал сквозь слез. —
Дай только вымолить у неба жалость.
Чтоб я с моим добром остался невредим, —
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!»

° ° °

Читатель, за вопрос нескромный извини:
Скажи, ты помнишь ли те дни,
Когда везде толпы народа
Гудели, как шмели
У меда:

«Свобода!»
«Свобода!» —
А дела до конца не довели.
На радостях, забыв о старом,
Обмякли перед вольным даром.
Читатель, ежли ты один из тех шмелей,
Сам на себя пеняй и сам себя жалей, —
А мне тебя не жаль.
Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

1913

МУРАВЬИ

«Рабочей армии мы светлый гимн поем!
Связавши жизнь свою
с рабочим муравьем,
Оповещаем вас, друзья,
усталых, потных,
Больных, калек и безработных:
В таком-то вот дупле открыли мы прием
Даяний доброхотных.
Да сбудется,
что вам лишь грезилось во сне!
В порыве к истине,
добру, свободе, свету,
При вашей помощи, мы по весне
Решили основать рабочую газету!»
Бог весть, кому пришло
в счастливый час на ум
Такое наколоть воззванье на репейник,
Что рос при входе в муравейник.
У муравьев поднялся сразу шум,
Движенье, разговоры
И споры.
От муравья шла новость к муравью:
«Слыхал? Газетку, брат,
почнем читать свою!»
И на газету впрямь средь говора и писка
Пошла пребойкая подписка,
А дальше — муравей,
глядишь, за муравьем,
Здесь — в одиночку, там — вдвоем,
Отдавшись увлеченью,
Несут: кто перышко, кто пух,
кто волосок,
Кто зернышко, кто целый колосок...
Предела нет святому рвенью!
Кипит работа. Через час

Подписка и припас
Пошли по назначенью.
Газету жадно ждут равно —
старик, юнец,
От нетерпенья изнывая.
В начале мая
Газета вышла наконец.
На час забыты все заботы,
Работникам не до работы:
Кто не читает сам, те слушают чтеца.
«Так!»
«Правда!»
«Истина!»
«Смотри ж ты, как понятно!»
«Читай, миляга, внятно!»
Все живо слушают с начала до конца:
Тот — крякнет, тот — вздохнет,
тот — ахнет...
Что не осилил ум, то схвачено чутьем.
«Вот... Сла-те, господи! Дождались:
муравьем
Газетка пахнет!»
«Видать, орудуют свои».
«Бог помочь им! Святое дело!»
«Вот... прямо за душу задело!..»
И рядовые муравьи,
Кто как хотел и мог,
в газету путь проведав,
Шлют за статьей статью
Про жизнь про горькую свою,
Про душегубов-муравьедов,
Про то, чтоб муравьям сойтись
в одну семью,
Скрепивши родственные узы.
И до того статьи, как видно,
били в цель,
Что не прошло и двух недель —
Все муравейники сплотилися в союзы!
Жизнь муравьиная! С работы —
ломит грудь...
А тут беда — гнездо загажено, разрыто:

То рыло по гнезду прошлося чье-нибудь,
То чье-нибудь копыто.
Но муравьям теперь не так страшна беда:
Газетка скажет,
как все сообща поправить,
Подскажет остальным товарищам — куда
Подмогу братскую направить.
Меж тем идет весна.
Успело все отцвесть,
И время двигается к лету.
С газетой — чудеса: денек газета есть,
А три дня — нету.
Мурашки — ах да ох!
Пошли меж ними слухи,
Что дело гадят мухи:
Все это — их подвох;
Что, бог весть, живы все ли
В газете земляки;
Что все дупло обсели
Могильщики-жуки.
Мурашки бьют тревогу:
«Спешите, братцы, все —
газете на подмогу,
Чтоб отстоять ее судьбу.
Ведь польза от нее так явно всем
приметна:
Жизнь будет без нее мертва
и беспросветна,
Как в заколоченном гробу.
Припасы наши как ни тощи,
Покажемте пример великой нашей мощи
И, чтобы доказать,
что эта мощь — не тень,
Назначим «трудовой» в году особый день,
Доход которого отчислим
Газете, коей мы живем
И пролетарски мыслим!
Когда душа горит божественным огнем, —
Пусть тучи грозные нависли! —
Пред темной силою мы шеи не согнем.
Товарищи! Да здравствует подъем!

Да будет первый день газеты нашей —
«Днем
Рабочей вольной мысли!»

ооо

Стал муравей за муравья,
А муравьед за муравьеда.
За кем останется победа —
Вы догадаетесь, друзья!

1913

КЛОП

Жил-был на свете клоп.
И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться
случайно.
Клоп рад был встрече чрезвычайно,
Панкрат — не слишком рад.
А надо вам сказать: судьба свела их
вместе —
Не помню точно — где,
Не то в суде,
Не то в присутственном каком-то
важном месте.
Кругом — чины да знать. Нарядная толпа
Изнемогает в кривотолках.
Панкрат и без того сидел, как на
иголках, —
А тут нелегкая несет еще клопа!
Взобравшись ловко по обоям
К Панкрату на рукав, клоп этаким героем
Уселся на руку и шарит хоботком.
От злости наш Панкрат позеленел весь
даже:
«Ах, черт, и ты туда же
Кормиться мужиком!» —
И со всего размаху
Хлоп дядя по клопу свободною рукой.
Мир праху и вечный упокой!
Читатель, отзовись: не помер ты со страху?
А я — ни жив ни мертв.
Наморщив потный лоб,
Сижу, ужасною догадкой потрясенный:
Ну что, как этот клоп —
Казенный?!

1913

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняяся без дела
 В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
 На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю,
 а может — «не случайно»?)
 Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
 Для руководства всей борьбой
 И управления общиной?
Достойных выбрали. «Все любы вам
 аль нет?»
«Все любы!» — «Все!» — «Проголосуем».
«Согласны, что и подписуем».
«Позвольте! Как же так?
 Уж утвержден Совет? —
Пищит какой-то вьюн. —
 Да я ж не подписался!»
 «Ты к нам откуда притесался? —
 Кричат ерши. —
 Не шебарши!»
«Чего — не шебарши?
 Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов,
 почище вас умы.
 Со щукой боремся и мы».
 «Вы?!» — «Чем напрасно горячиться
 Да подыматься на дыбы,
 Вам у вьюнов бы поучиться
 Культурным способам борьбы».
«Каким?» — «Сноровке и терпенью.
 Уметь мелькнуть неслышной тенью,
 Где попросить, где погрозить,

Где аргументом поразить, —
Зря не казать своих колючек.
Колючки — это уж старо!»

«Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?»
«Есть». — «Без колючек всё?» —
«Вестимо».
«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

1913

ДРУЗЬЯМ

Восходит день... И как там дальше?
Не мастер я по части од.
Не выношу нарядной фальши,
Хотя б и с маркою свобод.
У одописцев — ну их к богу —
Рассудок с сердцем не в ладу.
Авось без вымыслов дорогу
Я к сердцу вашему найду.
И вряд ли кто меня осудит
И горький мне пошлет упрек.
Не говорю я — «дня не будет»,
Но говорю, что «день далек».
Утешен сказкою обманной
Тот, кто свободу жадно «ждет»:
Она — увы! — небесной манной
Сама собой не упадет.
Все, кто в тоске о сроке скором
Готов проклятья слать судьбе,
Все обратитеся с укором
К самим себе, к самим себе.
Вы, вы творцы свободной доли,
«Судьбу» куете вы одни.
От ваших сил и вашей воли
Зависят сроки все и дни.
От вас зависит: пить отраву
Иль гнать трусливую ораву
Тех, кто лукаво вам твердит:
«Порыв несдержанный вредит,
А — полегоньку, понемножку,
Мы, глядь, и выйдем на дорожку».
Да, говорю я, день далек,
Но пусть не робкий уголек,
Пусть ваше слово будет — пламя
Огня, горящего в груди,
Пусть, развернувшись, ваше знамя

Зареет гордо впереди,
Пусть гневом вспыхнут ваши очи
И с лиц сойдет унынья тень,
Тогда скажу я. — нет уж ночи,
    Восходит день!

1913

НАКАЗ

В непроезжей, в непролазной
В деревушке *Недородной*
Жил да был учитель сельский,
С темнотой борясь народной.

С темнотой борясь народной,
Он с бедой народной сжился:
Каждый день вставал голодный
И голодный спать ложился.

Но душа его горела
Верой бодрой и живою.
Весь ушел учитель в дело,
С головою, с головою.

Целый день средь ребятишек
Он ходил, худой и длинный.
Целый день гудела школа,
Точно рой живой пчелиный.

Уж не раз урядник тучный,
Шаг замедлив перед школой,
Хмыкал: «Вишь ты... шум... научный...
А учитель-то... с крамолой!»

Уж не раз косил на школу
Поп Аггей глазок тревожный:
«Ох, пошел какой учитель...
Все-то дерзкий... все безбожный!..»

Приезжал инспектор как-то
И остался всем доволен,
У учителя справлялся:
Не устал он? Может, болен?

Был так ласков и любезен,
Проявил большую жалость,
Заглянул к нему в каморку,
В сундучке порылся малость.

Чрез неделю взвыл учитель —
Из уезда предписанье:
«Обнаружив упущенья,
Переводим в наказанье».

Горемыка, распростившись
С ребятишками и школой,
С новым жаром прилепился
К детворе деревни *Голой*.

Но, увы, в деревне *Голой*
Не успев пробыть полгода,
Был он снова удостоен
Перевода, перевода.

Перевод за переводом,
Третий раз, четвертый, пятый...
Закручинился учитель:
«Эх ты, жребий мой проклятый!»

Изнуренный весь и бледный,
Заостренный, как иголка,
Стал похож учитель бедный
На затравленного волка.

Злобной, горькою усмешкой
Стал кривить он чаще губы:
«Загоняют... доконают...
Доконают, душегубы!»

Вдруг негаданно-нежданно
Он воскрес, душой воспрянул,
Будто солнца луч веселый
На него сквозь туч проглянул.

Питер! Пышная столица!
Там на святках на свободных —

Сон чудесный! — состоится
Съезд наставников народных.

Доброй вестью упоенный,
Наш бедняк глядит героем:
«Всей семьей объединенной
Наше горе мы раскроем.

Наше горе, наши муки,
Беспросветное мытарство...
Ко всему приложим руки!
Для всего найдем лекарство!»

На желанную поездку
Сберегая грош последний,
Всем друзьям совал повестку,
С ней слетал в уезд соседний.

В возбужденье чрезвычайном
Собрались учителишки,
На собраньи на тайном
Обсудили все делишки:

«Стой на правом деле твердо!»
«Не сморгни, где надо, глазом!»
Мчит герой наш в Питер гордо
С поручительным Наказом.

Вот он в Питере. С вокзала
Мчит по адресу стрелою.
Средь огромнейшего зала
Стал с Наказом под полою.

Смотрит: слева, справа, всюду
Пиджаки, косоворотки...
У доверчивого люда
Разговор простой, короткий.

«Вы откуда?» — «Из Ирбита.» —
«Как у вас?» — «Да уж известно!»
Глядь — душа уж вся открыта,
Будто жили век совместно!

Началося заседанье.
И на нового соседа
Наш земляк глядит с улыбкой:
Экий, дескать, непоседа!

Повернется, оберется,
Крякнет, спросит, переспросит, —
Ухмыляется, смеется,
Что-то в книжечку заносит.

Франтоват, но не с излишком,
Рукава не в рост, кургузы;
Под гороховым пальтишком
Темно-синие рейтузы.

Тараторит: «Из Ирбита?
Оч-чень р-рад знакомству с вами!»
И засыпал, и засыпал
Крючковатыми словами:

«Что? Наказ?.. Так вы с Кавказом?..
Единение?.. Союзы?..
Оч-чень р-рад знакомству с вами! —
Распинались рейтузы. —

Мил-лый! Как? Вы — без приюта?..
Но, ей-богу... вот ведь кстати!
Тут ко мне... одна минута...
Дело всё в одной кровати...»

Не лукавил «друг-приятель»,
«Приютил» он друга чудно.
Где? — Я думаю, читатель,
Угадать не так уж трудно.

Съезд... Сановный покровитель...
Встречи... Речи... Протоколы...
Ах, один ли наш учитель
Не увидел больше школы!

1914

И ТАМ И ТУТ...

Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца.

(Из речи Литвинова-Фалинского.)

Умер рабочий завода «Вулкан» Андреев, застреленный городовым во время демонстрации.

(Из газет.)

На фабрике — отрава,
На улице — расправа.
И там свинец, и тут свинец...
Один конец!

1914

ДОБРЯК

Какой-то филантроп,
увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,
Лежащего средь цветника врастяжку,
Воскликнул: «Жалко мне, дружок,
измятых роз.
Но больше жаль тебя, бедняжку.
Скажи, зачем ты здесь?»
«Ах, — отвечал сквозь слез
Малютка голосом,
исполненным страданья, —
Я третий день... без пропитанья!..
И здесь я рву...
И ем... траву!»
«Траву? — вскричал добряк,
разжалобившись пуще. —
Так обойди же дом и поищи во рву:
Там ты найдешь траву куда погуще!»

1914

ДИВО ДИВНОЕ

Сказка

Ну, вот:
Жил-был мужик Федот —
«Пустой Живот».
Недаром прозвищем таким он прозывался.
Как черный вол, весь век
Трудился человек,
А все как голым был,
так голым оставался —
Ни на себе, ни на жене!
Нет к счастью, хоть ты что,
для мужика подходу.
Нужда крепчала год от году
И наконец совсем Федотушку к стене
Прижала так, — хоть с моста в воду.
Ну, хоть живым ложися в гроб!
«Весна-то... Вёдрышко!.. И этаку погоду
Да прогулять?! —
стонал несчастный хлебороб,
Руками стиснув жаркий лоб. —
Святитель Миколай! Мать пресвятая
дева.
Избави от лихой беды!»
У мужика зерна не то что для посева,
Но горсти не было давно уж для еды.
Затосковал Федот. Здоровье стало хуже.
Но, явно та́я с каждым днем,
Мужик, стянув живот ремнем
Потуже,
Решил говеть. Пока говел —
Не ел,
И, отговевши,
Сидел не евши.
«Охти, беда! Охти, беда! —

Кряхтел Федот. — Как быть?
И жить-то неохота!»
А через день-другой и след простыл
Федота:
Ушел неведомо куда!
Федотиха, в слезах от горя и стыда,
Сама себя кляла и всячески ругала,
Что, дескать, мужа проморгала.
А муж,
Сумев уйти тайком от бабы,
Не разбирая вешних луж,
Чрез ямы, рытвины, ухабы,
По пахоти, по целине
Шагал к неведомой стране, —
Ну, если не к стране, то, скажем, так
куда-то,
Где люди, мол, живут и сытно и богато,
Где все, чего ни спросишь, есть,
Где мужику дадут... поесть!
Худой да легкий с голодовки,
Федот шагал без остановки,
Порой почти бежал бегом,
А как опомнился уж к ночи,
Стал протирать в испуге очи:
Дождь, ветер, а кругом...
дремучий лес кругом.
Искать — туда, сюда...
Ни признаку дороги.
От устали Федот едва волочит ноги;
Уж мысль была присесть
на первый же пенек, —
Ан только в поисках пенька
он кинул взглядом,
Ни дать ни взять — избушка рядом.
В окне маячит огонек.
Кой-как нащупав дверь, обитую рогожей,
Федот вошел в избу.
«Здорово, землячок! —
Федота встретил так хозяин-старичок. —
Присядь. Устал, поди, пригожий?
Чай, издалёка держишь путь?»

«Из Голодаевки».
«Деревня мне знакома.
Рад гостю. Раздевайсь».
«Мне малость бы соснуть».
«Располагайся, брат, как дома.
А только что я спать не евши не ложусь.
Ты как на этот счет?»
«Я... что ж? Не откажусь!..»
«Добро. Мой руки-то. Водица у окошка».
«Ну, — думает Федот, —
хороший хлебосол:
Зовет за стол,
А на столе, гляди,
хотя бы хлеба крошка!»
«Умылся? — между тем хлопочет
старичок. —
Теперь садись, да знай: молчок!»
А сам захлопотал: «А ну-тка. Диво. Диво!
Входи в избушку живо,
Секися да рубися,
В горшок само ложися,
Упарься,
Прижарься,
Взрумянься на огне
И подавайся мне!»
В избу, гагакнувши за дверью,
Вбежало Диво — гусь по перью.
Вздул огонечек гусь в золе,
Сам кипятком себя ошпарил,
В огне как следует поджарил
И очутился на столе.
«Ешь! — говорит старик Федоту. —
Люблю попотчевать гостей.
Ешь, наедайся, брат, в охоту, —
Но только, чур, не трожь костей!»
Упрашивать себя мужик наш не заставил:
Съел гуся начисто,
лишь косточки оставил.
Встал, отдуваясь:
«Ф-фу! Век так не едал!»
А дед опять захлопотал:

«Ну, яости, яости, собирайтесь
И убнрайтесь!»
Глядь, уж н нет костей: как был, н жнв
н цел,
Гусь со стола слетел.
«Эх! — крякнул тут Федот,
увндя штуку эту. —
Цены такому гусю нету!»
«Не покупал, — сказал старнк,— не продаю:
Хорошнм людям так даю.
Коль Днво нравнтся,
берн себе на счастье!»
«Да батюшка ж ты мой!
Да благодетель мой!»
На радостях, забыв про ночь н про
ненастье,
Федот с подарком под полой,
Что было ног, помчал домой.
Прнмчал.
«Ну, что, жена? Здорова?»
И, молвить ей не давшн слова,
За стол скорее усаднл,
Мясцом гусным угостнл
И Днво жнть заставнл снова.
Вся охмелевшн от мясного,
«Ахтн!» — раскрыла баба рот,
Глядит, глазам своим не веря.
Смеется радостно Федот:
«Не голодать уж нам теперя!»
Пожнвшн на мясном денька прнмерно два,
И телом н душой Федот совсем воспрянул.
Вот в лес на третнй день ушел он по дрова.
А следом поп во двор к Федотихе нагрянул:
«Слыхалн!.. Как же!.. Да!..
Пошла везде молва
Про ваше Днво.
Из-за него-де нерадиво
Блюстн ты стала с мужем пост.
Кая?! Я... отец ваш... я... молюсь о вас,
пекуся,
А вы — скоромнться» — Тут, увидавшн гуся,

Поп цап его за хвост!
Ан руки-то к хвосту и приросли у бати.
«Постой, отец! Постой!
Ведь гусь-то не простой!»
Помещик, глядь, бежит соседний,
сам не свой:
«Вцепился в гуся ты некстати:
Хоть у деревни справься всей, —
Гусь этот — из моих гусей!»
«Сей гусь?!»
«Вот — сей!!»
«Врешь! По какому это праву?»
Дав сгоряча тут волю нраву,
Помещик наш отца Вариаву
За бороденку — хвать!
Ан рук уже не оторвать.
«Иван Перфильич! Вы — забавник!»
Где ни возьмися, сам исправник:
«Тут дело ясное вполне:
Принадлежит сей гусь казне!»
«Гусями вы еще не брали!..»
«В казну!»
«В казну! кому б вы врали
Другому, только бы не мне!»
Исправник взвыл:
«Нахал! Вы — грубы!
Я — дворянин, прошу понять!» —
И кулаком нахала в зубы.
Ан кулака уж не отнять.
Кричал помещик, поп,
исправник — все охрипли,
На крик охотников других несло, несло...
И все одни к другому липли.
Гагакал дивный гусь,
а жадных душ число
Росло, росло, росло...
Огромный хвост людей за Дивом
Тянулся по горам, пескам, лесам и нивам.
Весна испортилась, ударил вновь м роз,
А страшный хвост у дивной птицы
Все рос да рос.

И, бают, вот уж он почти что у столицы.
Событья, стало быть, какие у дверей!
Подумать — обольешься пóтом.
Чем все б ни кончилось,
но только бы скорей!
Федот!! Ну, где Федот?.. Все дело за
Федотом!!

1914

МАЙ

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
«Лука, — будил его хозяин, — а Лука!
Ты что ж? Всерьез?
Аль так, валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебока?
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты,
вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Всё голь фабричная...
У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна...
Мутить простой народ...
«Ма-ев-ка!» Знаем мы маевку.
За что я к пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дурн... Одумайся... пока...
Добром прошу...
Потом ужо не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел.
Глаза горят, как свечи.
«Хозяин! — вымолвил. —
Запомни... этот — май!.. —
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: —
Слышь? Лучше не замай!!»

1914

ПОЧЕМУ?

Русский хлеб — хороший хлеб.
Народный хлеб.

«Новое время». 4 июня 1914 г.

«Хороший хлеб! Народный хлеб!»
Не потому ли хлеб «народный»,
Что странной волею судеб
Народ весь век сидит... голодный?!

1914

ПУШКА И СОХА

Увидевши соху, «Послушай-ка, старушка, —
Сказала пушка, —
Аль ты глуха?
Я тут гремлю весь день,
а ты и не слыхала?
Ты что ж тут делала — ха-ха?»
«Пахала, — молвила соха, —
Пахала».
«Пахала? Что ты! Не смеши.
Работать для кого? Ведь ни одной души
Не сыщется живой в разбитой
деревушке.
Твк что ж тебе теперь осталось?
Отдыхать?!»
«Пахать, — соха сказала пушке, —
Пахать!..»

о

На ниве брошенной,
среди камней и терний,
Не прерывая борозды,
Друзья, работайте от утренней звезды —
И до вечерней!
Ваш мирный подвиг свят,
и нет его безмерней.
Под грохот пушечный, в бою,
в огне, в аду,
Я думаю о вас, чей путь простерся в
вечность.
Привет мой пахарям,
борцам за человечность!
Привет мой мирному —
культурному труду!

1914

«БАТАЛИСТЫ»

Посвящается военным «беллетристам» — А. Федорову, М. Муйжелю и им подобным

На все наведена искусно позолота.
Идеи мирные, как шелуху, отвеяв,
Бытописатели российского болота
    Преобразилися в Тиртеев.
Победно-радостны, нахмурив грозно брови,
За сценкой боевой
                    спешат состряпать сценку:
С еще дымящейся, горячей братской крови
    Снимают пенку!

1915

БАСНИ ЭЗОПА (1914—1916)

БРАК БОГОВ

Когда, среди богинь метнувши жребий,
боги
Вводили жен в свои небесные чертоги,
Суровый бог войны, омытый весь в крови,
Взял в жены чуждую отраде материнства
Богиню грабежа и гнусного бесчинства.
Восторгов неземных и знойных чар любви
Неиссякаемый родник найдя в богине,
Бог неразлучен с ней поныне.
С тех пор, однако, для страны,
Охваченной огнем кровавого пожара,
Изнемогающей от вражьего удара,
Не так ужасен бог войны,
Как подвиги его божественной жены.

МАЛЬЧИК И ПРОХОЖИЙ

«Спа... си... те!.. Ай!.. То... ну!»
«Вот видишь! — стал корить несчастного
прохожий. —
Зачем же ты, малец пригожий,
Полез на глубину?
Ай-ай! Ну, разве можно
Купаться так неосторожно?
Ужо, дружок, вперед смотри...»
Прохожий говорил с великим увлеченьем,
А мальчик, втянутый в водоворот теченьем,
Давно пускал уж пузыри!

о

Есть тьма людей: нравоученьем
Они готовы вам помочь в беде любой,
Отнюдь не жертвуя собой!

ПЕСКАРЬ

Бог весть из-за какой
Такой
Причины,
Среди морской
Пучины
Вели с Китами бой
Дельфины.
То увидал Пескарь: «Ой, братцы!
Что я зрю?
Голубчики, да что вы?!
Давайте я вас помирю!»
«Вон! — гаркнули бойцы. —
Да мы скорей готовы
Все лечь костьми, чем дать мирить нас —
Пескарю».

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись —
Медведь с Китом,
И так сдружились крепко оба,
Что, заключив союз до гроба,
Друг другу поклялися в том,
Что каждый помогать другому
будет в горе,
Ну, скажем там, болезнь случится
иль война...
Вот, как на грех, пришлося вскоре
Нарваться Мише на Слона.
Увидевши, что близко море,
Стал Миша друга звать скорей:
«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»
Кит в берег тычется, — увы, царю морей
Не выбраться на сушу!
Медведь Кита корит:
«Изменник! Продал душу!»
«Кому? — ответил Кит. —
И в чем моя вина?
Вини мою природу!
Я помогу тебе, как только ты Слона
Швырнуть сумеешь в воду!»
«Дурак! — взревел Медведь. —
Не знал бы я беды,
Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой,
Антигоны,
Богач Филон, как должно богачу
(Не скареду, я тó сказать хочу).
Устроил пышные на редкость похороны.
«О матушка, скажи, как это понимать? —
В смущенье молвила сквозь слезы
дочь вторая. —
Сестре-покойнице ужели не сестра я
И ты — не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?
Их скорбь так велика
И горе — очевидно,
Что мне становится обидно:
Зачем они сюда пришли издалека
При нас оплакивать им чуждую утрату?»
«Никак, — вздохнула мать, —
ты, дочь моя, слепа?
Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умейте отличать
Скорбь тех, кто иль привык,
иль вынужден молчать,
От диких выкриков и воплей неуемных
Кликуш озлобленных
и плакальщиц наемных!

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг, — выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил, —
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

о

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
    «Грабеж! Разбой! —
    Волк поднял вой. —
Так вот какой ты есть
                    защитник угнетенных!
    Так вот изнанка какова
    Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
    Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
    Я, не боясь, скажу, что он
Из беззаконников —
                    первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд!
                    Есть справедливый гнев!..»
    «Брось! — усмехнулся Лев. —
Все это без тебя мне хорошо известно,
    Как не секрет и волчий нрав.
В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

ВОЛК И ОВЦА

Волк тяжко занемог:
Почти лишившись ног,
Лежал он, как колода,
Без ласки, без ухода.
В такой беде, увидевши Овцу,
Взмолился Волк:
«Роднулечка-Овечка,
Остановись на два словечка!
Ты видишь:
жизнь моя приблизилась к концу.
Ах, знаю, я — злодей,
и нет мне оправданья!
Но злость ко мне растет
пусть в ком-нибудь другом,
А ты, ты сжалишься в порыве состраданья
Над умирающим врагом!
Предсмертной жаждою томимый
нестерпимо,
Святая, кроткая, я об одном молю:
Помочь мне доползти к реке,
текущей мимо,
Где я жестокие страданья утолю!»
«Ужель, — Овца в ответ, —
я сделаюсь виною
Того, чтоб ты остался жив,
Себя водою освежив
И вкусивши после... мною?»

ДУБ И КЛИНЬЯ

Пав жертвой дровосека,
Вздохнул могучий Дуб
на весь зеленый бор:
«Как ни обидно мне,
друзья, на человека
И на его топор,
Но во сто крат больней
мне видеть клинья эти,
Которые меня стремятся расколоть:
Все из моих ветвей — мои родные дети
Зубами острыми впились в родную плоть!»

ДОБРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:
«Ты, кумушка, не думай,
Что я всегда такой угрюмый:
Злость на меня находит полосой,
А вообще, сказать не лицемеря,
Добрей меня не сыщешь зверя.
Спроси хоть у людей:
ем мертвых я аль нет?»
«Ах, кум, — Лиса в ответ, —
Что мертвые?! Я думаю другое:
Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
Когда бы мертвецов ты менее щадил,
Но... оставлял живых в покое!»

°

Смысл этой басенки не нов
Для лицемеров и лгунов:
Прочтут, поймут... и не покажут вида,
Что их касается обида!

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
  В ненашем государстве,
  За тридевять земель
    Отсель,
Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
  Случилось что-то вроде смуты.
  «Разбой! — кричали все. — Грабеж!»
  Шли всюду суды-пересуды:
  Порядки, дескать, в царстве худы,
  Насилья много от вельмож!
    Одначе
Хоть бунтовали все, но в общей суете
    Верх брали те,
  Кто посильней да побогаче:
  «Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
  Царь нас рассудит в лучшем виде»,
Но — то ли сам дошел,
            то ль расхрабрясь от слов
Вельможи главного, злодея Протоплута,
  Не допустил к себе послов
    Мудрейший царь Тофута.
«Нелепо, — молвил он, —
            мне слушать их, зане
Все, что известно им, известно также мне.
  А ежли что мне неизвестно,
О том им толковать подавно неуместно!»
Но черный люд не сдал:
            боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло,
            поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,

Да так скрутили всех,
хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не запомнят старожилы».
Пошел в народе разговор:
«Попали мы впросак!»
«Того ль душа хотела?»
«Эх, не доделали мы дела!»
«От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
Потолковали,
Погоревали
И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!
Я в этом царстве жил недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте
И с применением каких геройских мер.
Вы этого всего нагляднейший пример
В *Коммунистическом* найдете *манифесте*.

1917

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ»[1]

Что Николай «лишился места»,
Мы знали все без манифеста,
Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

[1] Первый раз было напечатано в «Известиях Петроградского Совета» в номере от 4 марта 1917 г. *(Здесь и далее примечания автора. — Р е д.)*

РАЗГРУЗКА

Во Временном праавительстве разрабатывается план разгрузкн Петрограда от заказоа н от рабочнх.

Пыхтнт несчастный пароаоз.
Скрнпят разбнтые вагоны.
В «господскнх» классах —
крнкн, стоны;
У нежных дамочек от слез
Мешочкн вздулись под глазамн.
«Какой скандал, судите самн:
То угля нет, то нет воды».
«Пять-шесть мннут плохой езды,
Потом стонм, стонм часамн».
«Так не доехать ннкогда...»
«При чем тут уголь, господа?
Наш поезд черныю перегружен».
«Их власть, что делать!» —
«Чья?» — «Ну, чья:
Солдат, фабрнчных, мужнчья...»
«Ах, этот хлам, кому он нужен?»
«Но что ж мы, граждане, сидим?
Пойдемте, мы нх убедим,
Докажем этнм всем медведям,
Что нм пройтнсь — прямой резон:
Прогулка, воздух, моцнон...
А мы уж как-нибудь доедем!»
Смеется весело народ:
«Чай, будет все наоборот?»

Ах, дама нежная, с мешочком,
Пойдешь ты, мнлая, пешочком!

1917

Я Б ХОТЕЛ...

Я б хотел, чтоб высекли меня...
Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что *достоин порки* я вполне.

Н. А. Добролюбов

Выхожу один я на дорогу,
Вдалеке народный слышен гул,
Буржуа в испуге бьют тревогу:
«Заговор!.. Спасайте!.. Караул!..»

Буржуа звериным воют воем:
«Смерть ему!..
Распять его, распять!..»
Мне грозит «их» Церетели боем,
Отступил и забурлил опять:

Загремел начальственно-солидно,
Задымил казенным сургучом...
Что же мне так больно и обидно?
Страшно ль мне? Жалею ль я о чем?

Не страшусь, пожалуй, ничего я, —
И не жаль буржуев мне ничуть:
Пусть они все изойдут от воя,
Знаю я, что путь мой — верный путь.

Богачам, конечно, я опасен:
Порох сух и только ждет огня.
Но чтоб всем был этот вывод ясен,
Я б хотел, чтоб взяли в кнут меня.

Но не так, как в оны дни пороли,
Дввшн влвсть злым полицейским псам:
Я б хотел, чтоб в этой чистой роли
Церетели выступил бы сам;

Чтобы, всю таблнцу наказвний
Прописавши иа моей спине,
Дал ои всем понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб я мог, вновь иатянув опоркн,
Всем сказать спокойио, ие грозя:
«Чтите власть... и ждите доброй поркн:
Управлять нначе — «им» нельзя!!!»

1917

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом
наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-
немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый,
насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих —
мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я —
выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес
сторожевой»!

1917

СТРАДАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО КОРНИЛОВСКОМУ (ТОЛЬКО ЛИ?) ДЕЛУ

Песня

Ты не спрашивай,
Не выпытывай.

Из народной песни

Ох, сложу-сложу
Полномочия.
На допрос пишу, —
Многоточия!

Положеньице
Невылазное,
И в башку бредет
Несуразное:

То корнилится,
То мне кернится,
Будет вправду ль суд, —
Мне не верится.

1917

ПТИЦЕЛОВЫ

Весною некий птицелов
Ловил перепелов;
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издалека, —
Перепела ж ловились сами.
Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой! Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов:
Обманщик ловкий птицелов
Перепелиный бой подделывал умело!

°

Как много в наши дни вот этаких ловцов
Средь политического поля!
— «Земля и воля!»
— «Земля и воля!»
— «Права!» — «Порядок!» — «Хлеб!» —
Свистят со всех концов.
Кто верит всякому
«на вид — социалисту»,
Те уподобятся легко перепелам.
Друзья, судите не по свисту,
А по делам!

1917

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню — господи, прости!
Как давно все было! —
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
«К господам на елку».

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
«Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обносилась, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок —
Не прикроешь сраму!»

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
«Ну и девка же: огонь!» —
Тетушка вздохнула. —

Все гульба нейдет с ума,
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет *«сама»!*
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла, —
К матери с вопросом:

«Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?
Муж, чай, рад получке?»
В спину мать меня пинком:
«Приложися к ручке!»

Сзади шум. Бегут, кричат:
«В кухне — мужичонок!»
Эвон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

«Позовем его за стол!»
«Что ты, что ты, Пепка!»
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившися домой,
Задал реву сразу.
«Дём, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен сглазу».

Кто-то тут успел принесть
Пряник и игрушку:
«Это пряник. Можно есть».
«На, бери хлопушку».

«Вот — растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!»
В кухне тихо снова.

Фекла злится: «Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальца глядит как: во!
Словно из зверинца!»

Груня шепчет: «Дём, а Дём!
Напечем-наварим.

Завтра с Феклой — жди — придем.
То-то уж задарим!»

Попрощались и — домой.
Дома — пахнет водкой.
Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.

∘

Незабвенная пора,
Золотое детство!

Январь 1918 г.

МЫ НЕ ОДНИ

Мы ждали, в даль вперяя очи:
Когда ж откликнутся они?
Мы шли одни во мраке ночи,
Мы шли одни.
Но, веря в близкий час рассвета,
В один сомкнувшися порыв,
Мы ждали братского ответа
На наш призыв.
И вот горит заря пожаром,
Зажглися братские огни.
Друзья! Боролись мы недаром!
Мы не одни.

1918

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Везут меня иль сам в еду,
Но знаю, сидя на возу,
Что рано праздновать победу,
Что гады ползают внизу,
Что воздух весь насыщен ядом
И что свободно мы вздохнем,
Когда в бою с последним гадом
Ему мы голову свернем.

Друзья, в великом, как и в малом,
Есть заповедная черта:
Перед *последним перевалом*
Дорога более крута.
Напрячь должны мы все усилья,
Чтоб после схватки боевой
С вершин в *Долину изобилья*
Войти семьею трудовой!

1918

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой
тревожный и грозный:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Твой голос, стозвучным подхваченный
гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:
«Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружью, народ трудовой!»

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы *труда и свободы,*
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок!
Всему миру поведай,
Что все мы умрем иль вернемся с победой!
«Вставай, подымайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

1918

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И местью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

1918

МАЯК

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет
брести путем угадки.
Осилив груды книг, пройди все ранги
школ,
Он все ж не приобрел ни гибкости,
ни лоска:
Стрелой не режет он воды,
как миноноска,
Но ломит толстый лед,
как грузный ледокол,
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнить мой путь по маяку
Свободы.

Избрав, и твердо знал,
в какой иду я порт,
И все ненужное, что было мне когда-то
И дорого и свято,
Как обветшалый хлам я выбросил за борт.
Душа полна решимости холодной —
Иль победить, иль умереть свободной.
Все взвешено. Пути иного нет.
Горят огни на маяке Свободы.
Привет вам, братья,
с кем делю я все невзгоды!
Привет!

1918

«ПРАВДЕ»

Броженье юных снл,
надежд моих весна,
Успехн пераые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя
досель была красна,
Соединялося с тобою.
Не раз теснила иас враждебная орда
И наше знамя попирала,
Но аера в наш успех конечный ннкогда
У иас в душе не умирала.
Ряд одержав побед под знаменем твоим
И закалиа иавек
свой дух в борьбе суровой,
В тягчайшие часы мы верим: мы стонм
Пред ноаою борьбой
и пред победой новой!
Стяг красный водрузив
у древних стен Кремля,
Стяг красный «Праады» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты аыйдешь из борьбы —
великой и свободной!

17 марта 1918 г.

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

У батюшки Ипата
Водилися деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолил себе монет!
Однако же, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
«Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
Решил добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночку потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
«Сей ларь — с Христовым телом».
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи:
«Несть божьих здесь телес:
Христос воскрес!»

о

Что пономарь был плут, я соглашусь,
не спора,
Плут обманул плута —
так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с гора.

1918

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
Помещик некий я лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
«Вишь, как тут заросло,
а был совсем пустырь. —
Молодняком помещик любовался. —
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не язять ли нам
пучок?
В острастку мужикам... на случай
своеволья!»
«М-да! — Филька промычал,
скосивши ябок глаза. —
М-да... розги — первый сорт...
Молодиячок... Лоза!..
Как я рост пойдут,
яедь яот получатся дреколья!»

о

Какой же в басенке урок? Смешиой яопрос.
Года ясе шли да шли,—и молодняк подрос.

17 мая 1918 г,

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Боевая песня

Глухая ночь — не навсегда,
Не вечны мрак и жуть:
Уж предрассветная звезда
Нам освещает путь.

Фабричный молот, сельский плуг
В ее лучах горят.
Рабочий, пахарь — брат и друг —
Мы стали в тесный ряд!

Навеки спаяны одной
Жестокою судьбой,
Мы некрушимою стеной
Идем на смертный бой.

Идем на смертный бой с врагом.
В бой! Отступленья нет!
Пусть мрак еще царит кругом,
Но близится рассвет!

Глухая ночь — не навсегда,
Исчезнут мрак и жуть.
Нам наша *красная звезда*
Указывает путь!

1918

«ДО ЭТОГО МЕСТА!»

В промокших дырявых онучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибилися старые ноги,
Ох, сколько исхожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

«Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятья земля?»

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
«Час добрый!»
«Здорово, прохожий!»
Вкруг деда сгрудилась толпа.

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку».
«Видать, что измаялся ты».
«Куда в пришел?»
«В Пугачевку».
«А тут?»
«Комитет бедноты».

Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног:

Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков».

Надевши тулуп без заплатки,
Вздохнул прослезившийся дед:
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

6 ноября 1918 г.

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут в матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!

Будет нам милее рай,
Взятый с бою, —

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Свияжск, 1918 г.

ЦЕНТРОШИШКА

Злой рыже-красный клест,
взобравшися на елку,
Горланит дико и без толку.
Про певчего ж дрозда
вам разве лишь глухой
Решится утверждать,
что дрозд — певец плохой.
Однако некий клест,
тупой ценитель пенья,
Насчет веселого дрозда
Держался собственного мненья,
И бедного певца развенчивал всегда,
При всяком случае —
удобном, неудобном, —
Он поносил дрозда в каком-то раже
злобном.
Случилося одной зимой,
Что голод наступил в лесу необычайный.
(На шишки выпал год
весьма неурожайный!)
Пришел для птиц конец прямой.
Вот собрался у них совет: снегирь, синица,
Чиж, кто-то там еще
и, первым делом, клест.
Клест — оборотистая птица.
Он первый речь повел,
задравши гордо хвост:
Раз, дескать, в шишках нет излишку,
То надобно скорей устроить Центрошишку,
Все образуется тогда.
«А что касается... дрозда, —
Вдруг речь закончил клест нежданно, —
То до того, скажу, поет он бесталанно,
Что — с тем,
чтоб нам его от пенья отучить, —

Из Центрошишки след
дрозда нам исключить!»

Уж так бывает постоянно:
Клест запоет — дрозду приходится молчать.
Теперь пустился клест на новые делишки
И, слышно, норовит
прибрать к рукам печать,
Стать первой скрипкою
советской «Центрокнижки»,
Судьей писателей... Довольно тонкий пост!
Что ж? Если сядет нам на шею
центроклест,
Не получилось бы,
смотрите, Центрошишки!

1918

ТОВАРИЩУ

Морщины новые на лбу —
Тяжелой жизни нашей вехи,
Товарищ, кончим ли борьбу?
Товарищ, сложим ли доспехи?

Свободе нужен пьедестал.
Мы создадим его из стали.
Товарищ, знаю, ты устал.
И я устал. Мы все устали.

Я — не герой. Но ты — герой.
И крепок я — троею силой.
О, как мне хочется порой
Прийти к тебе, товарищ милый!

Прийти. Взглянуть в твои глаза.
Смотреть в них долго с лаской нежной.
Еще не минула гроза,
И мы пред битвой неизбежной.

Мы будем биться. И следить
Я за тобою буду взглядом.
С тобой я должен победить
Иль умереть с тобою рядом!

Январь 1919 г.

СНЕЖОК

Шуточная

Из-под тучки ветер веет,
Из-под падеры — снежок.
У девчонки сердце млеет,
Что не пишет мил-дружок.

Едут сани из Казани,
Кони падают в снегу.
«Жду я, жду письма от Вани,
Все дождаться не могу!»

Эвон, снегу сколько, шутка!
Нет ни краю, ни конца.
Не горюй, не плачь, Машутка:
Жди от Вани письмеца.

Мы дороги все исправим
Без особого труда:
На учет весь снег поставим, —
Снег исчезнет без следа!

1919

ЧАСТУШКИ

Девичьи

Говорила дураку:
«Не курил бы табаку,
А сосал бы соску.
Рубль за папироску!»

Исходила я все лавки,
Канифасу не нашла.
Пуд муки за три булавки
Я приказчику дала.

Ой, хохонюшки, хо-хой,
Ходит барин за сохой,
В три ручья он слезы льет:
Нашей кровушки не пьет!

Косит Федя на реке
В новом барском сюртуке.
Нарядился дуралей, —
Ты в поддевке мне милей!

На платочке я для Феди
Вышиваю буки-веди.
В Красной Армии, к бою,
Помни милую свою!

Будь я парнем, не девицей,
Была б вольною я птицей.
Не сидела б, не тужила,
В Красной Армии служила!

1919

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

(Мемориальная доска)

На Красной площади,
у древних стен Кремля,
Мы — стражи вечные твои,
товарищ милый.
Здесь кровью полита земля,
Здесь наши братские могилы.
Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли.
Но ты — еще в строю,
Исполненный огня и пролетарской силы.
Так стой же до конца
за власть и честь свою,
За пролетарскую великую семью,
За наши братские могилы!

30 сентября 1919 г.

НА ЗАЩИТУ КРАСНОГО ПИТЕРА

Красным бойцам

Наш тяжкий путь окрашен кровью,
Но колебаньям места нет.
Врага кичливому злословью,
Бойцы, дадим один ответ:
Докажем, всей ударив силой,
Что рано радуется гад,
Что будет черною могилой
Ему наш Красный Петроград!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов
говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

Скажу ль вам, героям:
Мы силы утроим?
Нет чисел, нет меры такой,
Чтоб вашу отвагу измерить,
исчислить.
Кто может помыслить,
Кто смеет помыслить —
Схватить вас за горло рукой?
Безумец какой?

Вся барская свора,
Вся челядь — опора
Своих благодетелей, бар —
На вас наступает в неистовстве яром.

Бойцы Петрограда, вы встали недаром:
Врагу вы ответите мощным ударом.
Удар — на удар!

И снова и снова
За Питером слово:
Он первый к победе укажет нам путь.
Разив своим молотом барскую шпагу,
Ему суждено боевую отвагу
В полки, утомленные боем, вдохнуть.

В тяжелую пору,
Готовясь к отпору
Врагам, угрожающим ей,
Москва вслед за Питером,
                                        твердым и смелым,
По вражеским ордам,
                                        и черным и белым,
Ударит всей мощью своей!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов
                                        говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

1919

КРАСНЫЙ ФЛОТ

Жуя огрызок папиросы,
Я жду из Питера вестей:
Как наши красные матросы
Честят непрошеных «гостей»!

Фортов кронштадтских ли снаряды
Сметают «белые» ряды?
Или балтийские отряды
С пехотой делят все труды?

Но — без вестей я знаю твердо:
Там, где стоит наш Красный Флот,
Там — красный флаг алеет гордо,
Там — революции оплот.

Там красный фронт —
броня стальная,
Там — нерушимая стена,
Там — тщетно пенится шальная
Белогвардейская волна!

1919

ПРАВДА-МАТКА,

или — как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них

Вожу пером, ребятушки,
По белому листу.
С народом я беседовать
Привык начистоту.
За словом, сами знаете,
Не лезу я в карман,
Но не любил я отроду
Пускаться на обман.
За *правду* распинаюсь я
Уж много-много лет
И за словечко каждое
Готов держать ответ.
Написано — подписано,
Читай меня — суди.
Любовь и злая ненависть
Сплелись в моей груди:
Любовь — к народу бедному
И ненависть — к панам,
К царям, попам, помещикам
И всяческим «чинам».
За то, что раскрываю я
Всю правду бедняку,
Меня б дворяне вздернули
На первом же суку.
Пока же на другой они
Пускаются прием:
Печатают стишоночки,
Набитые враньем.
Стишки моею подписью

Скрепляют подлецы,
Чтоб их вранье за истину
Сочли бы простецы.
Но с подписью поддельною
Уйдешь недалеко.
Мои ль стихи, иль барские, —
Друзья, узнать легко:
Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь.
Я Красной нашей Армией
Горжился и горжусь.
Мне дорог каждый искренний
И честный большевик.
В моем углу два образа:
Рабочий и *мужик.*
За строй коммунистический
Стоял я и стою.
Помещикам, заводчикам —
Пощады не даю.
Стремясь рассеять знанием
Души народной мрак,
Я — враг всех бабьих выдумок
И всех поповских врак.
Как вы, *люблю я родину,*
Но — не рабыню-Русь,
Которой помыкала бы
Разъевшаяся гнусь.
Люблю я Русь народную,
Советский вольный край,
Где мироедам — места нет,
Где труженикам — рай.
Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие —
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи, —

Такой язык не врет.
У Кривды — голос ласковый,
Медовые уста,
У Правды — речь укорная,
Сурова и проста;
У Кривды — сто лазеечек,
У Правды — ни одной;
У Кривды — путь извилистый,
У Правды — путь прямой;
В сапожках Кривда в лайковых,
А Правда — босиком, —
Но за босою Правдою
Пойдем мы прямиком!

1919

О ЧЕРТЕ

Новогоднее

Среди поэтов я — политик,
Среди политиков — поэт.
Пусть ужасается эстет,
И пусть меня подобный критик
В прах разнесет, мне горя нет.
Я, братцы, знаю то, что знаю.
Эстету древний мил Парнас,
А для меня (верней, для нас)
Милее путь к горе Синаю:
Парнас есть миф, Синай — закон,
И непреложный и суровый.
И на парнасский пустозвон
Есть у меня в ответ — готовый
Свой поэтический канон.
Сам государственник Платон,
Мудрец, безжалостный к поэтам
(За то, что все поэты врут),
Со мной бы не был очень крут.
Там, где закон:
«Вся власть — Советам»,
Там не без пользы мой свисток,
Там я — сверчок неугомонный,
Усевшийся на свой законный
Неосуждаемый шесток.
Пусть я лишь грубый слух пленяю
Простых рабочих, мужиков,
Я это в честь себе вменяю,
Иных не надо мне венков.
Вот я поэт какого сорта,
И коль деревня видит черта
И склонна верить чудесам,
То черта вижу и я сам.
С детьми язык мой тоже детский,

И в, на черта сев верхом,
Хлещу его своим стихом.
Но: этот черт уже советский;
На нем клеймо не вдских сфер,
А знак *«Эс-Де»* или *«Эс-Эр»*,
И в этом нет большого дива.
Про чертв речь моя правдива.
Где суеверная толпа
Покорна голосу попа,
Там черт пойдет в попы, в монахи,
И я слыхал такие страхи,
Как некий черт везде сновал,
Вооружась крестом нагрудным,
И, промышляя делом блудным,
В лесу обитель основал,
Вошел в великую известность
И, соблазнивши всю окрестность,
Потом (для виду) опочил
И чин святого получил;
С мощами дьявольскими рака,
По слухам, и до наших дней,
Для душ, не вышедших из мрака,
Святыней служит, и пред ней,
Под звон призывно колокольный,
Народ толпится богомольный.

Черт современный поумней,
От показного благочестия
Его поступки далеки:
Он от строки и до строки
Прочтет советские *«Известия»*,
Все обмозгует, обсосет
И, случай выбравши удобный, —
Советской власти критик злобный, —
Иль меньшевистскую несет,
Иль чушь эсеровскую порет,
А черта черт ли переспорит?!
Черт на вранье большой мастак,
В речах он красочен и пылок.
«Ну ж, дьявол, так его растак!»
Его наслушавшись, простак
Скребет растерянно затылок:

«Куда он только это гнет?
Порядки царские кляиет,
Но и советских знать не хочет.
Про всенародные права,
Про учредиловку лопочет,
А суть выходит такова,
Что о буржуях он хлопочет.
Кружится просто голова!»

И закружится поневоле.
Черт — он учен в хорошей школе
И не скупится на слова.
У черта правило такое:
Слова — одно, дела — другое,
Но речь про чертовы дела
Я отложу ужо на святки.
Хоть вероятность и мала,
Что речь продолжу я, ребятки,
Бумага всех нас подвела:
Большие с нею недохватки;
В газетах нынче завели
Такие строгие порядки,
Что я, как рыба на мели,
Глотаю воздух и чумею,
Теряю сотни острых тем
И скоро, кажется, совсем,
Чертям на радость, онемею.

Пишу сие не наобум.
Не дай погибнуть мне, *главбум*,
И заработай полным ходом, —
На том кончаю. *С Новым годом!*

1919

НА ПОМОЩЬ КРАСНЫМ БОЙЦАМ

к «Неделе фронта»

Горькая чаша, но славная чаша
  Выпала всем нам на долю.
Кровью истекшая родина наша
  Бьется за вольную волю.
Мощным порывом разбив свои ржавые
  Тысячелетние путы,
Гневно взметнулися руки шершавые
  В вихре неслыханной смуты.
Люд изнуренный, невольник раскованный,
  Терпит безмерные муки.
Счастье народное — клад заколдованный —
  Трудно дается нам в руки.
Но победит наше слово заветное
  Грозные вражьи перуны.
Близится, близится царство всесветное
  Братской рабочей коммуны.
Ждут нас, быть может, еще поражения,
  Новые жертвы и раны, —
Мы против вражьего злого вторжения
  Новые двинем тараны.
Реют всполохи над дальними странами,
  Рвутся бойцы нам на смену.
Скоро пробьем мы двойными таранами
  Вражью проклятую стену.
Красные рати, не зная усталости,
  Бьются с отвагою львиной,
Черную силу сметают без жалости
  Неудержимой лавиной.
К светлым просторам
  сквозь дебри дремучие
  Нам расчищают дорогу,
Верят бойцы в свои силы могучие,
  В братскую нашу подмогу.

Их беззаветной отваги последствия —
Высшая наша отрада,
Наши восторги и наши приветствия —
Красным героям награда.
Братья и сестры, чтоб новые бедствия
Нашим не стали уделом,
Красным бойцам посылайте приветствия,
Но — подкрепляйте их делом.

1920

ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ

В руках мозолистых — икона,
Блестящий крест — в руке попа.
Вкруг вероломного Гапона
Хоругвеносная толпа.
Толпа, привыкшая дорогу
Топтать к Христову алтарю,
С мольбою шла к земному богу,
К самодержавному царю.
Она ждала, молила чуда.
Стон обездоленного люда
Услыша, добрый царь-отец
Положит мукам всем конец.
Царь услыхал, и царь ответил:
Толпу молящуюся встретил
Его губительный свинец.

Великий, страшный день печали, —
Его мы скорбью отмечали.
Но — крепкий плод его дозрел.
Так пусть же песни наши грянут!
Победным гимном пусть помянут
День этот все, кто был обманут
И кто, обманутый, прозрел!

1920

ГУЛИМДЖАН[1]

Национальный гимн социал-духанщиков

Чхендзе и Церетели обратились к Антанте с просьбой о помощи против большевиков.

Из газет

В Александровском садам
Музыкам игрался.

И т. д.

Известная песенка

Ми садился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ ми за ляржан[2]
Продаем умело.

---

[1] По радио одной из наших армий в феврале 1920 года это стихотворение было передано в Тифлис, тогда еще меньшевистский.

Радиотелеграфисты Грузии были столь к нам расположены, что приняли «радиостихотворение» и ответили:

«Ура!! Привет Демьяну Бедному!
Завтра выпьем за его здоровье!»

[2] Французские денежки.

«Тьфу! — смеялся Клеманса. —
Не было печали!»
Ми ему в два галаса
Гулимджаи кричали:
    Гулимджаи! Гулимджаи!
    Знаим сваe дело:
    Честь и соаесть за ляржаи
    Продаем ми смело!
Ллойд-Джорджданья даерь открыл
    В кабинет случайно,
Ми с Чхендзем гаарыл:
«Рады чрезвычайно!»
    Гулимджаи! Гулимджаи!
    Знаим сваe дело:
    Ми Баку вам за ляржаи
    Уступаем смело!
Закричали ми: «Ай-ай! —
С невеселым физий. —
Ради бога, присылай
Поскорей диазий!»
    Гулимджаи! Гулимджаи!
    Знаим сваe дело:
    Продадим аам за ляржаи
    Душу ми и тело!
Ленин сжарит шашлыку
С наших демократий,
Он имеет на Баку
Пребольшой симпатяй!
    Гулимджаи! Гулимджаи!
    Знаим сваe дело:
    Наш Тифлис — один духан!
    Покупайте смело!
Ллойд-Джорджданья атвечал:
«Тронут вашим горем,
Наш английский флот помчал
Нашим Черным морем!»
    Гулимджаи! Гулимджаи!
    Нам какое дело?
    Нас коварстао англичаи
    Вовсе не задело.
«Мени теикс!» — «Мерси боку!» —
«Можем обещаться,

Что английский наш Баку
Будет защищаться!»
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим своѐ дело:
Ми Баку вам за ляржан
Уступаем смело!
Независимый Тифлис
Тут нам объвлялся.
Ми кричали: браво! бис!
И назад гулялся!
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим своѐ дело:
Весь Кавказ ми за ляржан
Продаем умело!

Исполнители *Церетели* и *Чхеидзе.*
Записал *Демьян Бедный.*

1920

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взашей,
Мы знаем: есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой:
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строем!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим *свои* плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд, —
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

1920

ЖЕСТКИЙ СРОК

Разжигатель неуемный —
Я кочую по фронтам.
Мой вагон — дыряный, темный,
Нынче здесь, а завтра там.

Плут иль трус — моя добыча:
Опозорю, засмею.
Я, повсюду нос свой тыча,
Зря похвал не раздаю.

Рожи лодырей малюя,
Их леплю на все углы.
Но когда кого хвалю я,
Значит, стоит он хвалы.

Шляхта подлая, тупая
Понапрасну нос дерет.
Отступая, наступая,
Мы идем вперед, вперед.

Путь известен: до Варшавы.
Видел место я вчера,
Где наводят переправы
Наши чудо-мастера.

Красным штабом самый точный
Обозначен им урок:
«Нужен мост на диво прочный
В срок — кратчайший. Жесткий срок».

Молотки стучат задорно.
Топоры звенят-поют.
Средь высоких свай проворно
Чудо-техники снуют.

Через Неман на Варшаву
«Шьют» стальную колею.
Всем путейцам нашим славу
Я охотно пропою.

Не напрасно путь здесь ляжет.
Красный фронт наш дал зарок:
Чванной шляхте он покажет,
Что такое «жесткий срок».

1920

Западный фронт

ПЕЧАЛЬ

Дрожнт вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Однн, другой... Следы борьбы.
Останоанлись. Полустанок.
Какой? Не все лн мне рввно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах — огонь.
Красноармеец — рааный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалкн речь вперед знакома:
Пнсьмо, известье, дальннй путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучалн.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печалн
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне а укор,
Что я сплошною красной краской
Пншу н небо н забор.
Душн неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске нх моя дорога
Мне жуткой кажется порой!
О, если б я а такую пору,
Отдавшнсь властн черных дум,
В стихи опраанл без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой аосторг, какне ласкн
Мне расточал бы вражий стан,

Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

Не избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Все ж не умножил я собою
Печальных нытиков числа.
Но — полустанок захолустный...
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

Полесье, 13 сентября 1920 г.

МАНИФЕСТ БАРОНА
ФОН ВРАНГЕЛЯ

Ихь фанге ан[1]. Я нашинаю.
Эс ист[2] для всех советских мест,
Для руссний люд из краю в краю
Баронский унзер[3] манифест.
    Вам мой фамилий всем известный:
    Ихь бин[4] фон Врангель, герр барон.
    Я самый лючший, самый шестный
    Есть кандидат на царский трон.
Послюшай, врасные зольдатен[5]:
Зашем вн бьетесь на меня?
Правительств мой — все демократен,
А не какой-нибудь звиня.
    Часы с поломанной пружина —
    Есть власть советский такова.
    Какой рабочий от машина
    Имеет умный голова?
Какой мужик, разлючный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозолем,
Как их мозолистый рука!
    Мит клейнем[6], глюпеньким умишком
    Всех зо генанитен[7] простофиль
    Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
    Ихь шпрехе:[8] пфуй, дас ист цу филь![9]
Без благородного сословий
Историй руссний — круглый нуль.
Шлехьт![10] Не карош порядок новий!
Вас Ленин ошень обмануль!
    Ви должен вернуть мне, барону.
    Мой слово — твердый есть скала.
    Мейн копф[11] ждет царскую корону,
    Двухглавый адлер[12] — мой орла.
Святая Руссланд... [13] гейлих эрде... [14]
Ин ангст им штербен [15], мой земля.

Я с белый конь... фом вейсен пферде...[16]
Сойду цум альтен[17] стен Кремля.
И я скажу всему канальстау:
«Мейн фольк[18], не надо грабежи!
Слюжите старому начальстау,
Вложите в ножницы ножи!»
Вам будут слезы ошень литься.
«Порядок старый караша!»
Ви в кирхен[19] будете молиться
За мейне русише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут![20]
«Подписал собственноручно»
Вильгельма-кайзера слуга,
Барон фон Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
«Сдавайтесь, мне на честный слово.
А там... мы будем посмотреть!!»

Баронскую штучку списал и опубликовал

Демьян Бедный.

Южный фронт.
5 октября 1920 г.

Пояснение немецких слов: [1] Я начинаю. [2] Это есть. [3] Наш. [4] Я есмь. [5] Солдаты. [6] С маленьким. [7] Так называемых. [8] Я говорю. [9] Это чересчур. [10] Нехорошо. [11] Моя голова. [12] Орел. [13] Россия. [14] Святая земля. [15] Она находится при смерти. [16] С белого коня. [17] У старых. [18] Мой народ. [19] В церквах. [20] Хорошо.

ЛАТЫШСКИЕ КРАСНЫЕ БОЙЦЫ

Латыш хорош без аттестации.
Таков он есть, таким он был:
Не надо долгой агитации,
Чтоб в нем зажечь геройский пыл.

Скажи: «барон!» И, словно бешеный,
Латыш дерется, все круша.
Чай, не один барон повешенный
Свидетель мести латыша.

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!

Где в бой вступает латдивизия,
Там белых давят, как мышей.
Готовься ж, врангельская физия,
К удару красных латышей!

1920

ВОРОНЬЕ

При свете трепетном луны
Средь спящей смутным сном столицы,
Суровой важности полны,
Стоят кремлевские бойницы, —
Стоят, раздумье затая
О прошлом — страшном и великом.
Густые стаи воронья
Тревожат ночь зловещим криком.
Всю ночь горланит до утра
Их черный стан, объятый страхом:
«Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! —
Пошло все прахом, прахом, прахом!»
О, воплощенье мертвых душ
Былых владык, в Кремле царивших,
Душ, из боярских мертвых туш
В объятья к черту воспаривших!
Кричи, лихое воронье,
Яви отцовскую кручину:
Оплачь детей твоих житье
И их бесславную кончину!
Кричи, лихое воронье,
Оплачь наследие твое
С его жестоким крахом! Крахом!
Оплачь минувшие года:
Им не вернуться никогда.
Пошло все прахом, прахом, прахом!

1920

ЗАВЯЗЬ

Святое царство правды строится
    В родимой стороне.
Незримой много силы кроется
    В народной глубине!
Вставайте ж, новые работники,
    Рожденные в борьбе!
Поэты, пахари и плотники,
    Мы вас зовем к себе!
Встань, рать подвижников суровых,
    Грядущего оплот!
Расти и крепни, завязь новая,
    И дай нам зрелый плод!

1920

НА ПЕРЕВАЛЕ

Товарищя!
Пускай, прельщая вас неисполнимым
чудом,
Враги тумаият вам глаза
словесиым блудом.
Я буду говорить для рыцарей труда.
Перед своим, родным,
перед рабочим людом
Льстецом я ие был никогда.
Я знал: мие верит мой читатель,
Как ни суров я был в моих стихах порой.
Я честно говорил герою: ты — герой!
И трусу говорил:
ты — трус и ты — предатель!
И если мне бросал упреки маловер,
Я знал: то меньшевик лукавый, иль эсер,
Иль ошалелый обыватель,
Коль не прямой лакей бароиов и князей,
Сам чериосотенный Гамзей.
Куда девалися трактирщики былые,
Охотнорядцы, мясиики,
Прохвосты важные, прохвосты рядовые,
Урядиики, городовые,
Жандармы явные и тайиые шпики?
Многовековую народную проказу
Не удалося выжечь сразу:
Весь царский старый перегной,
Всю грязь зловоиную,
то ту, то эту лужу
Каким ни ограждай кордоном иль стеной,
Она разыщет щель и выползет наружу,
Распространяя смрадный дух
И отравляя всех отравою тлетворной.
Враги не спят:
огонь их иенависти черной

В сердцах их черных не потух.
То, чем открытые враги еще недавно
На боевых фронтах нам угрожали явно,
То тайные враги,
весь разномастный хлам,
Ковали тайно здесь,
шипя по всем углам.
Потом, отчаявшись в успехе,
Они ж, при нашем общем смехе,
С бесстыдством подлецов
лихую чушь несли,
Что «гуси Рим спасли»,
Что именно они, меньшевики, эсеры,
Весь перекрасившийся сброд,
Всегда «стояли» за народ,
«Болели» за него и «обсуждали» меры.
Но только стоило, как в нынешние дни,
Почувствовать нам боль
хозяйственной заминки,
Как с новой яростью они
С «заздравья» перешли
на злобные «поминки».
И дива в этом нет,
как нет большой беды.
Когда осилим мы проклятую трясину,
То кандидаты на осину —
Все те, кому не скрыть теперь
своей вражды,
Все те, по чьей вине
погибло столько жизней
В огне войны, в когтях нужды, —
Они начнут вилять и заметать следы.
Что ни постигнет их,
не жаль мне этих слизней!
Но жаль мне подлинных страдальцев —
бедняков,
Жаль тех, кто,
дрогнувши в тяжелые минуты,
Сам на себя готов
надеть былые путы,
Сам просит для себя и тюрем и оков,

Былым «хозяевам»
сам подставляет плечи, —
Жаль тех, кто,
слушая предательские речи
И душу отравив безудержной хулой
Врагов, оспинувших от воя,
Стоит с поникшей головою,
Работу бросивши, раздумчивый и злой.
И если, поутру склонившись
над газетой,
В рабочей хронике прочту я бюллетень,
Что неурядица идет такой-то день
На фабрике на той иль этой, —
Мне, братья,
скорбная слеза туманит взор
И слова гневного «позор!»
Я не могу сказать,
судя рабочих строго.
Я говорю: «Друзья,
не слушайте лжецов!
Мы победим в конце концов!
Я знаю: горько вам живется и убого,
Но цель заветная близка, ее видать.
Все силы напряжем —
не будем голодать.
Страдали много мы. Осталося немного
Перетерпеть, перестрадать!»

1921

БРАТСКОЕ ДЕЛО

С весны все лето, ежедневно
По знойным небесам он плыл,
сверкая гневно, —
Злой, огнедышащий дракон.
Ничто не помогло: ни свечи у икон,
Ни длиннорясые, колдующие маги,
Ни ходы крестные, ни богомольный вой:
Ожесточилася земля без доброй влаги,
Перекаленные пески сползли в овраги,
Поросшие сухой, колючею травой,
И нивы, вспаханные дважды,
Погибли жертвою неутоленной жажды.
Пришла великая народная беда.

Есть, братья, где-то города:
Раскинув щупальцы, как спруты-исполины,
Злом дышат Лондоны, Парижи и Берлины.
Туда укрылися былые господа,
Мечтающие вновь взобраться нам на спины
И затаившие одно лишь чувство — месть.
О, сколько радостных надежд
несет им весть,
Что солнцем выжжены
приволжские равнины,
Что обезумевший от голода народ,
Избушки бросивши пустые и овины,
Идет неведомо куда, бредет вразброд,
Что голод, барский друг,
«холопскому сословью»
Впился когтями в грудь,
срывая мясо с кровью,
И что на этот раз придушит мужика
Его жестокая костлявая рука.
А там... ах, только бы скорее!..
Ах, скорее!..

И рад уже асер заранее лнарее,
В которой будет он, холуй саонх господ,
Стоять навытяжку, храня парадный ход:
Эй, осади, народ!.. Не то чичас по шее!..
    Эй, осади, народ!..

Поволжье выжжено. Но есть места иные,
    Где не погиб крестьянский труд,
Где, верю, для волжан собратья нх родные
Долг братский выполнят
                                        н хлеб им соберут.
Пусть нелегко оно — налоговое бремя,
Но пахарь пахврю откажет лн в нужде?
Мужик ли с мужиком убьют преступно
                                                            время
В братоубийственной, корыстной,
                                                злой вражде?
Пусть скаредный кулак для хлеба яму роет,
    Тем яму роя для себя, —
Тот, кто голодному в день черный
                                                дверь откроет,
Об участи его, как о своей, скорбя,
Кто, с целью побороть враждебную стнхию,
Даст жертвам голода подмогу
                                                а трудный год,
Тот н себя спасет н весь родной народ.
    Спасет народ — спасет Россию!

1921

СВЕРХЛИБЕРАЛ

Недавно я писал о русских либералах,
    Помешанных на белых генералах.
Царь Павел был на что
                    самодержавный зверь,
А либералы ждут: «Такого б нам теперь!»
Я удостоился на выпад свой ответа, —
    От бешенства не взвидя света,
Какой-то либерал мне пишет напрямки
    (Без подписи и, значит, без обмана):
    «Что Павел? Павел — пустяки.
    Не Павла жаждем — Тамерлана!»
Так вот он, либерал, каков,
                    когда он гол:
Не крепостник уже, в кочевой монгол!

1921

«ВЛАДИМИРКА»

«Н-но!.. Туда же, брыкаться...
Нашлась недотрога!»...
Туго врезалась в твердую землю соха.
«Здравствуй, дядя! Гляжу я:
земля не плоха».
«Да крепка. Утоптали. Была ведь дорога.
Слышь, в Сибирь, значит,
гнали по ней в старину...
Эй, ты, н-ну.
Шевелись, сухопарая!»...
Борозда к борозде... Ком ложится на ком...
Кто узнал бы тебя ныне в виде таком,
Роковая путина, «Владимирка старая»?!

Брат мой, пахарь! Погибших бойцов
помяни.
Окруженные серым, суровым конвоем,
Пыльной летней порой —
под мучительным зноем,
Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни,
И студеной зимой —
в ночи темные, вьюжные,
Кандалами гремя, испитые, недужные,
По «Владимирке старой» шагали они.

Не склоняя голов непокорных,
Не смыкая усталых и скорбных очей,
Мимо жалких лачуг, покосившихся, черных,
Мимо пышных усадеб своих палачей,
Подло-мстительной царской покараны
карой,
В рудники за бойцом посылавшей бойца,
Шли они — без конца, без конца,
без конца —
По «Владимирке старой»!

Сколько скорбных, неандимых нами теней,
Может быть, в это время проходят по ней
И дивятся на новые яркие всходы!
Пахарь! Празднуя праздник
труда и свободы,
Не забудь благодарной слезой помянуть
Всех, кто в оные, злые, проклятые годы
Ради нас проходил этот жертвенный путь!

1921

АЗБУКА

Я не скажу, что нынче вёдро.
Тут правды незачем скрывать.
Но все же я настроен бодро
И не намерен унывать,
Хоть не унынье нынче мода.
Из большевистского прихода,
Хоть человек я и не злой,
Я б гнал всех нытиков долой.
Одна любительница позы,
Из крайне-«левых» героинь,
Вчера шептала мне: «Аминь»,
Рисуя мрачные прогнозы.
Я ей сказал: «Шалтай-болтай!
Не хочешь петь, так улетай!»

Осточертели эти бредни,
Что, дескать, «мы уже не те».
Письмо крестьянское намедни
Пришлось прочесть мне в «Бедноте».
Письмо — великого значенья.
Вот образец для поученья!
Мужик стал просо разводить,
Да не умел за ним ходить:
Впервые стал он просо сеять.
Ан, урожай-то вышел плох.
Мужик не хныкал: «ах да ох!» —
Он просо стал усердно веять,
Чтоб приготовить семена
Лишь из отборного зерна.
Посеял. Вновь — одна кручина.
Мужик слезы не уронил,
Стал разбираться: где причина?
Не так он просо взборонил.
«Блажной!» Жена уж смотрит косо.
Но в третий раз он сеет просо.

И получились чудеса:
Вся золотая полоса, —
Согнулись мягкие метелки
Под тучной тяжестью зерна.
«И ведь земля-то не жирна!»
Пошли по всей деревне толки:
«Да на моей бы полосе...»
Решили просо сеять все!
Все это азбучно, бесспорно,
Но в этой азбуке — урок.
К чему стремится кто упорно,
То он получит в некий срок.
А в срок какой, ответить трудно.
Пороть горячку безрассудно.
Кому медлительность тяжка,
В том, стало быть, тонка кишка
Иль растянулась от натуги, —
Тогда для этаких кишок
Партийный нужен ремешок.
«Эй, подтянитесь, мил-други,
Чтоб близкий, может быть, всполох
Не захватил бы вас врасплох!»

1921

СЕМЕНА

(Из моего детства)

Самовар свистал в три свиста.
Торопяся и шаля,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
«Вновь проспали! Девять ровно!
Надо раньше поднимать!

Все поблажкам нет предела!» —
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
«Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!..»
Состоя при барчуках,
Тятька мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках,

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова:
«Бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот! — он к тятьке обернулся. —
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?

Покажи-ка, что за книжка?
Подойди ж, дурак, сюда!»

Я стоял как деревянный.
Тятька подал книгу вмиг.
«М-да... *Не-кра-сов...*
Выбор странный!..
Проку что с таких-то книг?!

Ну, стишки!.. Ну, о народе!..
Мальчик твой, по существу,
Мог бы лучше на заводе
Обучаться мастерству!..

Или все мужичьи дети
Рвутся выйти в господа?..
И опять же книги эти...
Сколько скрыто в них вреда!..

Дай лишь доступ в наше время
К их зловредным семенам!!»
Тятька скреб смущенно темя:
«Что уж, барин!..
Где уж нам!..»

Я со страху и печали
На ногах стоял едва,
А в ушах моих звучали
Сладкой музыкой слова:

«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славных путь.

. . . .

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!» [1]

6 декабря 1921 г.

[1] Из стихотворения Некрасова «Школьник».

ТРУД И ПОРЯДОК

> В нашем государстве мы — партия порядка. Этот порядок достался нам дорогой ценой. И мы обязаны всеми средствами охранять его против всех врагов — и внутренних, и внешних, — которые посягают на него, разрушая то, что добыто с такими усилиями рабочим классом России.
>
> («Правда», передовая статья. 9 декабря 1921 г.)

Мы бурю подняли не бурелома ради.
Уничтожав гниль, гремели мы: — Вали!!
— Старью, глушившему молодняки,
ни пяди,
Ни пяди отнятой у темных сил земли!
— Долой с родных полей,
со всенародной пашни
Всю чужеядную, ползучую траву!!
И падали дворцы, и рушились башни,
И царские гербы валялись во рву!
Но разрушали мы не разрушенья ради.
Сказавши прошлому: «Умри и не вреди!» —
С цепями ржавыми весь гнет оставив
сзади,
Мы видели простор бескрайный впереди,
Простор — для творчества,
простор — для жизни новой,
Простор — для мускулов,
для чувства, для ума!
Мы знали: школою тяжелой и суровой

Добьемся мы, чтоб свет стал
жизненной основой
Для тех, чей ум века окутывала тьма.
И потому-то так трясет их лихорадка,
Всех гадов, коим так мила назад оглядка,
Когда мы говорим: «Всему своя чреда.
Все — к пашиям и станкам!
Мы — партия труда
И партия порядка!»

13 декабря 1921 г.

ДАВНО ПОРА

Даль степную застилает
    Предвечерний мрак.
По тропинке едет шагом
    Удалой казак.

Едет, браво заломивши
    Шапку набекрень.
Возле речки — камышовый
    Старенький курень.

Сивый дед свои лохмотья
    Греет у огня.
«Здравствуй, дед!» — Казак лихого
    Осадил коня.

«Здравствуй, милый! Далеко ли
    Держишь путь ты, друг?»
«На казацкий круг я еду,
    На советский круг».

Дед вздохнул, перекрестился:
    «Ох, как с плеч гора!
Уж давно пора б так, детки!
    Уж давно пора!»

1921

СОВЕТСКИЙ ЧАСОВОЙ

Баллада

Заткало пряжею туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За темной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьем сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его напевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг — стрелок искусный,
Послал он пулю, знал куда.
Но не ушел убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедине ли, все равно,
Под вихрь и чувств, и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Все с той же песнью боевой,
Все той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

1922

ПУГАЛО

(Надпись на памятнике
Александру III в Ленинграде)

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным
для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Предпоследний самодержец
всероссийский Александр III

1922

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость и нужда...
Ой, ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протаптывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал наискосок, —
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Ныне красной молодежи
В дядьки я уже гожусь.
На ребяческие рожи
Все гляжу — не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ,
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол.

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:
«Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!»
Юной гвардии от старой
Героический привет!

3 сентября 1922 г.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917—7/XI 1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся,
словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец
накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный —
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы, —
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —

С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они... Видите? Вот они, тут!..
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем,
необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых,
извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье, —
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье, —
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады я аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье, —
Это — мое!!

Всем ответила Улица Главиая.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ощетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фыркаиьем конским и дробью копыт.
Прысиули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!
— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
— Татарщина!..
— Азия!..
— Хамы!..
— Мерзавцы!..
— Скоты!..
— Подлецы!..
— Вышла на Главную рожа суконная!
— Всыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
— Да, ядовитые!
— Чернь отступала, заметьте, грозя.
— Правда ль, что есть средь рабочих
убитые?
— Жертвы... Без жертв, моя прелесть,
нельзя!
— Впрок ли пойдут им уроки печальные?

— Что же, дорвутся до горшей беды!
Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликованья,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого званья
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...
Снова.
Бьет роковая волна...
Гнется гнилая основа...
Падает грузно стена.
— На!..
— На!..
— Раз-два,
Сильно!..
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
Грянул семнадцатый год.
— Кто там?

Кто там
Хнычет испуганно: «Стой!»
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
— Кто там виляет умильно?»
К черту господских пролаз!
— Раз-два,
Сильно!..
— Е-ще
Раз!..
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!

— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!

. . . .

Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

Эпилог

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте труслнвому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катилися вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Движутся, движутся, движутся,
движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1922

ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волненьем о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.

В опасности тесней
смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш,
родной,
С недугом злым единоборство!

Апрель 1923 г.

КРОВАВЫЕ ДОЛГИ

Памяти В. В. Воровского

Рать пролетарская знамена преклонила.
Семьей редеющей друзья стоят вокруг.
«Еще одна священная могила!»
«Еще один неотомщенный друг!»

Ну что же! Клятвой боевою
Мы честно подтвердим зарвавшимся врагам,
Что — не в пример иным долгам —
Долги кровавые мы возместим с лихвою!

1923

ЛЕНИНСКОМУ НАБОРУ

Печаль моя, тебя ли утаю?
Молчанием тебя я выдаю.
Но будят мрак огней далеких вспышки.
Скончался вождь. Но рать его в бою,
И начеку сторожевые вышки.
Прощай, Ильич! Оплакав смерть твою,
Кончаю срок жестокой «передышки».

Пронесся стон: «Ильич,
наш вождь, угас!..
Кто ж поведет дорогой верной нас?
Откуда ждать нам вещих откровений?»
И потекли лавиной в тот же час
В наш строй ряды железных пополнений.
Нет Ленина, но жив рабочий класс,
И в нем живет —
вождя бессмертный гений!

Вот Мавзолей. И траурный убор.
Здесь будем мы трубить военный сбор.
Здесь — наш алтарь и наш ковчег завета.
Да будет же, наш Ленинский набор,
Защищена тобой святыня эта!
Отсюда ты на вражеский напор
Пошлешь бойцов для грозного ответа.

1924

ВПЕРЕД И ВЫШЕ

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держася формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны, —
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Мильоны бодрых голосов:

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» —
В движенье массы.
«Свалил?» — «Готово!» — «Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

1924

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у *Горок* [1],
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925 г.

---

[1] Горки — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

НЕПОВТОРИМЫЕ

Мы вдаль наши взоры вперяем
И, в пламени новых идей
Сгорая, теряем, теряем
Неповторимых людей.

Не стало вождя-рулевого,
И многих не стало бойцов,
И чаще средь дела живого
Мы, сдвинувши брови сурово,
Хороним своих мертвецов.

Но с каждою тяжкой утратой,
Теснее смыкая ряды,
Взрываем мы той же лопатой
Нетронутость почвы богатой
Для новой культурной гряды.

24 июня 1926 г.

НА ЛЕНИНСКИЙ МАЯК!

Как волны, дыбятся панели.
Ни дать ни взять, как волк морской,
В морской фуражке и шинели
Плыву я в «Правду» по Тверской.
Здесь — «марсовой» по званью-чину —
Гляжу я пристально во мглу:
Не прозевать бы вражью мину!
Не напороться б на скалу!
Несутся волны, словно горы.
«Левей!» — «Правей!» —«Назад!» —
«Впе-е-е-ред!»
На капитанской рубке споры.
Кого-то оторопь берет.
Слежу спокойно за ответом
Морских испытанных вояк.
А впереди — призывным светом
Сверкает *ленинский маяк!*

1926

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(«22 апреля 1870 года»)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в сереньку мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик, в немой тоске, —
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Про-щай, студентик горемычный!»
. . . .
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

22 апреля 1927 г.

ДА, ВСПОМНИТЬ ЕСТЬ О ЧЕМ
НА ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ
«ПРАВДЫ»

Политэлегия

Да, вспомнить есть о чем,
и есть чем похвалиться.
В каких превратностях
прошли пятнадцать лет!
Какие крепости успели развалиться!
Каких людей уж больше нет!
И сам я... Грустного сознанья,
Увы, ни от себя, ни от других не скрыть:
Не те года, не те уж прыть, —
И мне уж говорят:
«Пиши... воспоминанья!»
Ах, «Правда» милая,
тебе — пятнадцать лет!
Не радоваться как такому юбилею?
Но — запевала твой,
присяжный твой поэт,
На юбилеях всех обычно я болею.
Воспоминания острей, и глубока
Печаль о выбывших героях славной были.
На свитках памяти моей — нет, нет!
— пока
Не наросло еще, друзья, архивной пыли!

ЧИТАЮТ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Во времена, как говорится, оны
Обычно слышались писательские стоны:
«Лицо читателя... Ах, каково оно!»
Нам было бы теперь стонать смешно,
грешно,
Когда читают нас — культурно и умно —
Не единицы — миллионы!
«Читатель — это сфинкс загадочно-немой!»
Какая глупая и злая небылица!
Да вот образчик вам прямой:
Живая, свежая портретная страница!
Пять деревенских ходоков,
Здоровых, кряжистых советских мужиков,
Которым дом родной —
советская столица.

И угощенье, и приют,
И — по утрам — газетки подают!
Пускай враждебная лютует заграница,
Пусть эмигрантская
на нас клевещет моль,
Я ей могу сказать с усмешкою:
«Изволь,
Поганая ты моль, вглядеться в эти лица,
Как Прон, Корней, Артем,
Савелий да Пахом,
Завороженные словесною игрою,
Смеются весело, довольные стихом,
В котором и тебя,
моль каверзная, крою».
«Эй, моль, — без родины,
без денег, без царя!
С десятилетьем... Октября!!»

1927

ЧЕРТА С ДВА!

Не та уж кровь. Не те уж годы.
Все ж, не вписавшись в ворчуны,
На молодые хороводы
Люблю смотреть... со стороны.

Певец иного поколенья,
С немою радостью порой
Гляжу я, полный умиленья,
На комсомольский бодрый строй.

Враги хотят нас сжить со свету,
А комсомольская братва?!
Глядите, сила какова!
И у меня тревоги нету.
Чтоб уничтожить силу *эту*?
    Н-ну, черта с два!!

28 октября 1928 г.

БАСОВУ-ВЕРХОЯНЦЕВУ

Да, добрый, старшнй друг мой,
Басоа,
Вот мы уже н старнкн.
Не зналн мы с тобой Парнасов,
А нас везлн — взамен Пегасов —
Конькн, простые скакункн.

Но этн добрые лошадки
Нас доаезлн до *Октября*,
Врезаяся в какне схваткн!
Какне пропастя беря!

Вот мы теперь н прискакалн.
И пусть нас судят за дела:
Работа наша — велнка лн
Была она нлн мала?

Пусть тонкоплюйные эстеты
О нас брезглнво говорят:
Мы, дескать, вовсе не поэты,
А так, пнсакн зауряд.

Но мы-то делу знаем цену!
Что нам лавровые венкн!
Не к лаврам тянутся, а к сену
Лнхне нашн скакункн.

Сегодня мы на сеновале
В беседе аспомннм старнну,
Лошадкн нашн — не в опале,
Но все ж иестися вихрем дале
Иному впору скакуну.

Бензин ему мнлее сена,
Огонь а ноздрях его, не пена.

Друг, побеседуем о днях,
Когда — широкая арена! —
Весь мир обскачет наша смена
На электрических конях!

1929

ДИВО-ДИВНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ

«Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!»

Растрепала баба косоньку,
Разомлела от серпа.
Вышла баба жать полосоньку
И нажала... три снопа!

Рядом пахоть — не аршинная!
Трактор весело гудит.
Чудо-силушка машинная
Пашне явно не вредит.

Урожаи диво-дивные!
Не узнать: не та земля!
Вот что значит: коллективные,
Обобщенные поля!!

1930

«ПЕРЕКОПСКАЯ»

Походная песня

Посвящается Краснознаменной 51-й Перекопской дивизии.

Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!
Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!
Ныиче снова строят плутии
Злые трутии
И шмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!
Но... скажи нам только: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!
Воют в страхе чуть живые
Биржевые
Короли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Биржевые короли!
Их машины и ьагранки,
Биржи, банки
На мели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Вражье дело на мели!

А у нас иные думы.
Все в поту мы
И в пыли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Все в поту мы и в пыли!
Заводских громадин только
Эвон сколько
Возвели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Сколько фабрик возвели!
Пахнет слаще нам, чем роза,
Дух навоза
И земли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Прут колхозы из земли!
Чтоб свалить судьбу-недолю,
Всю мы волю
Напрягли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всю мы волю напрягли!
Не собьет нас вражья жалость,
Чтоб мы малость
Прилегли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб всхрапнуть мы прилегли!
Чтоб враги нас, вялых, шалых,
Оплошалых,
Взять могли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб нас сонных взять могли!
Вражья жалость дышит местью!
Кто там — с лестью?
Стань вдали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Просим честью
Стать вдали!
С богатырской силой дивной,
Коллективной,
Не шали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Ныиче с нами не шали!
А не то... Нам скажут: «Хлопцы,

Перекопцы,
Навали!»
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

1931

СМЕЛЕЙ!

Не заражен я глупым чванством,
Покаюсь честно, не солгу:
Перед моей родней, крестьянством,
Я остаюсь в большом долгу.

Мой голос в годы фронтовые
Подобен часто был трубе.
Писал я песни боевые
И призывал народ к борьбе.

К борьбе с судьбой былой,
кровавой,
К борьбе с попом и кулаком,
К борьбе с помещичьей оравой,
С Деникиным и Колчаком.

Вновь баре жить хотели жирно.
Мы им сказали: «Черта с два!»
В борьбе прославилась всемирно
Красноармейская братва.

Потом пошли другие годы,
Пора иных забот, хлопот:
Живил и нивы и заводы
Крестьянский и рабочий пот.

Нам было знойно и морозно,
Но — шла работа, как война.
И вот пред вражьей силой грозно
Стоит с деревнею колхозной
Индустриальная страна!

Деревня, жившая так бедно,
Рванулась к свету и красе.

Стальные кони мчат победно
На коллективной полосе.

Легли квадратами гектары —
Пять тысяч га! Семь тысяч га!
Вот — коллективные амбары,
Вот — коллективные стога.

Вот — ну, подумать! —
спортплощадка,
Вот комсомольский уголок:
Где были образ и лампадка —
Плакат под самый потолок.

Дурман поповского глагола
Томится в собственном гною,
Совет, лечебница и школа
Победу празднуют свою.

О, сколько их на фронте этом,
Не всеми знаемых побед!
Но ни одним еще поэтом
Фронт этот ярко не воспет.

Есть грех и мой в немалой доле,
Но... нету вечных силачей.
Мне одному хрипеть доколе?
Вина на тех певцах поболе,
Кто и моложе и бойчей.

Ребята! Юные поэты!
Певцы — ударники полей!
У вас возможностям нет сметы,
У вас и краски и сюжеты!
Ударней действуйте, смелей!

Чтоб боевая ваша нота
Все перекрыла образцы.
Где гениальная работа,
Там — гениальные певцы!

1931

ПОРОГИ

В день пуска Днепростроя
А. М. Горькому

Сегодня — день от всех отличный,
Сегодня — праздник символичный:
Сегодня утренней порой
В наш боевой рабочий строй
Победно входит «энергичный»
Наш торжествующий герой —
Электросильный *Днепрострой*.
Как мы мечтали, как гадали,
Как нажимали все педали,
Как торопили дни, часы,
Чтобы скорей мильонотонной
Мускулатурою бетонной
Он обрастал — кремнисто-донный
Гигант невиданной красы!

Как много пигалиц пищало,
Как много воронов вещало
О «фантастической игре»,
«Затее дикой» на Днепре.
И вот — затея стала фактом,
Игра — великим, смелым актом,
И мир, весь мир, в любой стране,
Мир пролетарский — с теплой лаской,
Мир буржуазный — с злой опаской,
С тоской, понятной нам вполне,
Внимает радиоволне
И ловит радостные хоры,
Рабочий смех, и разговоры,
И — голос будущих судьбин —
Гул торжествующих турбин!
А там, за звуками, картина:
Сталебетонная плотина,

Замкнувши ток днепровских аод,
Дает им новый, точный ход,
Чтоб Украине, «неньке [1] милой»,
Они запели в наши дни
Не то, что пели искони.
Организованною силой
Отныне сделались они!
Вперед днепровские пороги
Не преградят уж им дороги,
Не будет их водоворот
Ломать челны, губить народ.
Все вековечные заторы,
Ликуя, волны погребли.
В глубоководные просторы
Войдут морские корабли
И станут гордо у плотины,
Где чудо-электротурбины
Дают — неслыханный захват —
Мильярды сило-киловатт,
Невидимых, но ощутимых
Богатырей неутомимых,
Отважных электросолдат,
Всегда готовых вмиг, по знаку,
За поворотом рычага,
Лавиной ринуться в атаку
На стародосного врага,
Который уж не будет боле
Держать в убожестве, в неволе
И чудо-Днепр, и чудо-поле,
И эти чудо-берега!

Взрывая скалы, землю роя,
Водой Днепра пороги кроя,
Мы на плотине Днепростроя
Свершали подвиг трудовой.
Темп забирая боевой,
Мы до конца его не сдали,
И — средь машин, бетона, стали —
В работе творческн-живой

[1] Ненька (укр.) — мать.

Мы, закаляясь, обрастали
Мускулвтурой волевой.
На гóре вражеским пророкам,
Их предсказаньям вопрекн,
Мы повышали гонку срокам,
Снуя по руслу и протокам
В бетон закоаанной реки.
Мы сдалн творческий экзамен!
Всей зло-пророческой гурьбе
Теперь кричать «аминь» и «áмен»
Не нам придется, а себе.

Там, где с порогами в борьбе
Вода, бурля, взметалась пылью,
Где историческою былью
Дышала каждая скала,
Свершалнсь днвные дела:
Над ровиой водиой пеленою,
Над иовозданиой глубииою,
Гряду порогов поборов
И к реву нх неумолимы,
Победу првздиуя, зажгли мы —
Взамен угасувших костров —
Гирляиду солиц-прожекторов.
Чтоб больше древние порогн
Не заступали нам дороги
К грядущей, сказочиой судьбе,
С водой и скалами в борьбе
Мы не работали — горели!

Пороги есть в одиом Днепре ли?
Им в жизни не было числа.
Не позабыть всей тьмы и зла,
Всей тяготы непереносиой
Миивушей жизни старокосной:
Оиа «порожиста» была.
Не только взрослые — и дети —
В пучине жнзни заодио,
Разбившись о пороги эти,
Метались горестио, бедиó,
В тоске — нзраненио-смертельно —
Металнсь брошенио, бездельно

**И опускалися «на дно».
О, сколько жизней, снл, талантов,
Народных творческих гигантов,
Топя тоску свою в вине,
Тоску по жизни светлой, новой,
С разумной, творческой основой,
Страдало, корчилось «на дне»!
Их всех, чьи гибли дух и тело
«На дне» погибельно-гнилом,
Их сердце Горького узрело,
И пожалело, и согрело
Сердечно-ласковым теплом,
И перед всем раскрыло светом:
Кто погибал «на дне» на этом,
Кого забросила сюда,
Кого измяла, сокрушила,
Услады жизненной лишила,
Лишила радостей труда
Порогов жизненных гряда.**

**Работы горьковской итоги
Росли пред нами вглубь и вширь.
Он рвал проклятые пороги,
Передовой наш богатырь, —
В боях с ним вражеская стая
Не мало понесла потерь, —
Он шел, ряды врагов сметая,
Как он сметает их теперь.
Ему, грозе дворцов, чертогов
При старом строе, при царе,
Ему, «взрывателю порогов»,
Тех, что мы рвали в *Октябре,*
Ему, певцу иной культуры,
Культуры нашей, трудовой,
Ее стальной мускулатуры,
Ее закалки волевой,
Ему, чье знамя буревое
Пред нами реет столько лет,
Моим *«Стихом о Днепрострое»,*
О нашем энергогерое,
Я энергичный шлю привет!**

1932

ЕЖ

Где объявился еж, змее уж там не место.
«Вот черт щетинистый!
Вот проклятущий бес-то!
Ну, погоди ужо: долг красен платежом!»
Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,
Она пустилася вправлять мозги зверьку,
Хорьку:
«Приятель, погляди,
что припасла к зиме я:
Какого крупного ежа!
Вот закусить кем можно плотно!
Одначе, дружбою с тобою дорожа,
Я это лакомство дарю тебе охотно.
Попробуешь, хорек, ежиного мясца,
Ввек не захочешь есть иного!»
Хорьку заманчиво и ново
Ежа испробовать. Бьет у хорька слюна:
«С какого взять его конца?»
«Бери с любого!
Бери с любого! —
Советует змея. — С любого, голубок!
Зубами можешь ты ему вцепиться в бок
Иль распороть ему брюшину,
Лишь не зевай!»
Но еж свернулся уж в клубок.
Хорь, изогнувши нервно спину,
От хищной радости дрожа,
Прыжком метнулся на ежа
И напоролся... на щетину.
Змея шипит: «Дави! Дави его! Дави!..
Да что ты пятишься? Ополоумел, что ли?!»
А у хорька темно в глазах от боли
И морда вся в крови.
«Дави сама его — сказал змее он злобно.—

И ешь сама... без дележа.
Что до меня, то блюдо из ежа,
Мне кажется, не так-то уж съедобно!»

Мораль: враги б давно вонзили
в нас клыки,
Когда б от хищников,
грозящих нам войною,
Не ограждали нас щетиною стальною
Красноармейские штыки.

16 мая 1933 г.

ПЧЕЛА

В саду зеленом и густом
Пчела под розовым кустом
Заботливо и радостно жужжала.
А под кустом змея лежала.
«Ах, пчелка, почему, скажи, судьба твоя
Счастливее гораздо, чем моя? —
Сказала так пчеле змея. —
В одной чести с тобой
мне быть бы надлежало.
Людей мое пугает жало,
Но почему ж тогда тебе такая честь
И ты среди людей летаешь так привольно?
И у тебя ведь жало есть,
Которым жалишь ты,
и жалишь очень больно!»
«Скажу. Ты главного, я вижу, не учла, —
Змее ответила пчела, —
Что мы по-разному с тобою знамениты,
Что разное с тобой у нас житье-бытье,
Что ты пускаешь в ход оружие свое
Для нападения, а я —
только для защиты».

16 мая 1933 г.

НАША РОДИНА

Дворяне, банкиры, попы и купечество,
В поход обряжая Тимох и Ерем,
Вопили: *«За веру, царя и отечество*
Умрем!»
«Умрем!»
«Умрем!»
И умерли гады нежданно-негаданно,
Став жертвой прозревших Ерем и Тимох.
Их трупы, отпетые нами безладанно,
Покрыли могильная плесень и мох.
«За веру!» —
Мы свергли дурман человечества.
«Царя!» —
И с царем мы расчеты свели.
«Отечество!» —
Вместо былого отечества
Дворян и банкиров, попов и купечества —
Рабоче-крестьянское мы обрели.

Бетоном и сталью сменивши колодины,
Мы строим великое царство Труда.
И этой — родной нам по-новому — родины
У нас не отбить никому никогда!

1934

ОБОРОНЯТЬСЯ — ЗНАЧИТ БИТЬ!

Разбойники с открытым забралом

«Фелькншер беобахтер» снова — в статье от 15 февраля — выступает с программой германо-польских захватов на Востоке.

«Правда», 18 февраля 1935 г.

Мой стол — вот весь мой наркомат.
Я — не присяжный дипломат,
Я — не ответственный политик,
Я — не философ-аналитик.
И с той и с этой стороны
Мои познания равны.
Чему равны — иное дело,
Но мной желанье овладело:
Склонясь к бумажному листу,
Поговорить начистоту
О том, о чем молчат обычно
Иль пишут этак «заковычно»,
Дипломатично,
Политично,
Владея тонким ремеслом
Не называть осла ослом
И дурачиной дурачину,
А величать его по чину
И выражать в конце письма
Надежды мирные весьма.
Я фельетон пишу — не ноту.
Поэт, как там ни толковать,
Я мог бы все ж претендовать
На «поэтическую» льготу:

Поэт — известно де давно —
Из трезвых трезвый, все равно,
В тисках казенного пакета
Всегда собьется с этикета
И даст фантазии простор, —
Неоспорима-де примета:
Нет без фантазии поэта.
Так утверждалось до сих пор.
Вступать на эту тему в спор
Нет у меня большой охоты
(Спор далеко б меня завлек).
Таков уж стиль моей работы:
Я не стремлюсь добиться льготы
Под этот старый векселек.
Но к озорству меня, не скрою,
Влечет несказанно порою,
Поговорить на «свой» манер
О... Розенберге, например.
Вот фантазер фашистской марки!
Пусть с ним сравнится кто другой,
Когда, «соседке дорогой»
Суля «восточные подарки»,
Он сочиняет без помарки:
«Я докажу вам в двух строках...
Подарки вот... почти в руках...
Вот это — нам, вот это — Польше...
Коль мало вам, берите больше...
Вести ль нам спор о пустяках?
Не то что, скажем, половину —
Всю забирайте Украину.
А мы Прибалтикой парад
Промаршируем в Ленинград.
Плацдарм устроив эйн-цвей-дрейно
От Ленинграда и до Рейна.
Мы, так сказать, за рыбный лов,
Араки, скажем так, а раки...
Ну мало ль есть еще голов,
Антисоветской ждущих драки
На всем двойном материке!
Я докажу в одной строке...»
Состряпав из Европ и Азий
Невероятный винегрет,

Фашистский выявил полпред
(Полпред для всяческих «оказий»)
Вид политических фантазий,
Переходящих в дикий бред.
То, что «у всякого барона
Своя фантазия, увы,
Не миновало головы
Сверхфантазера и патрона
Фашистских горе-молодцов,
И Розенберг в конце концов
С неподражаемым экстазом
Пленяет, стряпая статью,
Соседку милую свою
Чужого бреда пересказом.
Придет — она не за горой —
Пора, когда советский строй,
Преодолевши вражьи козни,
Сменив истории рычаг,
Последний сокрушит очаг
Национальной лютой розни, —
Не за горою та пора,
Когда по школам детвора,
Слив голоса в волне эфирной,
Петь будет гимны всеземной,
Всечеловечески родной,
Единой родине — *всемирной*, —
Когда вз книжечки любой,
Как факт понятный сам собой
Из первой строчки предисловья,
Узнает розовый юнец,
Что мир покончил наконец
С периодом средневековья,
Что рухнула, прогнив дотла,
Его отравленная масса
И что *фашистскою была*
Его последняя гримаса.

Фашизм не пробует юлить
И заявлвет откровенно,
Что он готовится свалить,
Поработить и разделить
Страну Советов непременно.

Бред?.. Мы должны иметь в виду:
Фашисты бредят — не в бреду,
Не средь друзей пододеяльных,
Патологически-скандальных,
Нет, наяву, а не во сне
Они готовятся к войне,
Ища союзников реальных,
Точа вполне реальный нож,
Нож для спины реальной тож.
Одно лишь в толк им не дается,
Что им, затейщикам войны,
В бою вот этой-то спины
Никак увидеть не придется, —
Что на любом мы рубеже
И день и ночь настороже
И, чтоб не знать в борьбе урону,
Так понимаем *оборону:*
Обороняться — не трубить,
Не хвастаться, не петушиться,
Обороняться — значит бить,
Так бить, чтоб с корнем истребить
Тех, кто напасть на нас решится,
Тех, кто, заранее деля
Заводы наши и поля,
Залить их мыслит нашей кровью,
Тех, кто в борьбе с советской новью
Захочет преградить ей путь,
Чтоб мир, весь мир, опять вернуть
К звериному средневековью
И путь к культуре — отрубить.
Обороняться — значит бить!
И мы — в ответ на вражьи ковы, —
Не скрою, к этому готовы!

1935

ЖИВОЕ ЗВЕНО

Смерть. С ней мирится ум,
но сердце не мирится,
Болезненно сжимаясь каждый раз.
Не вернется, что нет бойца, что он — угас:
Улыбкою лицо его не озарится,
Морщинки ласково не набегут у глаз.
Внезапным натиском смертельного недуга
Боец сражен. Поникла голова.
...Последний путь. Прощальные слова.
С останками испытанного друга
Простилась скорбная Москва.
Прощай, Барбюс! Ты — мертв.
Но образ твой — он вечен,
Как вечно то, чему так честно ты служил.
На Родине своей ты будешь встречен
Железным строем тех,
чьей славой ты отмечен,
Чьей героической борьбой дышал и жил.
Нас разлучат с тобой леса, долины, реки,
Но ты для нас в краю своем родном
С друзьями нашими останешься навеки
Живым и творческим звеном.

1935

КОГО МЫ БИЛИ

Корнилов

Вот *Корнилов*, гнус отборный,
Был Советам враг упорный.
Поднял бунт пред Октябрем:
«Все Советы уберем!
Все Советы уберем,
Заживем опять с царем!»
Ждал погодки, встретил вьюгу.
В Октябре подался к югу.
Объявившись на Дону,
Против нас повел войну.
Получил за это плату:
В лоб советскую гранату.

Краснов

Как громили мы *Краснова!*
Разгромив, громили снова
И добили б до конца, —
Не догнали подлеца.
Убежав в чужие страны,
Ныне он строчит романы,
Как жилось ему в былом
«Под двуглавым...»
Под Орлом.
Настрочив кусок романа,
Плачет он у чемодана:
«Съела моль му-у-ундир...
шта-ны-ы-ы-ы,
Потускнели галуны-ы-ы-ы».

Деникин

Вот *Деникин* — тоже номер!
Он, слыхать, еще не помер,

Но, слыхать, у старикв
И досель трещат бока.
То-то был ретвв не в меру.
«За отечестао, за веру
И за батюшку-царя»
До Орла кричал. «Ур-р-ря!»
Докрнчался до отказу.
За Орлом охрип он сразу
И вовсю назад подул,
Захрипеаши: «Кар-ра-ул!»
Дорвался почти до Тулы.
Получив, однако, в скулы,
После многих жарких бань
Откатился нв Кубань,
Где, хватившв также горв,
Без оглядки мчал до моря.
На кораблике — удал! —
За границу тягу дал.

Шауро

Слыл *Шкуро* — по зверству —
аолком,
Но, удрав от нас пешком,
Торговал с немалым толком
Где-то выараденным шелком
И солдатским твбаком.
Нынче ездит «по Европам»
С небольшим казацким скопом
Рвди скачки верховой
На арене... циркоаой.

Мвмонтов

Это *Мамонтов*-аояка,
Слава чья была двояаа,
Такова и до сих пор:
Генерал и вместе — вор!
«Ой да, ой да... Ой да, эй да!» —
Пел он весело до «рейда»,
После рейда ж тольао «ой» —
Кое-как ушел живой;

Вдруг скапутился он сразу,
Получивши то ль заразу,
То ль в стакане тайный яд.
По Деникина приказу
Был отравлен, говорят,
Из-за зависти ль, дележки
Протянул внезапно ножки.

Колчак

Адмирал *Колчак*, гляди-ко,
Как он выпятился дико.
Было радостью врагу
Видеть трупы на снегу
Средь сибирского пространства:
Трупы бедного крестьянства
И рабочих сверхбойцов.
Но за этих мертвецов
Получил Колчак награду:
Мы ему, лихому гаду,
В снежный сбив его сугроб,
Тож вогнали пулю в лоб.

Анненков

Сел восставших усмиритель,
Душегуб и разоритель,
Искривившись, псом глядит
Борька *Анненков*, бандит.
Звал себя он атаманом,
Разговаривал наганом;
Офицерской злобой пьян,
Не щадя, губил крестьян,
Убивал их и тиранил,
Их невест и жен поганил.
Много сделано вреда,
Где прошла его орда.
Из Сибири дал он тягу.
Всё ж накрыли мы беднягу,
Дали суд по всей вине
И — поставили к стене.

Семенов

Вот *Семенов*, атаман,
Тоже помнил свой карман.
Крепко грабил Забайкалье.
Удалось бежать каналье.
Утвердился он в правах
На японских островах.
Став отпетым самураем,
Заменил «ура» «банзаем»
И, как истый самурай,
Глаз косит на русский край.
Ход сыскал к японцам в штабы:
«Эх, война бы! Ух, война бы!
Ай, ура! Ур... зай! Банзай!
Поскорее налезай!»
Заявленья. Письма. Встречи.
Соблазнительные речи!
«Ай, хорош советский мед!»
Видит око — зуб неймет!

Хорват

Хорват — страшный, длинный,
старый —
Был палач в Сибири ярый
И в Приморье лютый зверь.
Получивши по кубышке,
Эта шваль — понаслышке —
«Объяпонилась» теперь.

Юденич

Генерал *Юденич* бравый
Тоже был палач кровавый,
Прорывался в Ленинград,
Чтоб устроить там парад:
Не скупиться на эффекты,
Разукрасить все проспекты,
На оплечья фонарей
Понавесить бунтарей.
Получил под поясницу,

И Юденич за границу
Без оглядки тож подрал,
Где тринадцать лет хворал
И намедни помер в Ницце —
В венерической больнице
Под военно-белый плач:
«Помер истинный палач!»

Миллер

Злой в Архангельске палач.
Миллер ждал в борьбе удач,
Шел с «антантовской» подмогой
На Москву прямой дорогой:
«Раз! Два! Раз! Два!
Вир маширен нах Москва!»
Сколько было шмерцу герцу,
Иль, по-русски, — боли сердцу:
Не попал в Москву милок!
Получил от нас он перцу,
Еле ноги уволок!

Махно

Был *Махно* — бандит такой.
Со святыми упокой!
В нашей стройке грандиозной
Был он выброшенным пнем.
Так чудно́ в стране колхозной
Вспоминать теперь о нем!

Врангель

Герр барон фон *Врангель.*
Тоже —
Видно аспида по роже —
Был, хоть «русская душа»,
Человек не караша!
Говорил по-русски скверно
И свирепствовал безмерно.
Мы, зажав его в Крыму,
Крепко всыпали ему.

Бросив фронт под Перекопом,
Он подрал от нас галопом.
Убежал баронский гнус.
За советским за кордоном
Это б нынешним баронам
Намотать себе на ус!
Мы с улыбкою презренья
Вспоминаем ряд имен,
Чьих поверженных знамен
После жаркой с нами схватки
Перетлевшие остатки
Уж ничто не обновит:
Жалок их позорный вид,
Как жалка, гнусна порода
Догнивающего сброда,
Что гниет от нас вдали,
Точно рыба на мели.
Вид полезный в высшей мере
Тем, кто — с тягой к злой афере,
Злобно выпялив белки,
Против нас острит клыки.

1933—1935

ПЕРВОЕ СЛОВО

Пленуму Союза советских писателей, назначенному в Минске и посвященному советской поэзии.

Через Минск шли части фронтовые,
На панов шли красные бойцы.
Я тогда увидел вас впервые,
Белорусские певцы.
Не забыть мне кипы книжных связок
Белорусского письма.
От легенд от ваших и от сказок
Я тогда сходил с ума.

Нынче жизнь все сказки перекрыла.
Бодрый гул идет со всех концов.
И летит — звонка и быстрокрыла —
В красный Минск семьи родных певцов
Из Москвы, из Киева, Казани,
Из Тбилиси, из Баку,
Сходных столь по духу их писаний,
Разных столь по языку.

Речь пойдет о мастерстве, о новом,
О певцах о всех и о себе,
Но средь слов пусть будет
первым словом
Ваше слово о борьбе,
О борьбе, которой нету краше,
О борьбе, которой нет грозней,
О борьбе, в которой знами наше
Возвестит конец фашистских дней;
О борьбе великой, неизбежной,
Мировой, решающей борьбе,

В коей мы призыв к семье мятежной,
Боевой, рабоче-зарубежной,
Позабыв на срок о флейте нежной,
Протрубим на боевой трубе!

1936

ХУДОЖНИК, БОЕЦ, ДРУГ

Художник удивительной судьбы,
Боец несокрушимейшей удачи,
Друг класса, сбившего дворанские гербы,
И буревестник классовой борьбы...
Дать верный лик его —
труднее нет задачи.
Отдавший жизнь свою великой цели, он,
Чей путь был боевым и мудро-человечным,
Войдет в советский пантеон
Художником, бойцом
и нашим другом вечным!

1936

А ТАКИЕ ТИПЫ ЕСТЬ!

На редактора-тетерю
Взглянешь — как его забыть!
Вот гляжу и сам не верю,
Что такие могут быть.

Он, как муха из опары,
Лезет, вырезки гребя.
Ничего, напялив фары
Из очков (четыре пары!),
Он не видит вкруг себя.

Вкруг него живая сказка,
Жизнь кипит, бурлит, гудит,
Но очкастая двуглазка
Только в вырезки глядит.

Что там жизненная сказка,
Гул заводов и полей!
У него своя закваска:
Лишь газет была бы связка,
Были б ножницы да клей!

Прет он текст неутомимо
Из газет, календарей.
Жизнь проходит мимо, мимо
Запертых его дверей.

Попрошайкою безвестной
Постучаться в дверь боясь,
Умирает с жизнью местной
Органическая связь.

О работе ли похвальной,
О работе ли провальной,
Чтó цветет и чтó гниет

Рядом — в близости квартальной, —
Из газеты из центральной
Лжередактор узнает.

Больше вырезкой одною,
Вот и все. И ту — в петит!
К местной жизни став спиною,
Под газетной пеленою
Он воды не замутит.

Что! *Отчет о местной*... «Херю!
В наши дебри неча лезть».
Вот пишу и сам не верю...
А такие типы есть!

1936

АНКА-ПАРТИЗАНКА

Белорусская песня

Любовались люди Анкой:
Нет девчоночки былой,
Стала Анка партизанкой,
Комсомолкой удалой.

Вот она — сидит на танке.
Вражий танк. Ее трофей.
Шлем, ружье на партизанке,
А румянец — до бровей.

«Ай, да девка!» — «На примету!» —
Разговор про Анку был.
Анка вызвалась в разведку
И пошла во вражий тыл.

Не сплошать — одна забота.
Шла сторожко, как лиса,
Через топкие болота,
Через темные леса.

Край родной! Он весь ей ведом.
Тонок слух. Глаза горят.
Через день за Анкой следом
Партизанский шел отряд.

Подошел к фашистам с тыла,
Захватил врагов врасплох.
У фашистов кровь застыла,
Был конец злодеев плох.

«Анка, глянь, летит в танкетке!
Бьет по танку!» — «Уй-ю-ю!»

«Удала была в разведке,
Удалей того — в бою!»

Жестока была расплата
Славной девушки-бойца
За расстрелянного брата,
За сожженного отца.

За народ, за трудовую
Разоренную семью,
За страну свою родную,
Белоруссию свою.

1941

ГИТЛЕР И СМЕРТЬ

Сил самых мерзостных подручный,
Шагает Гитлер-людоед.
С ним рвдом спутник неразлучный
Свой оставлвет мертвый след.
Они пройдут по ниве тучной,
И нивы тучной больше нет.

Сады лишаются в мгиоаеиье
Своей красы, своих плодоа.
Зловещей пары появленье
Под гул оружья всех родов
Уничтожает населенье
Цветущих сел и городов.

Но, полный пьяного угару,
Как иатнск врвжеский ии вр,
Враги узнают нашу кару
В тот час, когда — и млад и стар —
Обрушим мы ив эту пару
Наш сокрушительный удар!

1941

СЧАСТЛИВЫЙ БЕНИТО

С фронта русского Бенито
Шлет невесте письмецо.
Он воюет знаменито.
Результаты — налицо.

«Что за люди, мна Бьянка,
В этой чертовой стране:
Здесь крестьянин и крестьянка —
Партизан иль партизанка, —
Все участвуют в войне!

Надо быть всегда на страже:
Люди скрытны и хитры,
Здесь приходится нам даже
Опасаться детворы.

Случай был — один из многих:
Пред избушкою одной
Три подростка босоногих
В пляс пустились озорной.

Мы смеялись, чужестранцы —
Немцы, венгры, итальянцы, —
Ухватившись за бока.
Есть ли где на свете танцы
Удалее гопака?!

Но когда мы все, солдаты,
Закричали: «Молодцы!» —
Полетели в нас гранаты!
Вот они какие хааты,
Украинские мальцы!

Грохот, вопли, стоны, охи...
Той порой мальчишки — фить!

«Плясунов» средь суматохи
Было некому ловить.

Три советских пионера
Нам сплясали мастерски:
От красавца офицера
Лишь остались куски.

Десять с ним солдат убито,
Вдвое — раненых; средь них
Я, удачливый Бенито,
Твой возлюбленный жених.

Сохранен святою девой,
Счастлив я. Тебе привет
Я пишу рукою... левой,
Потому что — правой нет!»

1941

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся
фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час
он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба.
Но мы ведь не одни —
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда
с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

7 ноября 1941 г.

ЯРОСТЬ

В работе яростно-кипучей
Юг, запад, север и восток.
Все полноводней, все могучей
Соревновательный поток.

Пласты глубокие взрывав,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость,
Все — в напряженье, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

1942

САЛЮТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

О русской славе незаходной
Отрадно петь ее певцам.
Привычкой стало всенародной
Салютовать своим бойцам.

Вчера — победа в Приазовье,
Взят Мариуполь, взят Бердянск,
Сегодня пушек славословье —
Салют бойцам, вернувшим Брянск.

И вот сейчас, сию минуту,
Родной народ по всей стране
Внимает новому салюту:
Стал наш — Чернигов на Десне!

Все напряженнее и строже
Взгляд у бойцов. Вперед! Вперед!
Отрадно видеть до чего же,
Что наша сила верх берет,

Что не сегодня-завтра грянет
Победоносное «ура»:
То Киев к жизни вновь воспрянет
И руки братски к нам протянет
С крутого берега Днепра!

1943

ОСВОБОДИТЕЛЯМ

Уж немцы здесь бывали ране,
У вод чудских, средь псковских нив,
Но — смерть прошла во вражьем стане:
Торжествовали псковитяне,
Всех псов немецких разгромив.

Преданья озера Чудского,
Великий подвиг старины
Освободителями Пскова
Сегодня вновь воскрешены!

Бойцы стремительным ударом,
Напомнив прадедов дела,
Врагов, засевших в Пскове старом,
Разбили в прах, смели дотла!

Смотри: средь гари и обломков,
У древних стен, в лучах зари
Встречают доблестных потомков
Их прадеды-богатыри,

Псков ликованьем их встречает,
Блюдя обычай древний свой,
И славой их Москва венчает
За новый подвиг боевой!

1944

ЛЕНИН — С НАМИ!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: *Ленин — с нами!*
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом *Ленина* на нем!

21 января 1944 г.

АВТОЭПИТАФИЯ

Не плачьте обо мне, простершемся в гробу,
Я долг исполнил свой,
и смерть я встретил бодро.
Я за родной народ с врагами вел борьбу,
Я с ним делил
его геройскую судьбу,
Трудясь вместе с ним
и в непогодь и в вёдро.

24 февраля 1945 г.

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ

(Повесть)

Часть первая

ЦАРСКАЯ ВОЙНА

Запев

Ну-тка, милые мои!
Сладко свищут соловьи
По весне в зеленой роще.
Наша песенка попроще.
Где уж нам да сладко петь!
Нам бы горе дотерпеть,
Вековое наше горе.
Не забросить горя в море,
Не спалить его в огне.
По родимой стороне
Горе знай себе гуляет —
Счастье ж где-то ковыляет.
«Эх ты, — мается народ, —
Кабы все наоборот!
Кабы то вот нам да это,
Чтоб зимою было лето,
Чтобы жить нам без хлопот,
Нужды-горюшка не ведать, —
Чтобы сел мужик обедать,
Глядь, само все лезет в рот!»
Только кто про что ни грезит,
В рот само ничто не лезет.
Что тут делать? Как тут быть?
С горя волком, что ль, завыть?
И завоем, — вот как воем! —
Да запьем, — и пьем запоем,
Растерявши все концы.
Вот какие молодцы!
Легче сгинуть нам от вою,
Чем раскинуть головою:
Кто — примерить аккурат —

В нашем горе виноват?
Не схватиться ли нам с горем?
Может, мы его поборем,
Скинем лихо с наших плеч,
Ежли дружно приналечь
Да тряхнуть, что станет силы,
Всех, кто тянет наши жилы,
Норовя наш век заесть?
«Тут загвоздка вся и есть!»

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я пишу не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему;
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет:
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти, —
Люд рабочий, батраки, —
Все повыкрошим клыки?!

Облегчивши душу, сразу
Перейду теперь к рассказу.
С правдой-истиной в ладу
Речь простую поведу.
Не за страх пишу — за совесть
Быль доподлинную, повесть,
Где нам в ровном ходе строк
Жизнь сама дает урок,
Где событие к событью
Жизнь пришила крепкой нитью,
Дав канву всему и связь.
«Ну, начнем, благословясь!»

Июль 1917 г.

I

На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо,
Со двора бредет во двор.
Объявил, вишь, царь набор,
Объявил набор досрочный.
У царя расчет был точный:
Как, мол, немец ни мудри,
Как в бою он ни хитри,
С ним нам справиться нетрудно,
Наше царство многолюдно.
Все войска вал соберем
Да всей силой как напрем, —
Не спасут тут немца пушки,
Не война, сказать, — игрушки!
Напирай да напирай,
В день полцарства отбирай! —
А что головы кто сложит,
То царя не так тревожит!
Миллион голов аль два, —
Не своя ведь голова!
На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо.
Чей там голос? Кто зовет?
Кто-то плачет аль поет?

Песни народные

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушка в зеленом саду
громко свищет, —
Добрый молодец,
во неволюшке сидя, плачет,
Обливается добрый молодец
горючими слезми:
«Как берут меня, добра молодца,
во неволю,
Уж как вяжут мне, добру молодцу,
белы руки,

Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут-везут добра молодца,
везут в город,
Отдают меня, добра молодца,
в царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую —
во солдаты,
Уж никто по мне, добром молодце,
не потужит;
Только тужит лишь одна матушка,
мать родная,
А еще по мне, добром молодце,
красная девица.
Как все девушки про молодчика
вспоминают,
Род и племя всё меня,
молодца, провожают:
«Послужи-ка ты, добрый молодец,
верой-правдой,
Положи за нас свою буйную ты головку!»
«Не шумите-ка вы, ах, да ветры буйные,
Не бушуйте вы, ах, дв леса темные,
Ты не плачь, не плачь,
душа красна девица!»
«Не сама-то я плачу, плачут очи ясные,
Поневолюшке из глаз слезы катятся,
Поневолюшке да всё по милом дружке,
Что везут-то ль,
отдают дружка во солдатушки,
В молодые ли его, ах, да во некрутики!
Снаряжу ль я,
снаряжу дружка хорошохонько,
Провожу ль я,
провожу дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владимира,
Я до матушки ль его каменной Москвы.
Середи-то ли Москвы да мы становилися,
Со милым ли со дружком
да мы распрощалися.
Господа-то ли купцы на нас дивовалися:
Уж и кто же это с кем,
кто с кем распрощается?

Или муж с женой, или это брат с сестрой?
Добрый молодец
с душой красной девицей!»

II

Горько Маша убивалась,
Как с Ванюшею прощалась.
Ваня — красный, что кумач, —
Утешал ее: «Не плачь!
Так по мне ты слезы ронишь,
Словно загодя хоронишь.
Даст бог, справимся с войной,
Будешь, Маша, мне женой.
Коль вернут домой калеку —
Не губи со мною веку,
А погибну на войне —
Помолися обо мне».

III

Солнце весело светило.
Землю дождиком прибило.
Пар валил с осенних нив.
Лихо шапки заломив,
Заливая горе брагой,
Парни шумною ватагой
Пляс вели последний день.
— Трень-брень!
Трень-брень!
Ты сыграй-ка,
Балалайка,
А мы песенку споем:
Завтра всем нам на прием!

Ой вы, немцы-супостаты,
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас у нас печаль:
Покидать девчонок жаль!
Как посадят нас в вагоны,
То-то будут плач да стоны.

Все вагоны — грох да грох,
Все девчоики — ох да ох!

Вы, сударушки-сударки,
Выиосите-ка подарки,
Чтоб, отпрааясь в дальний путь,
Было чем ввс помянуть.
Нвм подарки ваши любы:
Щечки алые да губы!

Ты играй-играй, гармошка,
Ты спляши-пляши, Тимошка!

Плясовая

Отчего не поплясать?
— Поплясать.
Дома нечего кусать.
— Что кусать?
Кабы мне да калачи,
— Калачи,
Я лежвл бы на печи,
— На печи.
Кабы мне да сапоги,
— Сапоги,
Я б ударил в три иоги,
— В три ноги.
Кабы мне стакви вииа,
— Да виица,
Я плясал бы без конца,
— Без коица.
О кввлук да каблуком!
— Каблуком,
Слезы б вытер кулаком,
— Кулаком.
Неча, брвтцы, горевать,
— Горевать.
Царь велит нам воевать,
— Воевать.
Царь землей нас наградит,
— Наградит.

Нам землица не вредит,
— Не вредит!
Ай, люли, люли, люли!
— Ай, люли!
Уж добьемся мы земли!
— Всей земли!
Прощай, горе-маета!
— Маета!
Запирует беднота!
— Беднота!

Ай, Тимошка, молодчина,
Разошлася вся кручина,
Разошлася вся тоска,
Подковыривай с носка!

Эхма!
Друг Кузьма!
Парень с подковыркой.
Денег, думаешь, сума, —
Ан карман-то с дыркой!

Ах дыра — не дыра;
Плакали монетки!
Раздарил я всё вчера
Девкам на конфетки!

У старушки деньги есть.
Стоит только к ней подлезть,
Поцелуешь — гривна.
Очень уж противна!

Тра-ра-рам!
Хи-хи-хи!
Ахти, срам!
Ох, грехи!
Сидит баба, хмурится.
Чем она не курица!
Иха-хо! Иха-ха!
Полюбила петуха.
Петушок хорошенький,
Звать его Тимошенькой!

Эх, скачи-скачи-скачи:
На нас смотрят богачи!

Фу-ты, черт! Хоть одному бы
Хорошо заехать в зубы!

Эх, судьбинушка-судьба!
Загуляла голытьба!
Парни малость захмелели,
А в хмелю чего не пели!
Долго шел веселый пляс.
Разбрелися в поздний час.
А назавтра, пред дорогой,
Поп им в церковке убогой
Всем напутствие сказал,
Окропил и наказал,
Чтоб вели себя примерно,
Да царю служили верно,
И сумели бы в бою
Стать за родину свою.

IV

Что творилося с деревней!
От мальца до бабки древней
Выли все до хрипоты,
Надрывая животы.
Ох, война ли, не война ли —
Всех работничков угнали!
На приеме, говорят,
Забирали всех подряд.
В деревушку от приема
Прискакал один Ерема.
Был отпущен он домой,
Потому: глухонемой.
Всех, кого не сбраковали,
Сразу в части рассовали
Для муштровки боевой —
В помощь силе войсковой.
Агафон попал в минеры,
Тришка с Кузькою — в саперы,

Проа с Тимошкою — во флот,
В артиллерию — Федот,
Ване выпало — в пехоту,
В Курский полк, в седьмую роту.

V

«Ать! — Два! — Ать! — Даа!
В ногу, дурья голова!
Ать, два, три, четыре!
Шире шаг, Михеев! Шире!
Смир-рно! Что там за галдеж?
Соловьев, ты это что ж?
Стосковался по вресте? —
Левой! Правой! Шаг на месте!
Стой! Оправься!.. Ну, народ;
Черти! Стадо, а не взвод!»
Чертыхался унтер взводный.
Вечерел денек холодный,
И ученье на плацу
Подходило уж к концу.
Унтер снова взвод построил,
Все ряды сравнял и сдвоил.
Раз, другой солдат ругнул
И к казармам повернул.
«Марш! Равнение направо!
Ну, гляди, ребята, браво!
Никакой беды не знай.
Запевала, начинай!»

Песня

(Солдатская)

У ворот мамзель стоит,
На солдатика глядит.
Ах, калина, ах, малина,
На солдатика глядит.

— Ты, солдатик милый мой,
Приходи ко мне домой.

Ах, аалина, ах малина,
Приходн ао мне домой!

Прнходи да не скучай,
Будем пить с вареньем чай.
Ах, калнна, ах, малина,
Будем пить с вареньем чай.

Ежли будешь молодцом,
Угощу тебя винцом.
Ах, калина, ах, малина,
Угощу тебя винцом.

Ты скажи мне, что не прочь
Провести со мною ночь.
Ах, калина, ах, малина,
Провести со мною ночь.

Ах, любовь, любовь — игра,
Поиграем до утра!
Ах, калина, ах, малина,
Поиграем до утра!

Отвечает тут солдат:
— Хоть я холост — не женат,
Ах, калина, ах, малина,
Хоть я холост — не женат,

Берегу свою я честь:
У меня невеста есть!
Ах, калина, ах, малина,
У меня невеста есть!

Как в казарму я приду,
В сундуке патрет найду.
Ах, калина, ах, малина,
В сундуке патрет найду.

И патретик, и кольцо:
Пошлю милае письмецо.

Ах, калина, ах, малина,
Пошлю милке письмецо.

Напишу я ей, любя:
«Чижало, мне без тебя!»
Ах, калина, ах, малина,
Чижало мне без тебя.

В полковой свернувши двор,
Сразу смолк солдатский хор.

VI

Тяжело пришлося Ване.
Был он словно как в тумане.
Все смешалось в голове.
На плацу недели две
Новобранцев муштровали,
Передышки не давали:
Целый полк, что было сил,
Грязь на площади месил,
По всей площади по длинной
Шел походкой журавлиной,
На ходу на все лады
Перестраивал ряды.
Заставляли раз по двести
Повторять отданье чести,
Но ружья в полку зато
Не держал в руках никто.
Перед самым уж походом
Пронесли ружье по взводам,
Показали, как держать
И откуда заряжать,
Как управиться с прицелом.
Штука мудрая! Но в целом —
Вышел полк, как все полки:
Безоружные стрелки!
О стрельбе им рассказали,
Все приемы показали,
Суть сноровки боевой
При атаке штыковой.
Может, шло б ученье дольше,

Но и в Пруссии и в Польше
Убывал в боях народ.
Курский полк пошел в поход.
Дней с пяток еще в Сувалках
Обучался он на палках
И, обученный вполне,
Чрез неделю был в огне.
Ружья выдали... пред боем,
Хоть не всем, того не скроем,
И с патронами ж опять —
Хоть у немца призанять.
Шли стрелков живые стены
На ружьишко по три смены!
И палили во всю мочь:
Пять патронов за всю ночь!

VII

Левой! Правой! Левой! Правой!
Был наш Ваня под Варшавой,
Был под Краковом и был...
Где, уж я и позабыл.
Очутившися за Львовом,
На Карпаты лез... Ну, словом,
Выбивался из сил,
Много мест исколесил.
За две раны храбрый воин
Двух крестов был удостоен.
Чуть оправившись от ран,
Снова в полк рвался Иван.
Много раз он стыл на стуже,
Пух от голоду, но хуже
Парень горя не знавал,
Как в Карпатах зимовал.
Ох, Карпаты, вы, Карпаты,
Будут помнить вас солдаты!
Не забудут никогда,
Где настигла их беда, —
Как пришлося им с врагами
Биться голыми руками,
Как по чьей-то злой вине
Войско гибло в западне!

VIII

Начиная повесть нашу,
Помянул уж я про Машу,
Как, предчувствий злых полна,
Над дружком своим она
Убивалась пред разлукой.
Стала жизнь сплошною мукой
Для Машутки с той поры,
Как рыданьями дворы
Огласилися и хаты,
Как велн парней в солдаты
И как шел с тоской в груди
Друг Ванюша впереди.
Ей допреж того не в сладость,
И не в сладость, и не в радость,
Жизнь убогая была
Без родимого угла:
Маша с детства в горькой доле,
Что былинка в диком поле,
Средь чужих людей росла,
Службу черную несла.
Над несчастною сироткой,
Безобидною и кроткой,
Измывался, кто хотел:
Сироты таков удел.

IX

Но нежданно бедной Маше
Дни пришли — не надо краше,
Ей вздохнулося вольней.
Не забыть ей этих дней,
Промелькнувших светлой сказкой,
Дней, когда с любовью, с лаской
Подошел Ванюша к ней.
Не забыть ей этих дней!
Ах, недолго счастье длилось!
Горе страшное свалилось:
Распроклятая война.
Вновь осталась одна,

Не вдова и не молодка, —
Горемычная сиротка.
Счастье было. Счастья нет.
«Ваня, где ты? Дай ответ!»
Но прошло четыре лета,
Все от Вани нет привета.
Маша день и ночь скорбит:
«Иль я плену, или убит!»

X

Время шло, не шло — хромало.
Натерпелася немало
В эти годы сирота.
Воевала беднота,
Гибла я битвах, как солома,
Разорялась крепко дома:
Шло хозяйство все вразброд, —
С каждым днем нищал народ.
Но проклятым лиходеям,
Мироедам-богатеям
Каждый лишний день войны
Был находкой для мошны.
Богачи народ прижали,
Как в клещах его держали
И сгибали в три дуги:
«С нами спорить не моги!»
Как с войной пошла вся каша,
У попа служила Маша.
За несчастные гроши
Как прикажут, так пляши.

XI

Маша день-деньской в работе.
Попадья сидит в капоте,
Объедается, скулит
Да работницу пилит:
«Что ты мечешься, кобыла?
За детьми убрать забыла,
Не докончено шитье,
Время браться за мытье,

Опоздаешь вновь с обедом.
За тобой ходи все следом.
Подоила ль ты коров?
Наколола ли ты дров?
Аль самой полоть мне грядки?
Вот они — пошли порядки:
Плату любишь, жрешь как — во!
А работать не тово!»

XII

Поп иные любит шутки:
Трется около Машутки,
Вслед за нею со смешком
Скачет бата петушком,
Строит масленые глазки
Да рассказывает сказки,
Пакость всякую несет,
Бороденкою трясет...
Маша бате не сдавалась,
Вырывалась, отбивалась.
Незадачливый отец
Обозлился под конец,
Объявил расчет до срока:
«Нет с тебя, я вижу, прока.
Тож, подумаешь, кияжна!
Ты мне больше не нужна!»

XIII

Пров Кузьмич — хозяин новый —
Был мужик весьма суровый.
Но с Машуткой хмурый Пров
Тож не слишком был суров.
У него своя припевка:
«Фу ты, дьявол!..
Козырь-девка!
За красу твою... тово...
Мне не жалко ничево...
Нынче все торгуют честью».
Пров не силой брал, так лестью.

Хлопал Машу по плечу:
«Я тебя озолочу!»
Так пришлося Маше снова
Бросить службу и у Прова.

XIV

Стойте, братцы.
Долог путь.
Дайте малость отдохнуть.
Чай, никто не мчит вдогонку?
На часок свернем в сторонку
И оглянемся назад:
Далеко ли Петроград?
Петербургом был он ране.
В черной копоти, в тумане,
Возлежал среди болот
Мощи царственной оплот,
Всероссийский обирала.
Здесь томилась, вымирала,
Набивая чердаки,
Голь людская,
бедняки.
Здесь, в подвалах
темных, душных,
Для малюток золотушных
Из-за копоти и туч
Не сверкал весенний луч.
Здесь, под сводами заводов,
Средь громадных дымоходов,
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской голытьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила, —
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал вздыматься бурный вал:
Люд рабочий
бунтовал.

XV

Добрый царь в досаде лютой
Зашушукался с Малютой,
Самым главным палачом:
Порешать, мол, им на чем,
Как им быть с фабричным людом?
Не окончился бы худом
Бунт проклятой голытьбы, —
Мол, от уличной борьбы,
От всеобщего шатанья
До открытого восстанья
Остается только шаг.
С каждым днем наглеет враг.
Пред опасностью подобной
И царю в шайке злобной
Всех приспешников его
Не осталось ничего,
Как — все это уж заране
Палачи держали в плане,
Животы свои храня, —
Чтоб спастися от огня,
Прыгать в полымя. Миколку
Сбить нетрудно было с толку:
Отродясь уж он таков —
Был на редкость бестолков.
Дуралей поверил сдуру,
Что свою спасет он шкуру,
Застрахуется вполне,
Отыгравшись на войне.

XVI

Вот война пошла откуда.
Для трудящегося люда
Жизнь настала — частый ад.
Застонал и стар и млад.
С фабрик, с каждого завода
Обобрали тьму народа, —
Торопились поскорей
Изничтожить бунтарей,

Гнали их в огонь, под пули,
Туго петлю натянули
И не ждали, гады, дней,
Как забьются сами в ней.
Больше года шли сраженья.
Где добыть нам снаряженья?
Немец лез на нас да лез,
А у нас всего в обрез.

XVII

Втапоры — не без причины —
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны,
Со штанами — мысли тоже.
Драл царя мороз по коже,
Затрещал пустой чердак:
«Заварил я кавардак».
Шло кругом столпотворенье,
Царь не прочь на замиренье,
Но, ожегшись на войне,
Мира трусил он вдвойне:
«Мир позорный, без победы,
Принесет такие беды,
Что мне вряд ли сдобровать.
Нет, уж лучше воевать».

XVIII

Богачи тому и рады:
Вновь посыпались подряды.
Повалил доход сплошной, —
Знай потряхивай мошной.
Порох, пушки да винтовки,
Интендантству заготовки...
Расторопные тузы,
Русь «спасая» от грозы,
Собирались в комитеты
Да прикидывали сметы.
Сметы очень хорош:
Всё сплошные барыши.

Наживаться — не новинка,
Но случилась тут заминка:
Все, кажись, идет под стать,
Да рабочих не достать;
С фронта брать чертей обратно
Тож не очень-то приятно:
«Очень вредный элемент»,
Замутят народ в момент,
Перепакостят все стадо.
Хоть опять же думать надо:
Из ребяток боевых
Половины нет в живых.

XIX

Так и сяк тузы гадали,
В комитетах заседали,
Порешили все на том, —
Брать на фабрики гуртом,
Без особого разбору:
До разбору ль в эту пору?
Девок, баб и детвору,
Все, мол, будет ко двору.
Невелик, мол, курс науки.
Где ж нужны мужские руки,
Знанье, опыт, верный глаз,
Где военный есть заказ, —
Там придется поневоле
Уж не брать рабочих боле
В пополнение полков
От вагранок и станков,
А держать их «на учете»,
Не ахти в каком почете:
Стал рабочий призывной
Настоящий крепостной, —
Больше дела, меньше платы,
Забунтуй — сошлют в солдаты.

XX

Слух дошел до деревень:
Дескать, всем, кому не лень,

На заводах есть работа.
У кого к тому ж охота
Подкопить себе деньжат, —
Под рукой они лежат.
Плвта — во! Н харч отличный.
Обрвднишься в шелк столичный,
Сразу в бвре попадешь.
В ресторацию зайдешь —
Пей чаишко под шарманку.
Кто польстился на приманку, —
Многих горькая нужда
Потянула в города,
В том числе Машутку нашу,
Там испить лихую чашу.
Снарвдившись к покрову,
Маша двинулась в Москву.
Здесь, на фабрике на ткацкой,
После жизни злой батрацкой,
Как-никак, но с первых дней
Ей вздохнулося вольней.

XXI

Жизнь фабричная — не шутка.
Осмотрелася Машутка:
Шум-содом стоит вокруг,
Новых тысвча подруг.
На миру, квк говорится,
Смерть красна и труд спорнтся.
Одинокая душа,
Общей радостью дыша
И деля со всеми горе,
Растворилась каплей в море.
Капли! Жизнью их полна,
Понесет их всех волна
К берегам, нам всем известным,
К цели — подвигам совместным!

XXII

А в деревне той порой
Шел у Прова пир горой.

Пров прощался с сыновьями,
Целовался с зятевьями,
Самогонку чашкой дул:
«Кузька, пей!.. Ну, что, Федул?
Вы б ценили, эфиопы,
Что везу вас... не в окопы!
Вот он, промысл-то отцов:
Берегу вас, подлецов.
Два зятька да три сыночка, —
Всем, гладишь ты, есть отсрочка,
Все попали «на учет».
Ваша кровь не потечет!
Кум Гордеич, молодчина,
Рассудительный купчина,
Как узнал мою беду,
«Я ее, грит, отведу:
Свой завод на днях открою,
Всех вояк твоих пристрою,
На себя ответ возьму.
Помню крестника, Кузьму, —
Препотешный был мальчишка.
Поезжай и жди письмишка».
Вот письмо: «Все на мази, —
Молодцов своих вези!»

XXIII

Пятерых своих героев
«На учет» в Москве пристроив,
Сразу понял Пров Кузьмич,
Что война — не божий бич,
А источник благодати:
Были б только деньги кстати,
Чтоб пускать их в оборот,
Все само полезет в рот.
Разоренные солдатки
Все последние достатки
Продают, несут в заклад.
Есть молодки — мармелад:
И лицом тебе, и станом!
Ходит Пров Кузьмич султаном.

Всем, кто сир и кто убог,
Мироед — и царь и бог!

XXIV

Втершись в земскую управу,
По заслугам и по праву,
У господ Кузьмич в чести.
Стал кулак дела вести:
На свой риск зерна закупит,
С интендантства втрое слупит,
С интендантами в тиши
Вместе делит барыши.
Пров нигде не даст промашки,
Муслит пальцами бумажки,
Счет им бережно ведет
Да в бумажничек кладет.
«Как делишки?»
«Расчудесно!»
Стало Прову дома тесно,
Опостылел старый двор,
Тянет Прова на простор.
В ход пустивши все уменье,
Стал соседнее именье
Приторговывать мужик.
А именье — просто шик!

XXV

За пять верст от деревушки,
Под горою у речушки
Приютился барский дом
С парком, садом и прудом.
Пашни, лес и луг поемный...
Пров Кузьмич, как туча, темный,
Едет мимо, весь дрожит:
«Вот он, клад, где мой лежит!..»
Клад все в руки не давался.
Пров на части разрывался,
Торговался — сам не свой —
С генеральскою вдовой.

Генеральша ничего бы:
К ней у Пров мало злобы,
Баба — что уж за делец! —
Управляющий — подлец.
Вот это дело все изгадил:
Как с ценой одно заладил,
Так не спустит ни гроша,
Распроклятая душа!

XXVI

За наборами — наборы.
Все хозяйство — без опоры.
Позабрали молодцов, —
Добрались до отцов.
Бабы сохнут от заботы,
От заботы, от работы.
Стало жить невмоготу,
Сжало горе бедноту.
Нужда скачет, нужда пляшет,
Там полоски не допашет,
Там полоски не дожнет,
Пред богатым спину гнет:
«Пров Кузьмич, займи десятку!»
«Пров Кузьмич, возьми лошадку!»
«Пров Кузьмич, продай зерна!»
Прова линия верна:
Даст взаймы, лошадку купит,
Меру-две зерна уступит,
Купит даром, а продаст...
Маху жох-мужик не даст!

XXVII

Всю опутавши округу,
Пров и недругу и другу —
Речь зайдет лишь про войну —
Тянет песенку одну:
«По еде — свинье отрыжка.
Немцу скоро будет крышка.
Погодите, дайте срок:
Уж получит он урок!»

Как завидит Пров солдата —
Федьку, Тришку иль Филата, —
Рот в улыбочку кривит,
Сам в сторонку норовит.
Федька смотрит мертвым глазом,
Тришка — весь отравлен газом,
А Филатка — без руки.
Прежде были батраки,
Ныче — летом и зимою —
Бродят с нищенской сумою.

XXVIII

Как-то Прова Кузьмича
Крепким словом сгоряча
Обложил у церкви Тришка:
«Так кому, ты баешь, крышка?
Сам ты, что ль, поступишь в строй,
Чтоб сквитаться с немчурой?
Аль сынков возьмешь с завода
Для военного похода?
Много ты добра принес,
Забрехался, старый пес!»
«Ты, брат, видно, помешался!» —
Пров ответить покушался,
Но, взглянувши на народ,
Вдруг воды набрал он в рот
И — айда домой вприпрыжку.
«Ладно! Вспомню я вам Тришку!
Распросукиных сынов,
Всех оставлю без штанов!»

Часть вторая

ПЕТРОГРАД

I

Чуден Питер, град-столица!
В нем живут какие лица:

Царь с царицею, чины.
Круглый год у них блины,
Что ни день — то шампанеа,
Что ни аечер — то звтея:
И театры и балы.
Ведь доходы не малы:
Протранжнрить нх умело —
Тоже, знаете ли, дело!
Как по улице Морской
Шум-движенье день-деньской,
Мчат моторы и кареты...
Пешеходы разодеты, —
Им мороз трескучий люб:
Не проймет он барскнх шуб,
Дорогих пуших салопов.
То ли дело средь окопов!
Тут морозцу путь ивскрозь,
Знай солдатнков морозь!

II

В ночь глухую после смены —
Печь, облупленные стены,
Так бы к ннм вот н прирос!
Проклинаа злой мороз,
Посинелые, как трупы,
Позабилнсь в халупы
Утомленные бойцы.
Отогрелись молодцы,
Подкрепились чем попало,
И как гора не бывало:
Выпив сахарный паек,
Налегают на чаек.
Кто апрнкуску, кто анакладку,
Кто-то, гляль, пошел вприсядку
Под охрипшую гармонь.
А в печи трещит огонь,
Всем разостлана солома,
Разместились, «словно дома»,
И, забыв о асем дневном,
Балагурят перед сном.

III

Вся изба до слез хохочет!
Распотешил Фролка Кочет
Всех побаскою смешной
«Про Луку с его женой,
Про измену бабы мужу,
И как вышло все наружу, —
Как Лука был плоховат:
Сам остался виноват!»
«Правда, братцы, очень колка,
Не серчайте! — хитрый Фролка
Подзадоривал солдат. —
Может, кто из вас женат.
Доложу серчать охочим:
Сам женат я, между прочим.
Да. Так случай был какой
С мужиком одним, с Лукой:
Помолившись утром богу,
Собрался мужик в дорогу.
«Все ль я взял? Прощай пока, —
Говорил жене Лука, —
Надо двигаться к соседу.
В город нынче с ним поеду.
Эк, пустила уж слезу!
Я гостинца привезу.
Завтра жди меня к обеду».
На прощанье муж с женой
Лобызнулись троекратно.
Только, глядь: Лука домой
Через час бежит обратно.
«Мавра! деньги позабыл».
Мавры дома след простыл.
«Знать, с тряпьем пошла на речку
Аль куда неподалечку!»
Но, услыша у дверей
Частый топот, поскорей
Наш хозяин шмыг за печку!
Двери хлоп. Вошла жена,
Да вошлв-то не одна:
Привела с собою кума,
Бакалейщика Наума.

«Эх, разлапушка, вдвоем
Славно ж ночку проведем!»
Кум к Мавруше скоком-скоком,
Мавра жмется боком-боком,
Обхватила, обвила...
Заварнлися дела!
«Стойте, черти! Стойте, гады!» —
Не стерпевши, из засады
Зверем ринулся Лука.
От лихого тумака
Кум, хрипя, свалился на пол.
«Стой!» — Лука Маврушу сцапал. —
Я ж те дам!» Но, словно уж,
Вьется баба: «Ай да муж!»
«Аль не муж!» — Лука опешил.
«Леший! Дьявол! Ну, хорош:
Женке веры ни на грош.
Неча молвить — разутешил!
Как не стыдно быть вралем?
В город нынче, дескать, еду,
Как не стыдно быть вралем?
«Завтра жди меня к обеду».
Сам за печку лег кулем.
Как не стыдно быть вралем?!»

Бабья совесть в три обхвата,
С бабой спорить — слову трата,
С бабой лаяться — беда!
Баба, братцы, никогда
И ни в чем не виновата!»

IV

«Постыдился бы ты, Фрол.
Сколько чуши напорол! —
Молвил тут солдат степенный,
Бородач — Корней Ячменный. —
Что смешно, так то смешно.
Зря ж болтать про баб грешно.
Есть, брат, всякие. Но чаще:
Горько нам, и им не слаще, —

В суете да в кутерьме,
С нами век в одном ярме.
И вопрос еще: чьей шее
То ярмо потяжелее.
Всех спроси — один ответ:
Без хозяйки дому нет.
Все — одна, за всех горюя...
Аль неправду говорю я?»
«Правда, брат!»
«Чего верней!»
«Славный ты мужик, Корней! —
Отвечали все тут хором. —
Только зря ты тож... с укором.
Нас за смех не обессудь.
Нам забыться б как-нибудь,
Затушить в груди тревогу...
Натерпелись, слава богу!
То в походе, то в огне,
В трижды проклятой войне.
Знаешь сам ведь, как горюем.
Хоть бы знать, за что воюем?
Аль цари да короли
Столковаться не могли
Без убийств и без пожарищ?»
«Эх, чудак же ты, товарищ! —
Рассмеялся с этих слов
Ротный слесарь, Клим Козлов
(До войны служил он вроде
На Путиловском заводе). —
Пусть бы путал кто другой,
Ну, а ты ведь, Фрол, с мозгой.
С повсесветного разбою,
Что ж, прибыток нам с тобою?
А не нам, так и война,
Стало быть, не нам нужна.
Вот башкой ты и распутай:
Кто ж повинен в бойне лютой?
Получил я два письма,
Примечательных весьма.
В этих письмах говорится,
Что́ там в Питере творится.

Молвить истину: содом!
Очутились под судом
От рабочих депутаты:
Очень, дескать, виноваты.
Что ж вменили им в вину?
Их призыв: долой войну!
На суде чуть не пытали.
Всех, конечно, закатали
В те погиблые места,
Где равнинушка чиста,
В снеговом весь год в уборе,
Ледовитое где море,
Где полгода — ночь и мгла.
Вот какие, брат, дела!»
Натянув шинель на плечи,
Ваня слушал эти речи,
А потом не спал всю ночь:
Не отгонишь мыслей прочь!
День пришел — и днем все то же.
Стал задумчивей и строже
Наш Ванюша. Заскучал.
Но — крепился и молчал.

V

Шли дела меж тем все хуже:
Петля стягивалась туже.
У врага — от пушек гром,
А у наших: за бугром
Батареи — для парада:
На пять пушек два снаряда.
Раз-другой, коль что, пальни,
Но уж больше — извини.
Где ж тут «доблестно» сражаться?
Впору б только удержаться.
Наши части под огнем
Убывали с каждым днем;
Отбивался штыками,
Гибли целыми полками,
Каждый час со всех сторон
Наносился им урон,
Не давала смерть пощады:

Днем косили их снаряды,
А среди ночной поры —
Ядовитые пары.
Гибло войско безответно.
Но кой-где уже заметно
Падать стал «военный дух»,
И уже роптали вслух.

Барабан

Какой-то барабан — хороший аль плохой,
Вам скажет кто-нибудь другой:
Аз, грешный, мало смыслю в коже
И в барабанном бое тоже.
Но суть не в этом. Барабан,
Замест того чтоб тлеть
средь всякой лишней рвани,
При сборах брошенный случайно
в шарабан,
С обозом полковым попал на поле брани.
И хоть обоз стоял, как водится, в тылу,
Но в боевом пылу
Наш барабан решил, что, в виде
исключенья,
Попал он на войну по воле провиденья, —
Что «сокрушит» аль «оглушит»,
Но некий подвиг он, конечно, совершит.
И вот, когда пехота,
За ротой рота,
Рассыпав осторожно строй,
В глубокой тишине шла в бой под кровом
ночи,
Забарабанил наш герой
Что было мочи!
Взметнулся бедный полк!..

. . . .

Нет, я умолк!
Про полк прочтете все вы в боевых
анналах, —
Про барабан — скажу, что, к нашему
стыду,

Его хрипящий бой в ту пору был в ходу...
Во всех газетах и журналах!!

VI

Были дни: возьмешь газету,
Дочитать терпенья нету.
Не узнать совсем писак:
Не перо у них — тесак.
Так и рубят, душегубы.
Затрубили во все трубы,
Барабанят что есть сил,
Словно шмель их укусил.
Вдруг на всякие манеры
Про высокие примеры
Дисциплины боевой, —
Поднимают лютый вой;
Накликая злые беды
Против тех, кто ждет победы
Не царевых воевод,
Не помещиков-господ,
А победы всенародной
Рати нищей и голодной
Над оравой палачей,
Злых властей и богачей.
И статьи тебе и оды
Про блестящие походы,
Про геройские дела,
Про двуглавого орла,
Про царьградский щит Олега:
Как, мол, русская телега
Через тысячи преград
Мчит прямехонько... в Царьград!
То-то будет шум в Европах!
  Ждут-пождут газет в окопах,
Как желаннейших гостей:
Нет ли, мол, каких вестей —
Хоть строки! — о мире скором.
Но газеты общим хором:
Тру-ру-ру да тра-ра-ра!
Что ни слово, то — «ура!».

«Что строчат, лихие гады!»
«Ну, чему они так рады?»
«Мало радости, как жизнь:
Ведь дела — хоть в гроб ложись».
«Аль они там все ослепли?»
Средь окопок слухи крепли,
Что газеты — не таё:
Подрядились на вранье!
Может, Правда где и бродит,
Да к окопам не доходит,
В письмах тож ей не пройти:
Гибнут письма на пути
От цензуры постоянной, —
Чтоб ей лопнуть, окаянной! —
Шло меж тем из уст в уста,
Что, мол, штука не чиста, —
Прибежал кой-кто из плена,
Говорят: у нас — измена!

VII

В деревушке поутру
Было дело на смотру.
Брови сдвинувши сурово,
Командир сказал: «Здорово!»
Гаркнул полк по всей статье:
«Здра...жла...ва...ско...бро...ди...е!!»
«Молодцы! Видать, что хваты!
Почему ж у нас, солдаты,
Что ни ступим, то беда?
Знайте все: из-за жида!
Подлый жид-христопродавец
С немцем снюхался, мерзавец!
Жид — потомственный шпион.
Мой приказ — для вас закон:
Для жида и для жидовки
Не жалели чтоб веревки;
Нет веревки — не урон:
Разряди тогда патрон!»
Ох, не скрыть! «Наука» эта
Много душ свела со света,

Злой росток дало зерно:
Много рук обагрено
Чистой кровью жертв невинных!
Не исчислить списков длинных,
Списков горестных имен
Всех, кто зверски был казнен.
Скоро поняли солдаты:
Не «жиды» тут виноваты!
Что «жиды» — один отвод,
Чтобы с толку сбить народ.
Что измена — где-то выше,
Что огонь — на самой крыше,
И давно разнюхать след:
В чем же корень наших бед?

VIII

Все в стихах выходит гладко,
А на деле — ой, не сладко!
Не пирог был ни меду! —
Жизнь к пятнадцатом году.
Но к чему — скажу я честно —
Повторять, что всем известно:
Быль худую повторять,
Злые раны ковырять?
Не вернуть Карпат нам снова,
Не видать им больше Львова.
Что к чужое взор вперять?
Своего б не растерять.
А потеряно немало.
Наше войско отступало
Из залитых кровью мест.
Сдали Люблин, Холм и Брест, —
Уничтожив переправы,
Отошли из-под Варшавы;
Потеряли Осовец;
Сдали Ковно под конец.
Фронт прорвавши нам под Вильно,
Потрепал нас немец сильно,
Выбивал нас, как мышей,
Из болот и из траншей, —

Исаалеченных, недужных,
Тощих, рваных, безоружных,
Виноватых без вины,
Гнал до самой до Двины.
От дальнейшего отхода
Нас спасла лишь непогода,
Дождь осенний проливной.
Вот каа шли дела с войной!

IX

Всюду — слухи, всюду — толки,
Как у нашего Миколки,
Православного царя,
Мозгу, правду говоря...
Нету мозгу, есть замашки —
Больше все насчет рюмашки.
Царь допреж того гулял,
Дядя ж фронтом управлял.
До Двины ж когда доправил,
Царь от дел его отставил
И — ликуй Расея вся! —
Фронтом править сам взялся
(Кой-кого пред тем повесил).
В ставае царь и пьян и весел,
А царица той порой
Занялась другой игрой:
Хоть в мешае не спрятать шила,
Но досель она грешила,
Как-никак — исподтишка,
Заведя себе дружка.
Про Распутина про Гришку
Написал уж кто-то книжку,
Раскопал всю грязь до дна, —
Срамота, скажу, одна.
Царь, доверившись супруге,
Сам души не чаял в «друге».
Был царев о Гришке суд:
Гришаа — божий-де сосуд!
А когда, себе на горе,
Царь в воинственном задоре,

Дома бросивши жену,
Снарядился на войну,
Гришка с царскою женою
Грозно правил всей страною.
  У Гришухи круглый год
Мироносиц хоровод,
Раздушенных, оголенных,
Блудной страстью воспаленных.
Стая целая графинь,
Дам придворных да княгинь
За «божественным сосудом»
Бродит всюду, как за чудом,
Ждет божественных утех,
А царица — пуще всех!

X

Государственная дума
Коротала век без шума,
Зашумела лишь тогда,
Как надвинулась беда.
Дума выла-голосила,
Царя-батюшку просила:
«Государь ты наш, отец,
Пожалей нас наконец!
Нам немногого и надо:
Собери лишь наше стадо
(То бишь думских главарей!)
На совет большой скорей
Пред разрухой, нам грозящей.
Для твоей для славы вящей
Напряжем охотно мы
Наши мудрые умы:
Пусть стране родной привычно
Горе мыкать горемычно, —
Ей лихую тяготу
Больше несть невмоготу.
Объяви своим указом,
Что твоим мы будем глазом,
Что пред нами на правёж
Ты поставишь всех вельмож.

В огражденье от напастн
Нам не нужно вовсе власти,
Весь наш лозунг и пароль:
Лишь контроль! Один контроль!»
Царь — к жене. Жена — за Гришку.
Гришка — Штюрмера[1] под мышку.
«Вот шта, милай: так и так.
Сам смекаешь: не дурак!»

Бюрократ
Говорит:
«Оч-чень рад!
Говорит,
Дума... что ж!..
Говорит,
Отчего ж!..
Говорит,
Нам она,
Говорит,
Не страшна,
Говорит,
На нее,
Говорит,
Мы... таё...
Говорит,
Есть клещи,
Говорит,
Не взыщи,
Говорит,
Тишь да гладь?
Говорит,
Будем ждать!
Говорит,
Если ж буит,
Говорит,
Мы в секунт,
Говорит,

---

[1] Б. В. Штюрмер в 1916 г. был председателем Совета министров.

Теремок,
Говорит,
На замок!
Говорит,
Не впервой,
Говорит,
Будет вой?
Говорит,
Ну, так что-с?
Говорит,
Все равно-с!» —
Говорит.

XI

Штюрмер Думу полонил,
Штюрмер Думу опьянил
Нежно-сладкими словами:
«Мы да вы! Да мы-ста с вами!»
Врал, оскаливши зубок,
Что лиса на колобок.

«Колобок» [1]

Помнил колобок иную пору,
Когда шли дела его в гору,
Когда был он буйным да веселым,
Когда по городам и селам
Только про колобок и было разговору:
Уж и такой-то он и такой,
Что не взять его голой рукой,
Не погнать на чужих вожжах:
Не на таких колобок заквашен дрожжах,
Не на таком, дескать, заквашен тесте!
Да не удержался колобок
на прежнем месте —

[1] Здесь: «Колобок» — Государственная дума.

Сорвался вниз, покатился,
Невесть где очутился:
В луже — не в луже,
Может, где и похуже.
А колобку и такое место любо!
«Авось тут никто не пихнет меня грубо,
Укреплюсь в этом месте я прочно!»
Ан глядь, как нарочно,
Валит на колобок персона
Деликатного фасона:
«Здравствуй, — говорит, — колобок!
Здравствуй, голубок!
Да какой же ты хорошенькой!
Да какой же ты пригоженькой!
Пригожей тебя и нв свете нет!»
Колобок на то персоне в ответ:
«Я по селам скребен,
По городам метен,
На циркулярах мешан
Дв нв разъяснениях пряжен,
А в Питере стужен.
Я от Столыпина ушел,
Я от Коковцева ушел,
Я от Горемыкина ушел
Без особого членовредительства,
А от вашего высокопревосходительства
Уйду цел и подавно!»
«И до чего ж поешь ты,
колобок, славно! —
Сказало его высокопревосходительство. —
Возьму я тебя под свое покровительство!
Лежи только тихо да чинно,
Не кипятись беспричинно,
Не путайся зря под ногами.
С чего нам тогда быть врагами?»
Пришел колобок в восхищенье:
«Вот это, — говорит, — обращенье!
Такую речь приятно и слушать:
Не то чтоб сразу — схватить и скушать.
Вот это — другой режим.
Мы... полежим!
Рады стараться.

ваше высокопревосходительство!..
Как вы есть настоящее правительство!..»
   И лежал колобок в саду Таврическом,
Весь блестел при свете электрическом:
Чистенький, беленький —
                                    под снежной порошей, —
Только дух от него был
                                    не больно хороший!

XII

   Старый год, такой-сякой,
Отбыл в вечность на покой,
И ему, седому хрену,
Новый год пришел на смену.
— Год шестнадцатый идет,
Мир с собой ужо ведет! —
Но весна прошла и лето —
Мира нет, заспался где-то,
То ли чахнет взаперти.
Тут мозгами поверти!
   На Руси пошла работа:
Гнали всех в четыре пота,
Все станки пустили в ход.
Надрывается народ,
Точит пушки да снаряды.
Богачи берут подряды
И довольны тем вполне,
Что конца все нет войне!

XIII

Хорошо стоять в резерве
Не на пакостном консерве,
А на каше да на щах
И иных таких вещах, —
Смывши с вошью всю чесотку,
Заглядеться на красотку,
А при случае... того...
Ну, да мало ли чево!

Не для всякого, конечно.
Вот наш Ваня: хмурен вечно,
Ничему, видать, не рад,
Отвечает невпопад,
Из него не выжать слова, ·
Больше держится Козлова,
Все шушукается с ним.
Да мудрен, сказать, и Клим.
Переписку с кем-то водит,
Как-то все к нему доходит,
Через руки, что ль, бог весть,
Все следы сумел заместь.
Сам замазал рот замазкой,
Скажет слово, так с опаской:
«На чужой, — ворчит, — роток
Не накинешь-де платок:
Разболтает всякой чуши,
У начальства ж тоже уши.
Так ли можно угодить!
За примером не ходить».
А примеров было много,
Слежка впрямь велася строго,
Хоть не редкий следопыт
Оставался без копыт.
От солдат такие гады
Не могли уж ждать пощады!
Кто просыпался — пропал:
На тот свет в один завал!

XIV

Бабка старая ворчлива.
Осень поздняя дождлива.
От утра и до утра
Хлещет, словно из ведра.
Черт ли рад такой погоде,
Да особенно в походе!
  Ванин взвод ночной порой
Занимал окоп сырой.
Враг палил без промежутка.
Ночь прошла довольно жутко, —

Лишь от сердца отлегло,
Как немного рассвело.
«Ой, ребята, чья работа?»
«Где?» — «Листы подкинул кто-то!»
Поразинули все рты:
«Впрямь, подметные листы!»
«Ловко как!» — «Чего уж чище!»
«Прячь скорей за голенище!»
«Слышь, про что там?» —
«Про царей».
«Хоть бы смена поскорей!»

XV

Вечер выдался хороший.
Поле выстлало порошей,
И под первым холодком
Затянуло грязь ледком.
Друг за дружкою, с оглядкой,
Целый взвод, никак, украдкой
Пробрался в пустой сарай.
«Фролка, черт, не напирай!»
«Экий, братцы, нам подарок!»
«У кого-то был огарок!»
На́ вот, целая свеча».
«Ну, Козлов, руби сплеча!»
Клим, склонившись над листовкой,
Тихо, внятно, с расстановкой
Стал читать о том, каков
Смысл войны для мужиков,
Льющих кровь свою в угоду
Тем, кто злейший враг народу;
Что «командующий класс» —
Все помещики у нас
И что царь наш православный
Есть помещик самый главный,
Потому не мудрено,
Что он с ними заодно:
За порубку аль потраву
Шлет войска чинить расправу;
Кто там что ни говори,
Все помещики — цари,

Кто — поменьше, кто — поболе.
Сельский люд в их полной воле.
Размешав муку водой,
Приправляет лебедой,
Терпит голод, холод, муки,
Для господ мозолит руки,
Век работает на них,
На грабителей своих,
Жнет их хлеб и возит клади;
Барышей их подлых ради —
В стуже, в сырости, в огне —
Погибает на войне!..

XVI

Полковому командиру —
Вызов срочный в штаб-квартиру.
В это утро полковой
Был с похмельной головой.
«Эх, ты, — муслил он бумагу, —
Не влететь бы в передрягу!»
И влетел. Чуть сунул нос,
Как нарвался на разнос
И обруган был площадно.
«Покараю всех нещадно,
Как доселе н' карал! —
Выл свирепо генерал. —
Полюбуйтесь: мертвый ахнет!
Чем такая штука пахнет?
Что сулит она для нас?»
«Про... кла... мации!» — «Она-с!
И заплачем и запляшем!»
«В чьем полку?» —
«Представьте... в вашем!»
«Виноват!.. Какой позор!»
«За солдатом плох надзор!
В первый раз вам и в последний,
Чтоб солдат от гнусных бредней
Вы изволили беречь!
А чтоб их предостеречь,
То бишь зло чтоб вырвать с корнем,
Грамотеев пару вздернем!»

XVII

«Ну, пришел и мой черед,
Знал в это наперед! —
Говорил Козлов Ивану. —
Петли ждать я тож не стану:
Волка ноги берегут.
Псы уж по следу бегут.
Следопыты всюду рыщут.
Пусть их ветра в поле ищут.
А поймают —
не печаль.
Вас, ребятушки, мне жаль.
Способ есть один, милаги,
Выйти вам из передряги.
Через три-четыре дня
Всё валите на меня:
Дескать, я листки, паскуда,
Раздобыл невесть откуда;
Что читал, вам невдомек,
А теперь, мол, взял — утек!»

XVIII

Скоро все прочли в приказе
О проникшей в полк заразе, —
Что добыл подметный лист
Клим Козлов, социалист,
Что под суд он отдается
И что следствие ведется
Обо всех его шагах,
Но преступник сам — в бегах.
Где он — точно неизвестно,
Будет розыск повсеместно.
И двио на сей предмет
«Описание примет».
Расписали всё чин чином:
Нос — прямой,
бородка — клином,
Росту — среднего, брюнет,
А примет особых нет.

XIX

Грустно Ване без Козлова.
Повидать бы Клима снова
Так хотелося ему!
Поспрошать бы: что к чему?
Есть такое средство, нет ли,
Чтоб спасти от мертвой петли
Всю родимую страну?
Как избыть скорей войну?
Где засели злые воры,
Что чинят нам всё заторы?
И нельзя ль, как сор метлой,
Всех повымести долой, —
Всех, кто кровью нашей гладок,
Кто лихой ведет порядок, —
Нечисть подлую смести
Да порядок свой ввести,
Трудовой, простонародный,
Чтоб вздохнул народ свободный
И — без палки над собой —
Правил сам своей судьбой.

XX

Не знавал Ванюша страху:
Хоть под пытку, хоть на плаху,
К черту в лапы — все равно!
Ване дорого одно,
Одному лишь сердце радо:
Знать, за что схватиться надо,
Где все силы приложить,
Чтоб народу послужить,
Потрудиться с добрым жаром, —
Коль погибнуть, так недаром!
Но не раз от злой тоски
Он сжимал себе виски:
«Без науки что я стою
С деревенской темнотою?
Эх, дорваться бы до книг!
Все бы я тогда постиг:

Что откуда происходит,
Кто и что всем верховодит,
Почему для бедноты
Все дороги заперты?
Почему — один царюет,
А мильон кругом горюет,
И не время ль голытьбе
Уж подумать о себе?»

XXI

Сразу ахнуло, рвануло,
Весь окоп перевернуло.
Все бойцы погребены.
Страшный вид... со стороны.
Смерть бойцам сказала: «Вольно!»
Им не страшно и не больно,
Тьма — не тьма и свет — не свет,
Кто убит, того уж нет, —
Нет и ровно не бывало.
Человек так стоит мало!
Три убито, новых пять
Место их спешат занять.
Через день, купив газетку,
Будут все читать заметку:
Где и сколько взято в плен,
Что «у нас без перемен».

XXII

«Фрол, скорей за санитаром!»
«Всех убило... Звать задаром...»
«Фрол, послушай, приложись...
Ваня жив еще, кажись».
«Дышит! дышит, право слово!»
Под обстрелом, чуть живого,
Фрол Ванюшу вынес в тыл,
Там повозку раздобыл,
Подложил в нее соломки
И, хоть ночь была — потемки,
В путь отправился. Чуть свет
Прибыл с Ваней в лазарет.

«Дело очень серьезно! —
Пред сестрой дежурной слезно
Фрол взмолился: — Паренек
Как бы кровью не истек.
Перевязку, ради бога...»
«Ты, — сестра сказала строго, —
Тут, милейший, не кричи.
Рано. Спят еще врачи».
«Что ж, я парня так покину? —
Фрол, забывши дисциплину,
Матом взвыл: — Вы тут для ча?
Подавайте мне врача!
Мы в бою не разбираем:
Днем ли, ночью ль помираем!
Помираем... за кого?!»
Фрол добился своего:
Ваня был врачу показан,
Весь обмыт и перевязан.
И хоть Фрола врач потом
Обозвал в сердцах скотом,
Фрол не тем был растревожен:
«Ваня как? Не безнадежен?»
«Нет, — утешила сестра, —
Можно жить и без ребра».

XXIII

Здесь в тылу — но не в глубоком,
И у фронта все ж под боком,
Разместился лазарет.
Что за жизнь в нем — не секрет.
Где-то там людей увечат,
Здесь их свозят, но не лечат,
А, подправив как-нибудь,
Отправляют в дальний путь —
На вокзал или в могилу,
Что солдатику под силу:
Жив — положат на арбу,
Помер — вынесут в гробу.
Будет в книгах лишний номер
Да отметка: «выбыл», «помер»...

Вот и все! — к чему хула? —
Тут у всех свои дела:
Доктора торгуют спиртом.
Сестры спят и бредят флиртом,
Господа офицера
(Флирт — коварная игра!)
Лечат раны злого свойства:
Плод амурного геройства.
Что поделаешь! Амур —
Все же милый бедокур:
В царстве злобы, скорби, плача
У него своя задача.
Смерть чинит нам сколько бед!
Но Амур за нею вслед,
Обрядясь в свои доспехи,
Быстро штопает прорехи!

XXIV

Чрез неделю поутру
Ваня стал молить сестру:
«Увозить нас будут скоро...
Я слыхал из разговора...
Доктор тут сказал вчера...
Будь, сестрица, так добра...
Путевых там сколько литер?..
Мне б хотелось очень... в Питер».
«Питер», «Питер»! — ночью, днем
Бредил Ваня лишь о нем.
Меньше думал он о ране.
Объявили скоро Ване:
Будет так, как он просил.
Питер Ваню воскресил.

XXV

Питер — город, вправду, чуден,
И богат и многолюден.
От заставы до дворца
Красоты в нем без конца.

Хоть, положим, в каждой части
Красота различной масти:
Тут — дворец, а там — завод,
Тут — цари, а там — народ.
Красоту толкуют всяко.
Мне милей всего, однако,
«Трудовая сторона»,
Чтится «Выборгской» она:
«Большевистская столица»!
У Невы тут есть больница.
Вместе с Ваней сам я в ней
Пролежал немало дней.
Я был начисто уволен,
Ваня ж был иным доволен:
В Петербурге вписан он
Был в запасный батальон, —
У волынцев нес работу:
Ладил маршевую роту,
Без ругни и толкачей
Обучал бородачей.

XXVI

Православная царица
На народ на свой ярится
И, начхав ему в лицо,
Пишет немцам письмецо:
«На Руси я все устрою
По берлинскому покрою,
Англичанин да француз
Русский выкусят арбуз.
Англичане сильно гадят:
Конституцию нам ладят,
А французы — бунтари,
Леший всех их побери.
Ни английских конституций,
Ни французских революций
Нам не хочется с царем:
Самодержцами умрем.
Чтоб сберечь свое наследство,
Мы одно лишь видим средство:

Под Вильгельмовой рукой
Обрести себе покой,
Помириться с ним, в надежде,
Что поможет нам, как прежде,
Подтянуть российских шельм
Унзер гроссе фрёйнд Вильгельм».
Подписалася: *Алиса*.
Приоткрылась ли кулиса,
То ли трещину дала, —
Тайна царская всплыла.
Разговор пошел повсюду:
Что́ цари готовят люду,
На какой идут прием,
Чтобы слопать нас живьем!

XXVII

«Поздравляю! Вы слыхали?»
«Что?» — «Она сама жива ли!»
«Кто?» — «Да, вправду, вы... того...
Не слыхали ничего?
Уж трезвонит вся столица:
Овдовела ведь царица!
Гришка-то, пассаж какой:
Со святыми упокой!»
«Почему ж молчат газеты?»
«А намордничкй-с надеты!»

По столице слухи шли.
А чрез день уже могли
Все прочесть в любой газете
«О скандале в высшем свете»:
Как с Распутиным друзья,
Высочайшие князья,
Учинили злую шутку:
Заманив к себе Гришутку,
С ним пропьянствовали ночь,
А затем «убрали прочь», —
Заведя с ним спор и драку,
«Пристрелили, как собаку».

XXVIII

У князей на мужика
Подиялась легко рука.
Гришка — плут и проходимец,
Знатной сволочи любимец,
Но ему, признаться, я —
Снисходительный судья.
Все же сделал он работу:
Снял с царей всю позолоту,
Растоптал их образа,
Заплевал им все глаза!
И князья, чиня расправу,
За свою стояли славу,
Отгоняли злую тень.
Поздно! — Близок был уж день,
День, когда народ проснется,
Ужаснется, встрепенется
И, налегши силой всей,
Расчехвостит всех князей!

Часть третья

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

«Ах вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои!
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие».

Отчего — и не понять! —
Трудно денежки менять?
Всё бумажки да бумажки,
Ни одной нигде медяшки,
А серебряных монет
Уж давно в помине нет.
Золотые тож исчезли, —
В чей-то, знать, карман полезли.
Люд простой не знает — в чей,
Знает царский казначей.

II

Царь снаряды льет да пушки,
Обирает деревушки,
Тащит все из черных хат,
Да не трогает палат.
Богачи — опора трона,
Ими держится корона,
И готовятся кнуты
Для голодной бедноты.
Богачам одна забота:
Выгнать с бедных больше пота.
И война им не страшна —
Пухла б только их мошна.

III

Царь печатает плакаты,
Что дела, мол, плоховаты,
Обнищала-де казна,
Сила ж вражья все грозна.
Так без помощи народа
С ней не справиться в три года,
И повинен-де народ
Дать деньжаток на расход.
Пусть поможет, кто чем может.
Люд несчастный кости гложет,
Но, поддавшись на обман,
Лезет горестно в карман.

IV

Помогли царю поборы,
У царя снарядов горы,
А в строю, само собой,
Тьма народу... на убой.
«Ну, теперь нас, немцы, троньте!»
Укрепились мы на фронте, —
(Словно турок на колу!)
Глядь: расхлябались в тылу.

V

В деревне

У Прокофьевны в избушке
Дух — пробить не впору пушке,
А народ все прет да прет.
Любопытство всех берет, —
Слух прошел, вишь, в околотке:
Зять приехал в гости к тетке.
Васька — парень с головой,
Он в трактире — половой.
А трактирчик-то столичный,
Ходит люд туда различный;
Тот словечко, этот пять,
Всех послушать — все узнать,
Станешь умным без науки.
Ваське, стало, карты в руки.
Окружил его народ,
Смотрит Ваське жадно в рот.
«Что, брат, деется на свете?»
«Кто грешит и кто в ответе?»
«Скоро ль кончится война?»
«Все выкладывай сполна!»
Обтерев о скатерть ложку,
Закрутивши козью ножку
И спросивши прикурить,
Стал Васюха говорить:
«Есть чем, братцы, похвалиться,
Есть чем с вами поделиться.
Как припомню, словно сон.
Был на днях я средь персон,
Милость чья нам столь потребна:
После царского молебна
Сам святой митрополит
Речь сказал, как бог велит, —
Про врагов и супостатов,
Про зловредных демократов,
То бишь всяких бунтарей
Против бога и царей.
Несть бо власти, аще... аще...
За царя молитесь чаще!

После, выйдя на амвон
И отвесив всем поклон,
Стал держать министр судейский
Речь про замысел злодейский:
Вновь-де стал крамольный сброд
Трудовой смущать народ,
Соблазнять иною долей,
Подстрекать землей и волей...»
«Ты скажи нам... о себе! —
Поднялся тут шум в избе. —
От земли ты, что ж, отрекся?!»
Тут Васюха сразу спекся,
Поперхнулся и умолк,
Озираючись, как волк.
Видит: сват глядит не сватом,
Теща прет к нему с ухватом:
«Ну-тка, скажь нам, мил зятек,
Что про землю ты ответил?!»
Васька живо дело сметил:
В двери шмыг — и наутек!
Через рытвины, ухабы
Улепетывал от бабы
Наш Васюха во весь дух,
Приговаривая вслух:
«Ой, вы, ноги, мои ноги,
Не споткнитесь средь дороги,
Замети, метель, следы,
Чтоб уйти мне от беды!»

Вася в питерской харчевне
Всем трезвонил о деревне:
«Ох, уж эти мужики!
Ох, и что за чудаки!
В гости звали, принимали,
Прижимали-обнимали,
Все бока мне обломали,
Угощали так, что вот
По сей день болит живот.
Как поедете, ребятки,
Вы к родне своей на святки,
Дай вам бог, чтоб вас родня
Так встречала... как меня!»

Разоренные

Воробушек воробушку:
«Чирик, чирик, чирик!»
Один был первогодочек,
Другой уже старик.
Сел старый, пригорюнившись,
Все перышки сложив,
А малый расфуфырился:
«Жив-жив, жив-жив, жив-жив!»
«Жив? Много ль жить осталося?» —
Промолвил старина.
«Да как же! Бают, дедушка,
Вот кончится война!»
«Ох, кончится — не кончится,
А все разорено...
От холоду да голоду
Подохнем все равно».

VI

На столичном рынке

Бог знает что творится
Средь рыночной толпы:
«Снжу без дров, сестрица!»
«Ни фунтика крупы!»
«Заплачешь, хоть не плакса!»
«Грабиловка!» — «Обман!»
«Какая ж это такса?»
«Поход на наш карман!»
«Но кто ж того не знает,
Что таксу издает
Не тот, кто покупает,
А тот, кто продает!»
«Берн-ка чином выше».
«Гнетут со всех сторон!»
«Порядки!» — «Тише, тише!»
«Чего-й так?» — «Фараон!» [1]

---

[1] Насмешливое название полицейских.

«Эй, р-рас-хо-дись, ораа!»
«Роднмые! Берут!»
«Брысь! Не имеешь права!»
«В участке разберут!!»

Кочующие дармоеды

Басня

Бывают случаи — не выдумать нарочно.

На станции глухой,
А именно какой, не помню точно,
Две мухи встретнлись с блохой.
Ну, разговор пошел, понятно.
Знакомство новое в пути всегда прнятно.
«Положим, — скажут, — не всегда!»
Бывает разно. Спорить неча.
Но в этом случае была, однако, встреча
Как встреча.
Шел разговор простой:
откуда кто? куда?
Какие и про что идут ив свете слухи?
Как, мол, здоровье и дела?
Блоха, анишь ты,
в Москву скакала из села.
Обратно, из Москвы в село,
летели мухи.
«Ох, мушки, — плакалась блоха, —
Еще ли ваша жизнь
в Москве была плоха?
Пивали сладко вы и сытно там едали.
Что ж вы в деревне не видали?
Ведь я, поди, сама бегу не от добра.
Дни ныиче сытые в деревне стали редки.
Такая выдалась пора —
Чуть не подохла напоследки.
Авось поправлюсь я в Москве!»
«Подправишься, — вздохнули мухи, —
Держи карман! Да мы-то две,
Мы от чего бежим, скажн!.. От голодухи!»

Что город, что село —
Повсюду стало тяжело.
Не жаль мне мух и блох,
клопов и таракашек,
Беду их за беду большую я б не счел,
Но жалко мне рабочих пчел
И трудовых мурашек;
Их жребий особливо крут,
Когда у них последнее берут!

VII

Голод! — голод! — голод! — голод! —
Бил по трону тяжкий молот.
Трон шатался и трещал.
Шла война. Народ нищал.
Богатеи наживались,
Кровью нашей упивались;
Умножая свой доход,
Бедный грабили народ;
На пирах и на обедах
Сладко пели о победах, —
Чьих? Над кем? Секрет простой —
Богачей над беднотой!
Богачи — чужие, наши —
У одной разъелись каши.
Те ли, эта ль сторона —
Голытьба везде одна.
Но, разбив ее на части,
Богачи сидят у власти,
С голытьбой на борьбу
Посылают... голытьбу!

VIII

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели.
Затрещали-зазвенели

Телефоны у властей:
«Вызвать войско всех частей!»
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут ужо работу:
На чердак по пулемету.
В люд голодный — знай пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить, чтобы
Остальных загнать в трущобы.
Псы, старайтесь, вам на храп
Даст по сотенной сатрап —
Генерал лихой, Хабалов!

Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
«Мы — не ели!»

IX

У царицы сердце мрет,
В страхе злом она орет,
Протопопова торопит,
Пусть он бунт в крови потопит, —
Чтобы часу не терял
Да скорей усмирял.
Новый «друг» по залам бродит,
Бродит, места не находит,
Проклинает свой удел:
«Лучше б дома я сидел!»

X

Протопоповым-министром
Для царя в порядке быстром
В ставку послан был доклад,
Что в столице сущий ад;

Если царь прибудет лично,
Может, все пойдет отлично.
   Царь министру повелел,
Чтоб патронов не жалел,
Если ж очень нужно будет,
Царь в столицу сам прибудет —
Милость царскую явить,
Бунт голодный подавить.

По цареву по указу
Усмирять пустились сразу.
Не помог царев указ.
Сорвалось на этот раз!

XI

Ваня вышел с полувзводом
Воевать с родным народом.
Перед тем как выходить,
Велел ружья разрядить.
«Братцы милые, по людям
Все равно стрелять не будем!»

Вышел весь Волынский полк,
С усмиреньем тот же толк.
Роты улицами ходят,
Да порядку не наводят,
Повстречавши москвичей,
Столковались без речей.
«Мы, ребятки, не замаем...»
Был ответ им: «Понимаем!»

XII

Во дворцах переполох:
В войске дух заметно плох,
Усмирить народ — охоты
Нету вовсе у пехоты.
Войско мрачное стоит,
На душе свое таит.

Недовольный ратью пешей,
Царь приказ дает депешей:
«Пехотинцы — подлецы,
Пусть работают донцы!»

«А казак — собака, что ли?
Подлый враг народной доли
И царю слуга слепой?!»
Мирно встретившись с толпой,
Повернул казак лошадку,
Не навел казак порядку.
Едет — пикой шевелит.
Драться — совесть не велит!

Разобрали фараоны
Пулеметные патроны.
Фараонам был приказ:
«Вся надежда лишь на вас!»
Постарались живоглоты:
Затрещали пулеметы.
Царь наш добрым был отцом:
Накормил народ... свинцом!

XIII

Царь читает донесенье:
«Усмирили в воскресенье».
«Усмирили? Очень рад!
Живо поезд в Петроград!»
Ехал поезд, да не шибко.
Приключилася ошибка.
Царь в тревоге. Ночь. Темно.
«Питер?» — «Нет». — «А что же?» —
«Дно»

«Ехать дальше!» — «Нет нам хода.
Петроград в руках народа!»
«Двинуть фронт на эту тварь!»
«Фронт с народом, государь!»

XIV

Человек живет не вечно,
И помрем мы все, конечно.
Плут последний и герой —
Будем все в земле сырой.
Уничтожит трупы тленье,
Имена сотрет забвенье.
Марья, Дарья, Клим, Пахом —
Зарастем все лопухом!

Но не все забыто будет:
К новым подвигам возбудит,
У души простой не раз
Слезы вызовет из глаз,
Не одну разбудит совесть
О делах о наших повесть
И о днях... Но наши дни —
Не прошли еще они.
За желанную свободу,
Может быть, еще народу
Суждено лихой судьбой
Самый страшный вынесть бой.
Враг, лежавший на лопатке,
Не добитый в первой схватке,
Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп!
Нет царя и царской дворни,
Но остались злые корни,
Кем держался старый строй:
Богачей шмелиный рой!

XV

На деревню (всё — к порядку!)
Надо сделать нам оглядку.

Шустрый лавочник Назар
Ездил в город на базар.
Как вернулся — все к Назару!
Не раскрыл Назар товару,

А кругом ни стать ни сесть.
«Был на почте?»
«Письма есть?»
«Есть. Постой, куда ты прешься!
Сразу тут не разберешься!
Сто печатей на письме!
Вот: Прохватову Кузьме...
Тетке Дарье... Деду Климу...
Стой ты!.. Мельнику Касиму...
Селифантьевна, бери:
Для тебя тут сразу три.
Вот тебе, кума Маланья,
Исполнения желанья!
Ты все плакалась, кума,
Что не пишет твой Фома!»

XVI

Ни одна еще раздача
Не окончилась без плача,
Каждый раз одно и то ж:
Что ни весть, то в сердце нож,
Ну, а тут, как по заказу:
Всем Назар подсыпал сразу.
Поднялся в лавчонке вой:
Фекла сделалась вдовой,
Влас читает ей уныло,
Где и как там дело было.
Ни жива и ни мертва,
Горемычная вдова
Слову каждому внимает,
Ничего не понимает.
Поняла. И, не дыша,
Обронивши малыша,
С тяжким стоном повалилась.
Рядом Дарьюшка забилась, —
У нее беда своя:
Сын единственный, Илья,
Не вернулся из разведки.
Клим согнулся весь. У дедки
Отличился, пишут, внук:

Есть «георгий», нету — рук!
Деда еле держат ноги.
«Вот... дождались мы... подмоги!..»
Фрол в письме корит жену:
«Очень тяжко мне в плену.
Ты ж, как стало мне известно,
Повела себя нечестно».
Бьет молодушку озноб:
«Фрол придет — загонит в гроб!»

XVII

«Гады! Псы, едят их мухи!»
«Кто?»
«Известно! Ходят слухи:
Предстоит опять набор!»
«До каких же это пор?!»
«Что ж, Ерема? Снаряжайся.
Тетка Дарья, не пужайся,
Ты ведь то́ уразумей, —
Встретит сына Еремей.
Паренек пропал без вести,
Вдруг — нашелся. Будут вместе.
Рядом, значит — сын с отцом!»
С затуманенным лицом,
Всех окинув смутным взором,
Еремей Босой с укором
Власу молвил: «Не шути,
Скоро, что ль, на сбор идти?»
«Неизвестно, братец, точно.
Слышно, списки пишут срочно:
Всех — не знаю, врут аль нет —
До пятидесяти лет».

XVIII

Вновь катит Назар с базару,
Но — без писем и товару.
Что, про что, подлец, орет,
Леший сам не разберет:

«Пресвятая мать-царица!
Что в уезде-то творится!
Ходит тучами народ.
Как попал в водоворот,
Еле вылез я оттуда!»
«Что ты мечешься, паскуда!
Сядь. Без толку не ори.
В чем там дело, говори, —
Бунт большой в уезде, что ли?»
«Бунт! Кричат: земли и воли!
Смерть царям! Долой войну!
Флаги красные!» — «Да ну?!
Что ж полиция?» — «Поди ты!
Фараоны перебиты».
«Вот так штука. Врешь ты, брат.
Ну, а как... насчет солдат?
По народу не стреляют?»
«Где там! С флагами гуляют,
В трубы жарят, в бубны бьют,
Песни вольные поют!»
«Слушай, нет ли манифеста?»
«Не сойти мне, братцы, с места.
Бают — вправду или зря, —
Будто кокнули царя,
Всех министров заковали, —
Поначалу бунтовали
На заводах — не впервой.
За народ мастеровой,
И заводский и фабричный,
Гарнизон весь стал столичный;
Фронт туда же потянул,
Новой власти присягнул!»

XIX

У Назаровой у лавки
Не продрать рук средь давки.
Разговоры, споры, шум.
«Стой! — кричит кузнец Наум. —
Надоть нам без проволочки,
Чтоб разведать все до точки,

Чепухи ж не городить.
Верхового снарядить.
Пусть немедля в город лупит
Да газет для нас накупит.
Будет всем тогда видней:
Дождались каких мы дней?
Впрямь пришел конец несчастью?
И... под чьей теперь мы властью?»

XX

Спать ложились вечерком.
Утром, глядь, — всё кувырком!

Дума ахнуть не успела, —
Революция приспела.
Царской Думы нет следа:
Разбежались кто куда
«Представители народа».
Барам новая погода —
Не погода, — костолом.
Баре плачут о былом:
«Незабвенная утрата!
Дождемся ли... до возврата?!»

XXI

В бывшей Думе — толчея.
Сразу видно — сила чья.
Люд рабочий да солдаты.
Тут от них ведь депутаты.
Целый, стало быть, Совет.
Есть Совет, да толку нет.
Тянут в нем — подумать здраво! —
Кто налево, кто направо,
Кто вперед, а кто назад, —
Норовят на всякий лад
Смастерить основу власти.
Меньшевик казенной масти
Да хозяйственный эсер —
Ладит всяк на свой манер.

Но в одном их хор согласен:
Большевик для них опасен!
Сладу нет с большевиком.
Стал им в горле, словно ком,
Хоть бы час провел в покое.
«Тут ведь времечко какое:
Богачей прижали в лоск, —
Богачи — как мягкий воск;
По-хорошему, без спору,
Столковаться б с ними впору,
Вожжи в руки им отдать
Да порядков новых ждать.
Богачи — народ толковый:
Нам они порядок новый,
Буржуазный — вот какой —
Утвердят живой рукой.
Нам иного ждать рвненько.
Сразу прыгнуть в рай трудненько.
На крутой переворот
Не дозрел еще народ.
Мужики — темны да серы
И ни в чем не знают меры, —
Без указки, без узды
Натворят еще беды!
Припусти их к полной воле,
Так не сладишь с ними боле:
Всё разделят-разберут,
Богачей с земли сотрут.
И пойдет такая свалка...»
«Нет, нужна народу палка!»
Так эсер с меньшевиком
Промышляли мужиком.
А мужик не знал — не ведал,
Что его уж кто-то предал!

XXII

Получив нежданно власть,
Богачи довольны — страсть!
Богачи страною правят,
Богачи опять нас давят,

Нашу кровь, как прежде, пьют,
Кандалы для иас куют,
Тюрьмы иовые готовят
Да свободу славословят.
Их свободу. Больше — чью?!
Нет свободы мужичью!
Ни свободы, ни землицы,
Ведь земля — ие рукавицы:
Взял да сразу и надел.
«Надо сделать так раздел,
Никому чтоб не обидно! —
Богачи дудят солидио. —
Уж с земелькой... подождем!
Все закоиио проведем
С иашим, дескать,
всем стараньем —
Учредительным собраньем.
А пока, мол, ин-ии-ии!
Лямку старую тяии!»

Песня о земле

Ой вы, головы, головушки кручиииые,
Не пускайтесь иа дела иа самочииные,
Самочиииые дела да беззакоииые:
Отбирать свои полосыиьки искоииые.
На помещичье добро ужо ие зарьтеся,
А в соку своем в поту,
как прежде, парьтеся,
Да, как стадо, уж как стадо безголовое,
Все иадейтесь иа правительство иа иовое:
Оио скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оио землю, даст вам землю...
на могилушку.

Бабушка Неиила

(В хвосте за хлебом)

Крепко бабушка Неиила
Революцию браиила.

— Батюшки!
«Вот свобода так свобода,
Нету хлеба у народа!»
— Матушки!
«Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь цари весь хлеб объели.
— Батюшки!
Как по щучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.
— Матушки!
Вот с землей добьемся ладу, —
Поработаем в усладу.
— Батюшки!
Новый хлеб заколосится —
Шелк наденешь вместо ситца.
— Матушки!
Весь ты век жила убого, —
Потерпи ж еще немного.
— Батюшки!
За свободную-то долю
Попируем, бабка, вволю».
— Матушки!

XXIII

«Скоро ль жизнь пойдет спокойней?
Не пора ль кончать нам с бойней,
С трижды проклятой войной?!» —
Стон стоит над всей страной.
Богачи дрожат, как воры:
«Но у нас же договоры!
Англичанин да француз —
С ними ведь у нас союз:
Подводить их нам негоже,
Честь для нас всего дороже.
Уж мы с миром... подождем.
Речь о мире поведем
Мы на первом заседанье...
В Учредительном собранье.
А пока, мол... послужи.
Лезь, ребятки, на ножи!»

Его Величество Капитал

Изобретательны на доводы
Лихие «рыцари ножа».
Нужны «законные» им поводы
Для оправданья грабежа!
Не важно поводов количество,
Одни бы «право грабить» дал.
«Да здравствует его Величество
Венчанный кровью Капитал!»

XXIV

Новый строй рождался в муках.
Богачи на разных штуках
Норовили нас поддеть,
Чтоб, как прежде, всем владеть.
«Все залечим вам болячки.
Не порите лишь горячки.
Разрешит любой нам спор
Учредительный Собор.
Так без лишнего напора
Потерпите... до Собора!»
А когда Собора ждать? —
Надо надвое гадать!

По бабушку

Басня

Дед Мокша со снохой трудился
на покосе.
Сноха ж была давно на сносе.
Вотополдни молодка — ох да ой!
Забилася, как муха в тесте.
То видя, Мокша-дед задергался на месте:
«Постой, аринчит, постой!
Для ча такая спешка?
Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!»

XXV

Богачи «со всем стараньем»
Учредительным собраньем
Козыряли, как могли.
Ведь оно еще вдали!
А пока там суд да дело —
Знай, орудовали смело
И, втирая всем очки,
Не играли в дурачки,
А вели игру иную:
Посадивши одесную
Демократов пять аль шесть
(Тоже ведь «ручные» есть!),
Не брала чтоб нас обида,
С ними стряпали для вида
Деловую колею, —
Гнули ж линию свою!
Ставить начали заторы,
Заводить везде раздоры
Да натравливать народ:
Деревушку — на завод,
На рабочего — солдата,
Чтоб пошли все брат на брата
И, устроив Вавилон,
К богачам пришли в полон!

Рабочие — солдатам

Солдаты!
Вы — наша кровь и наша плоть.
И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
Кто сеет злую рознь
средь трудового люда
Тот истинный Иуда!

Солдаты!
На смену хищникам,
державшимся за трон,
Иные хищники спешат со всех сторон,

Мешая закрепить восставшему народу
Отбитую свободу.
Солдаты!
Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля —
Одна судьба и воля.
Солдаты!
Не отделяйте же от нас своей судьбы,
Не покидайте нас
в тяжелый час борьбы.
Да не падут на вас народные проклятья,
Солдаты наши братья!

XXVI

Пролетарская газета
«Правда» — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отрава, —
Беспощадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуять стал орел двуглавый,
«Правда» первая была
Жертвой хищного орла.
Но когда пришло нам время
Вековое сбросить бремя
Гвдов, пьющих нашу кровь,
Возродилась «Правда» вновь,
Взмывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

Под знамя «Правды»

Семья рабочая — едина.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что —
кто не с вами,
Тот — против вас! Тот —
против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — идти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украсьте, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», ваше знамя,
Свободно реет впереди!!

XXVII

Кривда «Правду» ненавидит, —
«Правда» кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат, —
«Правда» скажет, кто горбат.

Мироедам «Правда» — плаха.
Им мерещится со страха:

Ленин пишет не пером,
А и вправду топором:
Отрубил примерно строчку —
Снял с мильонщика сорочку!

«Бука»

(Буржуазно-колыбельная песенка)

Спи, дитя мое, усни,
Мне с тобою мука.
К «Правде» ручек не тяни:
«Правда» — это бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В «Правде» Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибытка!

Дни вольготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

«Караул! Грабеж! Разбой!» —
Поднялся буржуйный вой.
Зашипели злые гады,
Растерзать бы «Правду» рады.
Но за ней — большевики:
Всё народные полки.
«Правду» тронь неосторожно —
Напороться этак можно.
Надо бить наверняка.
Надо с ней борьбу пока
По иному ладить плану:
Напустить сперва туману,

Взбаламутить так народ,
Чтоб пошел он весь вразброд.
Богачам тогда свободно
Делать все, что им угодно!

XXVIII

Всюду — сходки, споры, шум.
Питер ждал районных дум.
Выбирали новых гласных.
От плакатов — белых, красных,
Синих, всяких — рябь в глазах.
Шел раскол большой в низах:
Краснобайству давши веру,
Льнули многие к эсеру;
Меньшевик весьма хитер,
Тож очки нествми втер.
Большевик спокойно к бою
Вел рабочих за собою.
Богачей кидало в дрожь:
«Нам поможет только ложь!»

«Как у питерских господ...»

(Предвыборная песня)

Как у питерских господ
Превеликий, братцы, сход.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Превеликий, братцы, сход.

Хлещут вина богачи,
Едят сладки калачи.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Едят сладки калачи.

И едят они и пьют,
На салфетки слезы льют.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
На салфетки слезы льют.

Им на выборы идти,
А дела-то не ахти!
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Их дела-то не ахти.

Густо улица пылит —
Трудовой народ валит.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Трудовой народ валит.

Люд фабричный, батраки
Да солдатские полки.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Всё народные полки.

Трудовой народ валит,
Богачей вовсю калит.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Богачей вовсю калит:

«Ой вы, баре-господа,
Мироедская орда.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Мироедская орда!

Мироедская орда,
Не пройдешь ты никуда!
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Не пройдешь ты никуда!»

Стал народ везде в хвосты,
На руках у всех листы.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
На руках у всех листы.

А в какой ни глянешь лист —
Все стоит: «социалист».
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Большевик-социалист!

Люд голодный, не спасуй:
Подружнее голосуй!
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Подружнее голосуй!

Чтобы сытым богачам
Худо спалось по ночам.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Худо спалось по ночам.

Чтобы видели они,
Что пришли другие дни.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Да пришли другие дни.

Что у вольной голытьбы
Силы станет для борьбы.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Силы станет для борьбы.

Сил у каждого борца —
Чтоб бороться до конца.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Будем биться до конца!

Часть четвертая

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО

I

«Кто посеял, кто пожал» —
Я про это речь держал.
Шел народ на баррикады,
А пролезли к власти — гады.
Взяв народ в лихой зажим,
Объявили свой «режим»:
Буржуазные порядки.
Подставляй хребет, ребятки!
Мироедам послужи,
Животы за них ложи!
Ждет деревня лучшей доли,
Ждет земли и вольной воли,
Распорядков новых ждет:
Вот бумага-де придет,
Все расскажет и укажет,
По губам медком помажет:
«Наступил твой час, Фаддей.
Все твое. Бери — владей!»
Что-то делается где-то,
За весной проходит лето,
Вот уж осень у ворот.
Суматошится народ:
«Что же это, братцы, значит?
Власть нас новая колпачит!
Перемены не видать,
До каких же пор нам ждать?»

II

«Что вы! Что вы! Что вы!
Что вы!
Бунтовать, никак, готовы?
Власть вам новая худа?
Власть, ей-богу, хоть куда!

Ей, весчастной, столько дела,
Не до вашего раздела.
Вот управимся с войной,
Все пойдет нв лад нной!»
Так нзмученному люду
Языком плескалн всюду
Разбнтные господа.
Этой сволочн тогда
Расплоднлося без меры.
Все, нзволите, эсеры!
Бьет себя, рыдая, в грудь
Землемер какой-инбудь,
Иль учнтель-математнк,
Иль паршнвый адвокатнк:
«Братцы! Я, да аы, да мы!
Погодите до зимы!

III

Будет вам земля н воля,
Но помещнчьего поля
Вы не трогайте пока.
Будет все у мужнкв!
Дайте срок — создать законы,
Вас аедь, братцы, мнллиоиы,
А земельный-то запас
Не ахтн какой у иас.
Так, сплеча, рубить иегоже,
Раскумекать надо тоже,
Где земля н чья земля.
Посмотреть на векселя,
На расписки, закладные,
И окажется, родные,
Что помещнк — только звук,
Землю выроннл из рук,
А владелец настоящий —
Тот крестьянин работящий,
Что поля и барский дом
Прнобрел саонм... трудом.
Тут ие место хваткой лапе,
«Отобрал — и дело в шляпе».

Надо толком разобрать,
Где оставить, где забрать.

IV

Отобрав неосторожно,
Повредить лишь делу можно!
Есть именья — сущий рай:
Что конюшня, что сарай,
Что машина, что скотина, —
Образцовая картина!
На научный всё манер,
Всем хозяевам пример,
Как хозяйство надо строить,
Чтоб доходы все утроить.
Взять помещика: иной —
Скот разводит племенной,
Улучшает то и это,
Сам в работе зиму-лето,
Эконом и агроном, —
Все стоит на нем одном!
Рассудите-ка толково,
Коль помещика такого
Из именья мы пугнем,
Далеко ли мы шагнем?
Не напортим ли мы вдвое,
Разорив гнездо такое?
И не лучше ли всего
Не касаться нам его?
Не касаться, не кусаться,
На чужое не бросаться,
А учиться да глядеть,
Как добром своим владеть?

V

Есть еще задержка — в сметах.
Пусть в земельных комитетах
Подведут всему итог,
Чтобы вам, помилуй бог,
Не обидеть земледельца —
Пусть и крупного владельца.

Это ж, братцы, не закон:
Взять за шиворот и — вон!
Отбирай, но не бесплатно,
Надо совесть знать, понятно:
Где — надбавить, где — скостить,
Но убытки возместить,
Чтоб помещиков ослабить,
Но... помещиков не грабить!
Выкуп вместо грабежа
Да рассрочка платежа, —
И придумать лучше трудно!
До чего все выйдет чудно!
Без обиды, без вражды!
Ни корысти, ни нужды!

VI

Вот мы партия какая!
В жизнь крестьянскую вникая,
В трудовой весь обиход,
Мы — страдальцы за народ,
Мы за вас душой болеем.
Мы себя не пожалеем.
Ежли что, — в тяжелый час
Мы сумеем стать за вас!
В Учредительном собранье —
Мы уверены в избранье! —
Мы такое учредим!
Вновь порядок утвердим,
Всех устроим, все уладим!
Обкорнаем и спровадим
Без особенных чинов
Городских всех крикунов.
Вот — программа на листочке,
Разберитесь в каждой строчке.
Вся тут правда — без прикрас,
Угодит вам в самый раз.
Рассудите, обсудите
Да в эсеры все идите!
По полтине членский взнос».
Кум Фаддей повесил нос,

Кум Фаддей в затылке чешет:
«Чтой-то барин будто брешет,
Брешет — глазом не мигнет,
И куда он, ирод, гнет?»

VII

Пров Кузьмич, как пьяный вроде,
Ходит козырем на сходе,
По-эсеровски поет,
Все подансочку сует.
«Тит, записывайся, что ли,
На предмет земли и воли!
Еремей, Фаддей, Наум,
Взяться всем пора за ум.
По полтинику, ребята,
Не ахти какаа плата.
Записался — и шабаш!
Просто асе, как «Отче наш».
Неча, братцы, опасаться.
Наше дело записаться.
А эсеры в добрый час
Все обтяпают за нас!»
Крякнул Тит с лукавой миной:
«Эх, рискну-ка, что ль, полтиной!
Погляжу на их дела».
Записалось полсела,
Список быстро был составлен,
В город с нарочным отправлен.
Пров разглаживал чело:
«Фу! Как будто отлегло!
Ехать завтра к генеральше
Или ждать, что будет дальше?»

VIII

Поп Ипат, хлебнув винца
В честь «небесного отца»,
В спасов день обедню тянет,
Вправо, влево оком глянет.

«П-сс! — зовет пономаря. —
Помяну-ка, что ль, царя?»
Пономарь глаза таращит:
«Бес тебя, должно быть, тащит
За язык, отец Ипат.
Церковь, глянь, полна солдат.
Зададут такого звона:
Стащут за косы с амвона!
Помяни царя, не лгу, —
Я из церкви убегу!»
У попа засохло горло:
«Впрямь их, иродов, наперло.
Фронт поди-кась обижен.
Ну, сидели б возле жен,
Возле Марьи да Натальи, —
Нет, народ мутят, канальи!
Речи их, чертей, слыхал?»
Поп отчаянно вздыхал.
Не молился, что-то вякал,
Службу кое-как отбрякал
И айда скорей домой:
«Ну и время, бож-же мой!»

IX

Загорелы, бородаты,
Фронтовой народ — солдаты
Вдоль по улице идут,
Речи разные ведут.
Мужикам те речи в диво.
«Очень, братцы, уж правдиво!»
«Говорят: газетам верь.
Как же верить им теперь?
Что про ленинцев трубили?
Будто немцы их купили.
А вот унтер Мышаков
Хвалит как большевиков!»
«Вот что, милые, обидно:
Ведь конца войне не видно».
«Дисциплину тож в частях
При теперешних властях

Укрепляют так, что любо:
Встал не так, ответил грубо
Или косо посмотрел,
Сразу — «Сволочь! Под расстрел!»,
Гонят силой в наступленье,
Отказаться — преступленье,
Барам что? Не их берут,
Пусть за них другие мрут!
Зв спиною нашей храбры!»
«Взять их, гадов, всех под жабры!»
«Обломать их хохряки!»
«Мы-то, мы-то, дураки,
Растерявши сразу мысли,
Пред эсером как раскисли!
Как он ловко всех поддел!
Рази ж он за нас радел?!»
«Пропадай моя полтина!
Пров Кузьмич, все ты, скотина,
Вместе жулил, старый пес!
Возвращай мне членский взнос!»

X

Богачам одно спасенье:
Будет пусть землетрясенье,
Голод, мор, потоп, война,
Только б нищая страна,
Не стерпев дальнейшей муки,
Отдалась сама им в руки.
Богачам одни лишь путь:
Петлю туже нам стянуть.
Снова трубы затрубили:
«Ежли б немцев мы побили,
Показали им кулак...
Все б тогда пошло не так:
Сразу б немцы спали с тону,
Запросили бы пардону!» —
И пошла-пошла писать.
Под ту дудочку плясать
Меньшевик пошел с эсером,
Словно дама с кавалером.

XI

Фронту отдан был приказ:
Подтянуть чтоб всех зараз,
Чтоб с врагами не брататься,
А сначала поквитаться.
Мы-де хоть не за грабеж,
Не захватчики, а все ж...
Мир для мира — это враки.
Мир бывает после драки,
Как похмелье — по пиру.
«Лезьте, братцы, на уру!»

Барыня

(Окопная)

Ай, люли-люли-люли,
Как мы песню завели:
  — Барыня, барыня,
  Ты моя сударыня!

Пишет, братцы, мне жена —
Скоро ль кончится война?
  — Скоро ли то, барыня,
  Скоро ли, сударыня?

Скоро ль кончится война?
Истомилась я одна.
  — Эх ты, горе, барыня,
  Как тут быть, сударыня?

Истомилась, исстрадалась,
Век с тобою не видалась.
  — Ох, барыня, барыня,
  Как тут быть, сударыня?

Стала жизнь мне — сущий ад:
Ничего нейдет на лад.
  — Нету ладу, барыня,
  Все трещит, сударыня.

Без тебя пошло все врозь,
Все хозяйство расползлось.
— Расползлося, барыня,
По всем швам, сударыня.

Опустел сарай и хлев,
Хлеба только на обсев.
— Ох, барыня, барыня,
На обсев, сударыня.

А казенный нам паек —
Холостой хлебать чаек.
— Да, барыня, барыня,
Холостой, сударыня.

Дождалися мы времен,
Дорогой ты мой Семен.
— А каких же, барыня?
Да каких, сударыня?

Нет у нас царя уж боле,
Весь народ на вольной воле.
— Любо ль тебе, барыня?
Любо ли, сударыня?

Всех чертей прогнали вза́шей,
Что кормились кровью нашей.
— Кровью нашей, барыня,
Кровушкой, сударыня.

Все помещики в округе
Разбежалися в испуге.
— Разбежались, барыня,
Пусть бегут, сударыня!

А мы слез не стали лить,
Землю их давай делить.
— Хорошо ли, барыня?
Хорошо, сударыня!

Вот каки у нас дела:
Революция была!

— Чем же худо, барыня?
А ничем, сударыня.

Отпиши скорей ответ:
Жив, голубчик, ты аль нет?
— Жив, моя ты барыня,
Жив пока, сударыня.

Долго ль с немцем воевать?
Долго ль нам тут горевать?
— Долго ли нам, барыня,
Горевать, сударыня?

Шлю с детьми тебе поклон,
Дорогой мой муж Семен.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

А я дело, братцы, сметил,
А я женушке ответил.
— Что ответил, барыня?
Что, скажи, сударыня?

Не горюй, не плачь, жена:
С немцем кончится война:
— Право слово, барыня,
Ей же бог, сударыня.

С немцем кончится война:
Надоела нам она.
— Надоела, барыня,
Ну ее, сударыня.

Бойня начата не нами,
А царями да панами.
— Верно ль это, барыня?
Верно ли, сударыня?

За чужие ж дележи
Неча лезть нам на ножи!
— Ни к чему нам, барыня,
Ни к чему, сударыня!

Неча лезть нам на ножи,
Так ты всем и рвсскажи.
— Рассудн-тка, барыня,
Обмозгуй, сударыня!

А у немцев, чаем, тоже
Выйдет дело, с нашим схоже.
— С нашим схоже, барыня,
В самый раз, сударыня!

Ходят к нам их ходоки,
Люд фабричный, батраки.
— Люд фабричный, барыня,
Батраки, сударыня.

Мы к ним с братскими словами:
Дело, дескать, все за вами!
— Будет дело, барыня,
Первый сорт, сударыня!

Сообща, ребятки, дружно
Мироедов гнать нам нужно.
— Мироедов, барыня,
Богачей, сударыня.

Отвечают немцы: «Гут!»
Надо думать, не солгут.
— Надо думать, барыня,
Не солгут, сударыня.

Заварухе дай начаться,
Дай лишь немцу раскачаться.
— Раскачаться, барыня,
Разойтись, сударыня.

Рассчитать все наперед:
Оч-чень правильный народ!
— Башковитый, барыня,
Деловой, сударыня.

Дело сделают не скоро,
Да зато уж выйдет споро.

— Вот как споро, барыня,
Начисто, сударыня!

Дело немцы доведут, —
Тут войне-то и капут.
— И айда-те, барыня,
По домам, сударыня.

Как вернемся ж мы домой,
Что-то будет, боже мой?
— Что-то будет, барыня?
Знаешь, чай, сударыня.

Коль затеют баре спор,
Мы сумеем дать отпор!
— Наше дело, барыня,
Верное, сударыня!

Постоим за нашу долю,
За земельку да за волю!
— Постоим уж, барыня,
Отстоим, сударыня!

Так-то, женушка-жена,
Скоро будешь не одна.
— Не одна, слышь, барыня,
С муженьком, сударыня.

Как не летом, так зимой
Жди хозяина домой.
— То-то, моя барыня,
Заживем, сударыня!

Остаюся жив-здоров,
Рядовой Семен Петров.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

Нашей песне тут конец,
А кто пел, тот молодец!
— Размолодчик, барыня,
Удалец, сударыня!

Приказано,
да правды не сказано

(Солдатская песня)

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой идти приказано —
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

XII

«Лезьте, братцы, на уру!
А чтоб гнусную игру
Большевик не смог разладить,
Решено его спровадить —
Хоть и со света! Не грех!
Только чем разбить орех?
Камень где сыскать удобный?»
Был тут план придуман злобный:
«Кто ведет войну с войной?»
«Большевик, не кто иной».
«Немцам в руку?» — «Ну, понятно!»
«И, должно быть, не бесплатно».

«Большевик-де, ходит слух,
Где-то в банке, даже в двух,
Брал немецкие червонцы!»
Так боролись оборонцы
С политическим врагом, —
Замутила все кругом
Разолгавшаяся свора.
Вор кричит: «Держите вора!»
С честным видом подлецы
Прячут так свои концы.

XIII

Все читая без разбору
Да прислушиваясь к спору,
Что все партии вели,
Ваня бился на мели.
За эсеров подав голос,
Все ж потом, как в поле колос,
Гнулся он — туда, сюда.
Гнулся — сам не знал — куда.
«Как узнать прямого друга?
Что причиной перепуга
Тех, кто тучей злых листков
Травит так большевиков?
В чем тут, собственно, опасность?
Привести бы это в ясность.
Клим... Куда девался Клим?
Побеседовать бы с ним.
С кем теперь идет он в ногу?»
Так, нося в груди тревогу,
Ваня скоро впал в хандру.
Не читал он поутру
С прежней жадностью газеток.
Глаз мужичий все же меток.
Все читать — Ванюше лень,
«Правду» ж брал он каждый день.
«Вот поди ж ты... пишет верно.
Что ж бранят ее так скверно?!
Пусть мне скажет кто другой:
Чем не прав Яким Нагой?»

Письмо Якима Нагого

(помещенное в № 79 «Правды»
24 июня 1917 г.)

Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Пишу я вам послание,
Пишу-то неумеючи,
Нескладно да неграмотно,
А только — от души.
Душа ж моя — мужицкая,
Мужицкая — крестьянская,
Совсем она измаялась,
Измаялась-измучилась,
Кажинный день болеючи
От горестных вестей.
Приходят к нам те вестушки,
Те вестушки столичные,
В деревни наши бедные,
В медвежьи уголки,
Приходят безо времени
Да без желанной радости.
Уж мы-то ждем их, ждем,
В тоске великой маемся,
Надёжою питаемся
На наших на заступничков,
Родных своих ребятушек,
Ребятушек-солдатушек,
На люд мастеровой:
Они-де нас ученее,
Они-де нас смышленее,
У них-де крепче головы,
Им все там больше ведомо:
Что? Как? И почему?
У них-де хватит силушки,
У них-де станет смелости,
Что смелости-умелости
Стать крепко на своем:
Не выдать люда бедного,

Рабочего-крестьянского,
Извечным нашим ворогам,
Мирским всем захребетникам, —
Не выдать нипочем!
Но вести все приходят к нам
Такие ль безотрадные,
Такие ль безутешные,
Что верить им не хочется.
Да статочное дело ли,
Да может ли то быть,
Чтоб вы так с толку сбилися,
Так потеряли головы,
Так разошлися с совестью,
Что у попов, чиновников,
Министров и сановников,
Разъевшихся помещиков,
Купцов расторговавшихся,
Банкиров-миллионщиков,
У подлых их прислужников,
Угодников-ласкателей,
У подхалимской сволочи
Пошли на поводу?!
Да разве ж это мыслимо,
Чтоб речи их неправые,
Неправые-лукавые
Пришлися всем вам пó сердцу;
Чтоб шипы их змеиные
За песни соловьиные
Казаться стали вам?!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Очнитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой:
Кому вы так доверились,
На чьи слова туманные,
Туманные-обманные
Огульно положилися?
Кто совесть вашу вывихнул?
Кто ум вам замутил?

Забыли вы пословицу
Хорошую, народную:
Ковать железо надобно,
Покамест горячо.
Раз время потеряете —
А вы терять уж начали, —
То напоследки сядем мы,
Как раки на мели.
Доверившись обманщикам,
Господским потаковщикам,
Объевшися посулами,
Тех песенок заслушавшись,
Что власти завели,
Мы под конец останемся
Всё теми ж остолопами,
Господскими холопами —
Без воли, без земли.
Того ли вам хотелося,
К тому ли вы стремилися,
Когда в порыве радостном
Царя осточертелого
С его лихой опричниной
В единый дух смели?
А ныне та опричнина,
Прияв личину новую,
Втирая вам очки,
Уж подымает голову,
Смелее озирается,
Бойчее огрызается,
Братается с нагайками
И тянется к хлысту.
Покамест вы толкуете,
Как, дескать, по-хорошему,
Без лишнего стеснения, —
Не дай господь — насилия! —
По чистой справедливости
С крестьянами — помещиков,
С рабочими — заводчиков
Как-либо примирить,
Так, чтоб одним досталося
И у других осталося,
Чтоб нареканий не было

От черни околпаченной,
Найпаче ж от господ, —
Пока вы так стараетесь,
Пока вы распинаетесь,
Попы, купцы, господчики,
Помещики, заводчики,
Все ироды, кому,
По божью попущению,
Верней — по нашей глупости,
Покорной нашей тупости,
Досель жилося весело,
Вольготно на Руси,
Они не ждут — готовятся,
Они не остановятся,
Хо-хо, ни перед чем!
За то, что не умели вы,
За то, что не хотели вы
Напрячь свои все силушки
Да так на богатеев всех
Налечь, прижать их так,
Чтоб им дыханья не было,
Чтоб затрещали косточки,
Чтоб жирная да толстая
Кишка их сразу лопнула,
Чтоб больше им, кабальщикам,
Захватчикам, нахвальщикам,
Податься было некуда,
Чтоб был им тут капут;
За то, что сплоховали вы,
За то, что дело начали,
Да дела не доделали,
Его, по вашей милости,
Опять собравшись с силами,
Оставшись воротилами,
Как были, миллионщики
Доделают по-своему:
Еще, вишь, ими кровушки
Народной мало пролито
В проклятой, злыми гадами
Для их несметных прибылей
Затеянной войне;
Еще, вишь, недостаточно

Чужих полей засеяно
Крестами надмогильными;
Еще, вишь, мало пущено
По белу свету маяться
Калек и вдов-сирот;
Еще им, знать ты, кажется,
Что мало ими нажито,
Что мало мы обобраны,
Не все еще лишилися
Последних животов;
Душа у них тревожится.
Им, аспидам, неможется,
Им непременно хочется
Дорваться до последнего,
Чтоб опосля войны,
Пустивши всех нас по миру,
Им было бы удобнее,
Голодных, обессиленных,
Прибрать нас всех к рукам.
Солдатушки-ребятушки,
Три года воевали вы,
Три года вас мытарили,
Гоняли на убой, —
Но, видно, мало прежнего:
Еще вы повоюете,
Еще вы погорюете,
Еще беды натерпитесь,
На смерть пойдете верную —
Во здравие захватчиков,
Во славу их мошны!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой,
Очнитеся, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой!
Очнитеся, опомнитесь,
Не выдайте, голубчики,
Себя и нас не выдайте
Извечным нашим ворогам,
Грабителям-насильникам,

Мирским всем захребетникам.
Сестер и братьев вспомните,
Старуху мать родимую
И старого отца!
Единым горем вскормлены,
Единой волей спаяны,
Своею силой гордые,
В своем решенье твердые,
Ряды сомкнувши стройные,
Железные, спокойные,
За наше дело общее,
За наше дело правое,
За долю всенародную
Постойте до конца!

Писал сие посланье —
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
А той деревни Босовой
Мужик *Яким Нагой*

XIV

Богачи везде шныряли,
Даром часу не теряли, —
Разослав своих послов,
Не жалели сладких слов.
На Дону от них посольство
Бьет челом за хлебосольство:
«Ой вы, бравые донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,
Помогите сбить рога
У проклятого врага,
У немытой черной голи,
Что кричит: земли и воли!
День упустим — не вернем.
Голь наглеет с каждым днем.
Не поставьте ей преграды, —
Сами ж будете не рады!»

Отвечала старшина:
«Ваша голь хотя страшна
Нам своя страшнее вдвое.
Но правленье войсковое
Все ж в руках у нас пока.
Ладно: будут вам войска!»

Атаманская нагайка

Басня

Товарищ дорогой,
Согнись дугой,
Подставь покорно спину:
Так подобает «гражданину»,
Стоящему за «временную власть».
Хлебнув свободы всласть,
Остепенись маленько:
Освобожденье ты отпраздновал раненько.
Нет, милый, нам с тобой свобода
не с руки.
Обидно — не обидно,
А по всему, брат, видно,
Что путь для нас один:
в казачьи батраки.

Теперь смекай-ка:
Жила-была нагайка.
Не говоря про старину,
Совсем недавно
Нагайка славно
Стегала спину не одну.
На царский зов она всегда неслась
охотно,
Чтоб вольный дух унять
а народных бунтарях,
Зато самой при всех царях
Жилося ей весьма вольготно,
Не то чтоб, скажем,
там какому батраку
Аль мужику,

Спадающему с тела
У своего курнного надела.
Но вот мы дожнлн до радостной зарн:
Верх взялн бунтарн!
Свалив грабнтельскую шайку,
Почал народ судьбу устранвать свою
И голытьбу сзывать в еднную семью.
Да позабыл, внщь... про нагайку!
Нагайка ж нсстарн «вольна»,
И волю понимать способиа лншь она.
Свободой новой ей мозгов не затуманнть,
И вправе потому она «дуван дуваннть»,
Судить нвс, бедиых, и ряднть,
То бнщь — «порядок наводнть».
Что ж? Это дело ей не внове!
Но... все ль нагайки наготове,
Чтоб двннуться в поход,
На трудовой народ?
Не атаман ли тут толкует с атаманом,
Как войско с толку сбнть
предательскнм обманом,
«Казацкой вольностью» и мусором
«свобод»?

Казакн, грустная моя побаска эта
Ужель останется без братского ответа?
Казакн, вам пора, пора глаза открыть:
Кто подбнвает вас на Каниову прыть?
Родные братья нашн,
Вы не разделите с богвтым общей чаши.
У трудового казака
Ввек не поднннется на бедный люд рука.

XV

«Что нам в пользу — то и гоже.
А попы ведь сила тоже! —
Порешнлн богачн. —
Две пудовые свечн,
Аналойчнк, да нкона,
Да духовная персона...

«От Матфея» там «глава»...
Про смирение слова...
Раз писанье — значит, свято,
Люди ж верили когда-то...
Так попробуем теперь...»
Богачи стучатся в дверь
К архипастырю Андрею,
Из Уфы архиерею:
«Архиерей наш, архиерей,
Спаси нас, грешных, от бунтарей.

Трещит Расея!
Прошло блаженство.
Одна надея
На духовенство,
На дым кадильный из алтарей.
Спаси нас, грешных, отец Андрей!

Нам без лазейки
Спасенья нету,
Две-три статейки
Дай нам в газету,
Чтоб в назиданье простой толпы
Могли читать их в церквах попы!»

«В оковах пастырь...
В разброде стадо...
Целебный пластырь
Сыскать нам надо,
Чтоб злую рану закрыть скорей», —
Рек, прослезившись, отец Андрей.

И, ощутивши
Прилив отваги,
Скорей схвативши
Кусок бумаги,
Стал он «Биржевке» строчить статью,
В высоком стиле галиматью:

«Не надо злобы!
К чему бунтарство?

Нам надо, чтобы
Окрепло царство,
Борьбы знамена в архивы сдать,
Да осенит нас тишь-благодать.

Без отреченья,
Без примиренья,
Без подчиненья
И без смиренья
Не избежать нам лихой беды!» —
Твердил епископ на все лады.

Коря сноровку
Социалистов,
Стриг «под Биржевку»
Евангелистов.
Ведь это ж, отче, простой обман?!
Опять с амвонов пускать туман?

Чтоб люд наш темный
Опять толпами
На зов погромный
Шел за попами?!
Скажи все ясно, святой отец,
Твоих статеек какой конец?

XVI

Клевета — большое дело.
Клевету весьма умело
Богачи пустили в ход,
Чтобы с толку сбить народ.
Всюду шныряли оравы
Ловких сбытчиков отравы.
Подрядились в «языки»
Все заштатные шпики.

«Контрразведчики»

«Вечор девки, вечор девки
Пиво варивали».

Два шпика у Малой Невки
Разговаривали:
Шпик 1-й. «Ты скажи,
скажи, бродяга,
Где ты маешься
И каким ты, лярва, делом
Занимаешься?»
Шпик 2-й. «А я, братко,
живу гладко
Да не маюся,
А я прежним нашим делом
Занимаюся!»
Шпик 1-й. «Царь небесный!
Пресвятая
Богородица!
Новый строй ужель шпиками
Обзаводится?»
Шпик 2-й. «Ну, шпиками —
не шпиками.
Шпик шельмуется.
То же дело по-иному
Именуется.
По-иному наше дело
Привечается.
С похвалой в газетах многих
Отмечается.
В буржуазную газету
Лишь заявишься,
Сразу, братец мой, в почетный
Угол ставишься.
Так и льнут к тебе писаки,
«Куш» подсовывают,
В десять перьев твои враки
Разрисовывают.
Битый час провретъ им, точно
Неприкаянный.
Врешь про ленинцев нарочно
Брех отчаянный.
Тут они глаза закатят
Умилительно!
Как за все потом заплатят, —
Удивительно!»

Два шпяка пошли, обнявшись,
Вдоль над Невкою.
Вот вся песня, — остановка
За припевкою.
А припевки после спеты
Были разные.
Затянули все газеты
Буржуазные:
«Миру, вишь ты, «Правда» рада
Показательно!»
«Разгромить всю «Правду» надо
Обязательно!»

XVII

Воры, сыщики, громилы,
Биржевые крокодилы,
Толстосумы-живоглоты,
Мироеды-патриоты —
Все, кто был царям оплотом,
Кто кормился кровью-потом
Обездоленного люда...
Вот пошел поход откуда!
Вот кто, брызжа злою пеной,
«Правду» стал корить... «изменой»!

Черносотенная рать
Стала шибко напирать,
Сам эсер, кряхтя до сроку,
Лишь подмигивал ей сбоку.
К черной банде напрямик
Лез в объятья меньшевик.
Связь погромная готова.
Разгромили «Правду» снова!
Был приказ властей таков:
«Не щадить большевиков!
Уничтожить всех их сразу,
Как зловредную заразу.
Главарей арестовать,
Чтоб не смели бунтовать!»
Написать приказ не штука!
Да искать попробуй ну-ка!

«Как тут быть?» —
«Хватай гуртом.
Разберемся уж потом!»

XVIII

Меньшевик, эсер, лйкуя,
Ловят за полы буржуя:
«Счет сведя с большевиком,
Заживем тепе́рь ладком.
Съезд в Москве устроить нужно,
Чтоб потом работать дружно,
Петь под общий камертон.
Заказать нам, что ль, вагон?
Завтра, что ли-ча, поедем?»
Но буржуй рычит медведем:
«Человек я, что ж — прямой:
Камертон-то будет мой!»
«Ваша светлость! Что вы, что вы!
Мы ж для вас на все готовы.
Вместе будем отвечать.
Не извольте лишь серчать!»

XIX

Съезд в Москве прошел на диво!
Богачи весьма ретиво
Повели свои дела.
Вот комедия была!
Перед их враждебным станом
Распинались Либер с Даном,
Меньшевистские «вожди» —
От козла удою жди!..
Видно птицу по полету.
Буржуазному помету,
Лебезя и так и сяк,
Тож поклонится не всяк.
И эсеров брали корчи,
Но, как зуб от давней порчи,
Стыд у них пропал давно:
Пели с Даном заодно!

«Либердан»

(Подхалимский танец)

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшися за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!
Милюков кричал им браво
И свистел на флейте:
«Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!»
«Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцевать направо!

На Москве устроив танцы
Сообща с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.
«Либердан!» — «Либердан!»
Что же вы, ребятки?
Баре сели в шарабан.
Живо, на запятки!

Часть пятая

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

I

Ванин взвод пошел в наряд.
Целый где-то там отряд
Большевистский арестован.

Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?
Точно молния, по нервам
Пронизала Ваню дрожь:
«Клим!.. Голубчик!.. Узнаешь?..»
«Узнаю». — «Теперь я понял! —
Пот холодный Ваню пронял. —
Так о «Правде» воронье
Нам накаркало вранье?!»
Клим Ванюшку глазом смерил:
«Что же ты? Ужель поверил?»
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: «Никогда!»
Клим Ванюше подал руку:
«Вот, прочти-ка эту штуку!»
«Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!»

Разрыв-трава

(Большевистская сказка, переданная Климом Ване)

Батрак Лука не спал ночей,
Одолевали парня думы:
«Люд бедный, городской, —
в когтях у богачей
Деревней правят толстосумы.
Куда ни кинешься, все нет для голытьбы
Иной судьбы:
Какой-то черт ее трудом и сыт и гладок,
А ей — на все запрет и ко всему заслон.
Что ж это за такой закон?
И кто завел такой порядок?
По праздникам не раз, положим,
поп Ипат
Увещевал народ с амвона
Словами божьего закона:
Не зарьтесь, мол, на тех,
кто в мире сем богат,

Не ополчайтесь брат на брата!
В загробной жизни ждет
всех богачей расплата...
Слеза в глазах, н крест — в руках,
И голос — с этакою дрожью,
А явно отдает от проповеди ложью.
У самого попа порыться в сундуках, —
Подн-кося не все там по закону божью!
Вот батрака возьми, —
к примеру, хоть меня:
И руки будто есть, н голова на месте,
А в жизни я меж тем не знал такого дня,
Когда бы не был я рад смерти
что невесте.
К работе ль я ленив?
Работа ль мне невмочь?
Нет, я б работал день и ночь
И вынес всякую б работу.
Но если б строиться я возымел охоту, —
Замок-то есть, да нет ключа!
И камни и леса всё — в лапах богача!
На пашне бы своей не пожалел я поту,
Да пашни-то и нет.
Явившися на свет,
Все лучшие угодья
Нашел я где?
В руках дворянского отродья!
Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
Но лен ли, конопля ль,
овечье ли то стадо —
Все, все присвоено проклятым богачом!
Что ж остается мне?
За что мне браться надо?
И одному ли мне?
Один ли я пойду к грабителям
с поклоном?
Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.
Так это божьим, что ль,
утверждено законом?!»
Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.

В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.
«Жив, — порешил он так, — не буду, —
Для счастья общего
не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!»
В ночную темь, по рвам, по кочкам,
по бурьяну
Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.
Там, место выискав под старою сосной,
Три круга очертил и с верою живою
Платочек разостлал перед разрыв-травою.
Покрылся у Луки холодным потом лоб, —
То в жар его всего кидало, то в озноб, —
Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,
Он ждал чудесного цветенья.
Ждал, твердо веруя, что есть,
Есть сила дивная в волшебном,
тайном цвете!
О, если бы ему с собой тот цвет унесть, —
Перевернул он все б на свете!
Прибравши клады все к рукам,
Он их бы роздал беднякам, —
Всем, кто морит себя работой
подневольной,
Кто множит прихотью чужой число калек,
Кто к счастью весь свой скорбный век
Бредет, кряхтя, тропой окольной.
И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!
В твоих руках твоя судьба.
Злой власти богачей
ты не потерпишь боле.
В запряжке каторжной
уж не согнешь горба:
Под небом все — твое:
вода, и лес, и поле!
Избавясь от нужды проклятой, вековой,
Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,
В трудах и в радостях друг с другом
в общей доле

Жить иа своей иа полной воле!»
Упал в слезах Лука
перед разрыв-травой, —
На сердце стало парию худо,
От духоты иочной кружилась голова.
Тут — ровно ополночь —
в лесу свершилось чудо:
В короткий миг разрыв-трава
Пред парием блединым и безгласным
Вся расцвела цветеньем ясным, —
И, словию звездочки,
стал за цветком цветок
Роиться тихо иа платок.
Крест сотворивши троекратный
И завязавши цвет заветный в узелок,
Батрак пустился в путь обратный.
Идет. А сердце ёк да ёк.
И вот — отколь взялось
и где все раньше было?
Лес грозно зашумел,
зверье вокруг завыло,
Вверху закаркало лихое воронье,
Внизу заползали и зашипели гады:
«Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь
Иам прежнее житье!»
«Зальются кровью иаши клады!»
Сжимая узелок дрожащею рукой,
Лука все шел, а за Лукой
Неслися вихрем ведьмы, черти:
«Брось узел!» —
«Чьей ты хочешь смерти?».
«Прольется кровь!» —
«Иарод восстанет иа народ!»,
«На сыновей пойдут отцы,
иа братьев братья!»
Творя молитвы н заклятья,
Лука все шел с узлом вперед.
А вой все рос: «Куда ты?»
«Куда ты?»
И стали обгонять тут батрака солдаты:
«Прощан!
За кладь иас всех гонят умирать!»

Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь.
В тела вонзились пики.
Покрылось поле все кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья,
стоны, крики:
«Ты нашей гибели виной!»
Тут наважденье все вмиг,
как рукой, убрало.
Глядит Лука: никак уж солнце взыграло
Над деревушкою родной!
Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке
как стеганет с размаху!
Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.
Опомнившись,
батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит, перед ним нет ни врага,
ни цвета:
Все тот же темный лес,
и никого кругом;
Все та ж глухая ночь,
и не видать рассвета!
Товарищи! Друзья!
В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой —
клеветою,
Ужели дрогнем мы,
отступим хоть на шаг?
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?
Пусть заклеймила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон
на нас враги насели, —
Что ж! Мы покажем им,
что наша мощь жива,
Что все еще в руках у нас разрыв-трава —

Вождями нашими указанные цели,
Что, наподобие Луки,
Мы духом не падем,
надежд не похороним,
Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть все решит борьба!..

II

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слыхать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?»
«Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужиков,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем как след,
Что нам в пользу, что — во вред?
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкуйся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры —
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

III

Три недели ждали Тита.
«Вот, поди ж ты, волокита!»

Толковали так и сяк:
«Тоже дело не пустяк —
В день не справишься, понятно!»
Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В нетерпении великом
Все кругом кричали криком.
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика:
«Не томи ты, ради бога!»
«Нас брала уже тревога!»
«Чуть не месяц пропадал!»
«Где ты был и что видал?»

IV

«Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво. —
Дайте узел развязать,
Есть тут, что вам показать.
Вот газеты. Вот книжонки.
Не на ваши все деньжонки,
Не эсеры дали, нет.
Большевицкий Комитет!
Об эсерах что калякать —
Не народ, а просто слякоть!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подпевают живоглотам,
Все выходит, как по нотам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

V

Был я в ихнем совещанье.
Даже плюнул на прощанье!
Все про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.

Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на все махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой.
Грабят барские пожитки,
Разбирают все до нитки;
Жгут помещичьи дома, —
Вот она какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Все спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы,
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

VI

«Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло. —
Рвань там всякая мутит!»
«Ладно. Спрячься! — молвил Тит. —
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От эсеров этих нам:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью сснюхались,
На «порядке» помешались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То бишь «рвань», чтоб не «мутила»,
По указочке ходила,

По указочке б жила,
Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,
Слушать бредни надоело;
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

VII

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе
Обучалася наукам,
Благородным всяким штукам
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц, —
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего все это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
«Кто такой? Зачем? Откеда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют, — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда, —
Чуда, бунта — все равно:
Буятовать бы нам давно!

VIII

«Ну, пора и возвращаться».
Стал со Смольным я прощаться.

Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.
Как деревня ни темна, —
Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получат,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

IX

Дальше шло, как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде всё — своя родня,
И родня, сказать, не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень неглупа.
Не видал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходит, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речи полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!

Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода.
Дел партийных — миллион,
То ж Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про «массу»,
Про рабочие «низы»
И «предчувствие грозы».
Мне не очень-то понятно,
Слушать все-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!

X

Прямо днау я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:
«Вот-де, я не раскусил, —
Хоть кой-что смекаю смутно, —
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж все народ каков?
Не под стать ли он, к примеру,
Толстозадому эсеру?..»
«Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь, —
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить,
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!

Дай ей жить иль душу вон,
Но чтоб был на все закон!»
«Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно.
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

XI

«Меньшевик — иное дело,
Он орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,
Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост, —
Остается только хвост;
Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконом,
Доказал-де очень ясно,
Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Все придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд,
Скорбь, нужда, болезни, муки,
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет,
И... без бою все возьмет,

Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй —
холодный труп.
Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок.
Ну, какой отсель урок?»

XII

«Шутишь, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так примерно. —
Ждать, чтоб этот Капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти, —
Пусть его глотают черти!
Это что ж?
На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать, —
И задержка, мыслю, а малом! —
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет прока,
Коль подохнет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!»
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
«В бок ножом, и вся недолга!»
«Вот она, родная Волга!»
Кто-то даже так вскипел, —
«Стеньку Разина» запел!

XIII

Дали тут мне книг три пуда.
Маша...»
«Дрянь она! Паскуда! —
Рявкнул Пров на всю избу. —
Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здеся!»
И, поклона не отвеся,
Взором злым окинув всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех забором,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый...»
Поп глядел, как очумелый:
«Что стряслося, говори?»
«То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы, —
Небылицы — ерунда! —
Нет, все правда, вот беда:
Говорит, подлец, такое...
Дня нельзя провесть в покое:
Жди несчастья каждый час,
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку».
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с вином),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:

Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти!
«Знамо, надо доести!»

XIV

Похороны

У буржуев шумный пир, —
  Ну и пир.
Всех повесить, кто за мир! —
  Кто за мир?
Поднялся веселый крик, —
  Ну и крик:
Умер, умер большевик! —
  Большевик?
Со святыми упокой! —
  Упокой?
Шевелит мертвец рукой! —
  Ох, рукой!
Большевик открыл глаза! —
  Ой, глаза!
Неужель опять гроза? —
  Да, гроза!

Барские слезы

(Побывальщина)

Как во славном было городе
  во Питере,
Как на славной было улице Суворовской.
Против дому ли того да против Смольного
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
«Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,

Навсегда, мое житье, ты миновалося.
Все богачества мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины,
По рукам пойдут мужицким,
по мозолистым,
Беднотою неумытою поделятся.
Ох ты, горюшко мое, ты,
горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилося,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное,
навеки трижды проклято!
Чтоб ты в землю без остатку
провалилося!
Что пригрело ты смутьяна неуемного,
Главаря всей чернокостной
буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову —
Сладкопевцу Дарданелльскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконой чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжальтеся над нашей
барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!»
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Все пойдет по-стародавнему,
по-прежнему:
Не владеть крестьянам
пахотью помещичьей,
Не видать голодной рвани
вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

XV

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между ними,
Стих марать их именами.
Но, чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался.
Но откуда он взялся?
От эсеров, вот откуда!
Легковеры ждали чуд:
Адвокат, мол, говорлив,
Говорлив, да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит, станет за народ.
Вышло ж все наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богач ж — не знал холоп —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:
«Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудить хочу я сам!»
Адвокатик, взвывши матом,
С просьбой слезною к солдатам:
«Помогите! Караул!»
Поднялся в казармах гул:

«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

XVI

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
«Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство не мило,
Бунтарей не догромило.
Канителить неча зря.
Погуляли без царя!»
Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

XVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я под беду
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,

Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*
Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо,
Видел Ваню я и Клима,
Может быть, в последний раз.

Прощание

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

19 $\frac{\text{25 октября}}{\text{7 ноября}}$ 17 г.

Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простилися, ребятки,
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.
Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жив еще покуда
И, буржуям на беду,
С вами речь опять веду.
Да, на чем я кончил, кстати?
Пров Кузьмич скулил у бати,
Поминая бабкин квас:
«Жди несчастья каждый час!»
«Жди несчастья». Ненароком
Оказался Пров пророком:
Скоро впрямь стряслась беда,
Вроде «Страшного суда».
В день «Косьмы и Дамиана»
Вышло солнце из тумана,
Сквозь узорное стекло
В церковь луч свой навело.
В церкви уймища народу.
Поп кропило тычет в воду.
Окропивши всех водой,
Батя, бледный и худой,
И приметно спавши с тона,
«Братья! — речь повел с амвона. —
Сообщу вам злую весть:
Дней тому примерно шесть,
К вящей общей всей досаде,
Приключился в Петрограде
Вновь большой переворот:
Большевистский всякий сброд,
Мразь фабричная, матросы,
Словом, всякие отбросы
(Чтоб им, иродам, пропасть!)
Захватили в руки власть.
Первым подлым их декретом
То, что было под запретом
И в веках освящено,
Все как есть отменено.

Все помещичьи именья,
Монастырские владенья
И церковные — равно —
Все теперь уравнено,
Все, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, тряхнув, промолвил: «Вон!»
Тит взобрался на амвон!..

Заключение

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
«Большевистском Октябре».
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Все, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,

Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!
Про «Ивана» сказ народный:
Дескать, он «дурак» природный,
Потому «дурак» большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит, —
Не боярам, не царям, —
Что всегда он смел и прям.
Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.

Но иное повелося:
«Умных» много развелося —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема, ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно.
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.
Что мы стóим без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:

Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так намедни
Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То бишь с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.
Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар, что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки,
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не все ли нам равно.
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинет
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу,
Но... помещичью землицу,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,

Пусть как хочет нами праант.
Нам — землицу! А права...
Это асе нам трын-трава!»
Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Ереме:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.
У него — назад оглядка,
Он устал от «беспорядка»:
Не дают ему жевать
То, что он успел «урвать»;
Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — «Иван-дурак»!

Ой аы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы, —
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспрошайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умнишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребятки,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?
Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.
Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,

Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.
Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.
Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалося оно,
Нынче спаяны в одно;
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужающий молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик,
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,

Канцелярский воротила,
Промотавшийся кутила,
Золотушный князь,
барон, —
Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская.
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,
А все пакости ее:
Оголтелое вранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство! —
В том все тлиное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Все равно, японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,
С чертом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб идти на нас войной.

С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?
— Деревенский живоглот!

Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей,
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерема ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум — вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!

Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ. БАСНИ.

БАСНИ ЭЗОПА (1914—1916)

Демьян Бедный

Избранное

Печатается по изданиям: Д. Бедный. Стихи, басни. Изд-во «Советская Россия», М., 1973. Д. Бедный, Стихотворения и поэмы. Изд-во «Советский писатель», М. — Л., 1965.

Зав. редакцией И. Лепин
Редактор Н. Гашева
Художник М. Курушин, портрет — А. Зырянова
Художественный редактор Н. Горбунов
Технический редактор Н. Устинова
Корректоры Г. Борсук, Е. Соколова

ИБ № 482

Сдано в набор 29. I. 1978 г. Подписано в печать 8. VI. 1978 г. Формат бум. тип. № 3 70×108$^1/_{64}$. Бум. л. 2,75; печ л. 5,5 (усл. прив. л. 7,7); уч-изд. л. 14,385. Тираж 50 000 экз. Первый завод 10 000 экз. Цена в ледерине 1 р. 70 к., в коленкоре 1 р. 60 к. Темплан 1978 г. Изд. № 36. Зак. 124. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б38
Демьян Бедный. Избранное. Пермь, Кн. изд-во, 1978.

344 с.

В книгу вошли избранные стихи, басни и повесть в стихах известного советского поэта.

Р2

Б $\frac{70402-46}{\text{М}152(03)-78}$ 36—78

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ